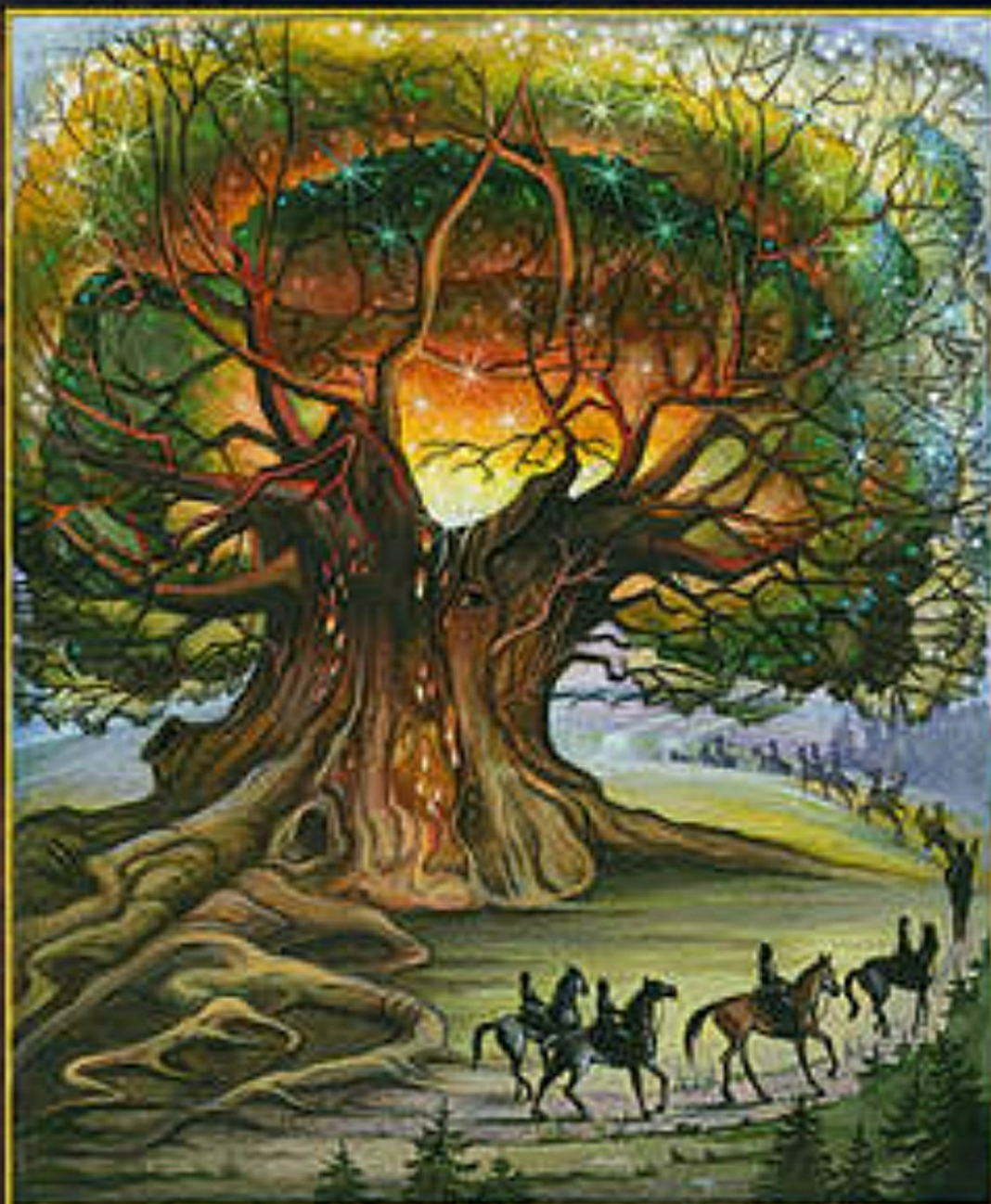

Айлин Вулф

Лорд и леди
Шервудс

Айлин Вульф

Лорд и леди Шервуда. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Вульф А.

Лорд и леди Шервуда. Том 2 / А. Вульф — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Он хотел обвенчаться с ней и представить ее в Шервуде как свою супругу — она вернула ему слово и пожелала стать вольным стрелком. Он позволил, и она увидела его в прежде незнакомом ей облике строгого и взыскательного командира, справедливого, но жесткого правителя. Она осознала, что в жизни лесной державы нет места бесшабашным вольностям, о которых из уст в уста передаются легенды. Ряд событий наводит его на мысли о предателе в Шервуде, но эти мысли он пока хранит при себе, понимая, на кого падет подозрение.

Содержание

Шервуд	6
Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	38
Глава четвертая	52
Глава пятая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Одна та же сила, обрушивающаяся бедствиями, добрых испытывает, очищает, отбирает, а злых отсеивает, опустошает, искореняет.

Блаженный Августин

О Феникс женственный, ступай смелей
Навстречу жениху – и слей
Огонь с огнем, чтоб в мощи дивной
Вознесся этот пламень неразрывный!
Ведь нет разлук для тех,
Кто заключен один в другом всецело,
Как для стихий, которым нет предела,
Нет и не может быть граничных вех.
Скорей, скорей! Пусть пастырь скажет
Вам назиданье – и навеки свяжет
Узлом духовным руки и сердца...

Джон Донн

Шервуд

Глава первая

Последний месяц весны – тот самый веселый месяц май, как о нем пели в песнях, – и первый месяц Марианны в Шервуде пролетел для нее словно один день. Никакого веселья май ей не принес, зато щедро одарил постоянным желанием спать и таким же постоянным ощущением телесной усталости и боли во всех мышцах – от макушки до кончиков пальцев ног.

Тренировки, дежурства в дозорах, патрулирование лесных дорог – все эти занятия, перемежаясь друг с другом днем и ночью, заполнили время до последней минуты. Марианна была бесконечно благодарна Кэтрин, заботами которой находила на своей постели чистую одежду. Самой заниматься стиркой у нее не оставалось сил. Впрочем, Кэтрин так же заботилась обо всех остальных стрелках, и в ее опеке над Марианной не было ничего исключительного.

В первое же утро, когда они вернулись из ночного объезда дозорных постов, Вилл поднял Марианну с постели, едва она успела поспать от силы час, и позвал на тренировку. Сам Вилл был свеж и бодр, словно не провел всю ночь в седле, как и Марианна. Добрый час он мучил ее, заставляя в стремительном темпе уклоняться от его ударов и подбадривая язвительными насмешками, из которых самым добрым было предложение поменять меч на прялку. Когда она уже падала с ног, он остановил их кружение и, убрав свой меч в ножны, принялся обучать Марианну одному из приемов защиты. Убедившись в том, что она усвоила урок, Вилл отпустил ее молчаливым кивком. Она хотела вернуться в постель, но Вилл, предупредив ее намерение, ухватил Марианну за плечо и указал ей в сторону крыла старого монастыря, которое стрелки обустроили под конюшню.

Из дверей конюшни Робин выводил неоседланного коня.

– Он же почти не объезжен! – услышала Марианна за спиной чей-то возглас.

– Вот и объездим, – спокойно ответил Робин, привязывая к оголовью длинную корду, и, хлопнув по земле бичом, разогнал коня по широкому кругу.

Конь, которого переполнял избыток сил, встал на свечу, сделал несколько резких прыжков и, раздувая ноздри, помчался галопом. Найдя Марианну взглядом, Робин кивком указал ей на лошадь. Марианна, у которой после занятия с мечом подламывались колени и дрожали руки, с отчаянием посмотрела на коня и перевела на Робина умоляющий взгляд.

– У меня нет сил!

– Поищи, – невозмутимо посоветовал Робин, наблюдая за бегом коня. – Ты стрелок вольного Шервуда, поэтому не имеешь права на усталость. Вперед, иначе я сочту, что ты нарушаешь мой приказ.

Почувствовав прилив злости, а вместе с ней и сил, Марианна выждала, когда конь окажется рядом, ухватила за гриву и, пробежав несколько шагов, забросила себя на спину лошади, сама не ожидая такого подвига. Впрочем, это была только первая победа. Непривычный к всадникам жеребец, протестуя, тут же встал на дыбы, и Марианна с трудом удержалась, вцепившись в коня так, словно все ее мускулы проросли в его тело. Робин снова хлопнул бичом, дернул корду, и конь помчался по кругу, ударяя крупом так, что Марианна подлетала на нем, едва не утыкаясь носом в конскую шею. Еще несколько кругов, и ей показалось, что галоп стал ровнее. Она ослабила хватку и тут же поплатилась: жеребец снова ударил крупом, и Марианна слетела с его спины.

– Все в порядке? – с прежней невозмутимостью спросил Робин, не сделав ни шагу к Марианне, которая, потирая ушибленные места, под хохот стрелков поднималась с земли.

– Да, – со стоном ответила Марианна. – Кажется, все кости целы.

– Я спрашивал не о тебе, – усмехнулся Робин без тени сочувствия. – С лошастью все в порядке? Ты не причинила ей вреда?

Не обращая внимания на Марианну, которая стояла с лицом, пунцовым как от смеха стрелков, так и от бессердечного вопроса Робина, он поменял корду на обычные поводья и одним движением оказался верхом на лошади. Конь сделал несколько кругов галопом, сопровождая аллюр яростными попытками сбросить всадника, но Робин сидел на нем как влитой. И конь смирился, пошел ровным коротким галопом, потом, подчинившись Робину, перешел на рысь, старательно перебирая ногами. Наконец, убедившись в полном послушании лошади, Робин остановил ее, спешился и небрежно бросил Марианне поводья.

– Отшагай его до ровного дыхания, вытри и поставь в конюшню. Потом у тебя есть час отдыха.

Марианна хотела спросить, что ее ждет после этого щедро подаренного часа, но решила не нарываться. Робин, который, казалось, читал все ее мысли, как открытую книгу, усмехнулся и сказал сам:

– После отдыха посмотрим, на что ты годишься как лучница. А вечером поедешь с Клемом на пост в дозор до утра.

Вот так и прошел ее первый день на службе у лорда Шервуда. Ночью, когда они с Клемом забрались на помост, сооруженный среди толстых ветвей старого дерева, Клему стоило больших усилий нести дозор и одновременно будить Марианну, которая вскидывалась, когда он толкал ее, и тут же вновь проваливалась в сон. Устав с ней бороться, Клем махнул рукой и, прикрыв Марианну полой плаща, предупредил:

– Саксонка, только не проболтайся, что я позволил тебе спать! Накажут и тебя и меня!

На рассвете их сменили Эдельхард и Бранд. Вернувшись в лагерь, Марианна едва успела выпить кружку молока, как возле нее появился Вилл и многозначительно постучал пальцами по рукояти меча. Второй день начался.

Легче всего Марианне показались занятия стрельбой – все-таки она и до Шервуда была хорошей лучницей, но эта обманчивая легкость быстро рассеялась. Только первый урок был относительно простым, когда она, стоя на месте, стреляла по неподвижной мишени. На следующих уроках Робин заставлял ее стрелять на бегу, падая и переворачиваясь, по движущейся мишени, по нескольким мишеням, с седла на рыси и на галопе. Отдельные занятия он отводил ее обучению скорострельности, когда стрелы воткнуты перед лучником частоколом и когда они собраны в колчан. Именно на таких занятиях она стерла в кровь пальцы о тетиву, и только после этого Робин дал ей на следующем уроке перчатки для стрельбы.

Еще были упражнения с охотничьим ножом, который надо было мгновенно выхватить из-за пояса, из рукава или голенища и метнуть в указанную цель. А на занятия Джона с Марианной, как на бесплатную забаву, собирались все стрелки, что были в тот час в лагере.

– Вот смотри, я нападаю на тебя со спины, ты перехватываешь мою руку и подсекаешь ногой мою ногу! – рычал Джон, наваливаясь на Марианну всей громадой своего тела, так что они оба падали на траву. – Ничего сложного! Ты поняла?

– Поняла! – шипела Марианна, барахтаясь и пытаясь выбраться из-под Джона под неумный хохот стрелков.

– Тогда давай еще раз! – Джон, хватая ее за руку, рывком ставил Марианну на ноги, и они начинали заново.

К концу первой недели Марианна не смогла заставить себя подняться с постели: настолько усталым и разбитым было ее тело, которое ныло болью и требовало отдыха. Не

дождавшись Марианну в обычный час тренировок, Вилл пришел в ее комнату и бесцеремонно стащил с постели за ворот рубахи. Марианна только порадовалась, что уснула, не успев раздеться. Она сомневалась, что Вилл остановило бы отсутствие на ней одежды: он вытащил бы ее на поляну в том, в чем она была. Ко всем ее несчастьям, день обещал быть знойным и солнце нещадно палило прямо с утра. Занятие едва началось, а у Марианны уже кружилась голова, и она с трудом удерживала меч.

– Что ты сегодня ползаешь, как вареная жаба?! – зло крикнул Вилл, в очередной раз выбив меч из ее руки.

На него, казалось, жара вообще не действовала: он был как всегда свеж и полон сил.

– Я больше не могу, – жалобно прошептала Марианна, падая на траву. – Я устала, мне жарко!

Вилл посмотрел на нее, кивнул с неожиданным пониманием и убрал меч в ножны.

– Жарко? Это поправимо, – сказал он и ушел прочь.

Марианна, не веря неожиданной передышке, упала навзничь, раскинула руки и блаженно закрыла глаза.

– Саксонка! Быстро встань! Вставай немедленно! – услышала она отчаянный вопль Дикона.

Но прежде чем она успела не то что осведомиться о причинах его крика, но просто открыть глаза, как поток ледяной воды щедро окатил ее с головы до ног. Марианна как ужаленная вскочила на ноги и потрясла головой, разбрасывая брызги во все стороны.

– Так прохладнее? – услышала она голос Вилла и, открыв глаза, увидела его недобрую улыбку.

Отбросив огромную пустую бадью, Вилл движением подбородка указал ей на меч, который она оставила на траве. Марианна, стиснув зубы и не сводя с Вилла злых глаз, схватила меч и бросилась в атаку. Никогда прежде ей не удавались так хорошо приемы нападения, которым ее обучал беспощадный учитель Скарлет. Не замечая усталости, не чувствуя мокрой одежды и хлюпанья воды в сапогах, она от атаки переходила к защите и снова бросалась в атаку. Когда Вилл, как всегда неожиданно, отвел свой меч и сделал шаг в сторону, она не опустилась в изнеможении на траву, как прежде, а в рывке пролетела мимо Вилла и, не встретив противника, растянулась у ног Скарлета.

– Сегодня значительно лучше, – услышала она беспристрастный голос Вилла и, вспомнив неприязненные отзывы Клэрэнс о старшем брате, поняла, что целиком разделяет ее чувства.

– Неужели ты до сих пор зол на нее? – спросил Джон.

Джон и Робин все это время стояли возле коновязи, наблюдая за Виллом и Марианной.

– Глупый вопрос, Джон, – усмехнулся Робин, продолжая смотреть на Марианну, которая, уперев кулаки в бока, сверлила спину Вилла яростным взглядом. – Я никогда не сержусь на женщин дольше четверти часа.

– Тогда за что ты ее так гоняешь? Любому из новичков доставалось вдвое меньше, чем ей! Она ведь скоро с ног упадет! – упрекнул Джон.

– Напротив, так она скорее встанет на ноги, – ответил Робин и окликнул Марианну: – Саксонка, быстро переодевайся и седлай коня! Сейчас приедет Статли – отправишься с ним в дозор до вечера, потом Джон заберет тебя.

Джон лишь покрутил головой и махнул рукой в знак того, что лорд Шервуда, наверное, знает, что делает, но у самого Джона на этот счет есть сомнения.

Вдобавок к тренировкам и службе стрелка Робин поручил Марианне аптеку, и ей пришлось жертвовать краткими часами отдыха, чтобы успевать собирать травы и готовить лекарства. В последнем он иногда помогал ей, одновременно обучая Марианну рецептам,

которых она не знала. Она поняла, что ее напрасно считали лучшей целительницей графства: познания лорда Шервуда в медицине были много обширнее, чем ее собственные.

Впрочем, со временем, необходимым для поддержания аптеки в полном порядке, Марианне неожиданно помогло ее женское естество. Подействовал ли отвар, которым ее напоил Робин, или вообще ничего не было, но в один из дней середины мая, возвращаясь с патрулирования, Марианна почувствовала, что седло под ней мокрое. Украдкой проведя по нему рукой, она увидела, что пальцы окрасились кровью. Но вместо радости и облегчения ее охватил ужас, когда она представила, как будет вместе со всеми спешиваться, доехав до лагеря. В ту же минуту ей на плечи лег длинный плащ, укрывший Марианну до щиколоток, и она увидела рядом с собой Робина.

– Четыре дня проведешь в лагере, – сказал он, не глядя на нее. – Будешь заниматься сбором трав и приготовлением лекарств. От дозоров и патрулирования я тебя освобождаю, от тренировок нет. На будущее то же самое: просто говори мне, что ты остаешься дома.

По-прежнему не бросив в ее сторону ни взгляда, он пришпорил Воина и уехал вперед. Но в лагере он снова оказался возле нее, помог спешиться, проследив за тем, чтобы плащ закрывал ее всю, не сбившись в сторону, и сам увел расседлывать ее коня.

Дни шли своим чередом, и Марианне стало казаться, что у нее и не было другой жизни до Шервуда. Не обошлось и без курьезов – правда, Марианна не нашла в том, что произошло, ничего смешного, но стрелки долго втихомолку веселились, вспоминая вечер последнего майского дня.

Это был день рождения лорда Шервуда, и чествовать своего господина и командира собрались стрелки почти со всего Шервуда. Они засиделись за праздничными столами допоздна, и Марианна выпила так много вина, как никогда в жизни. То, что вино было много крепче обычного, которое в Англии повсеместно пили взамен воды не только взрослые, но и дети, Марианна оставила без внимания. Чувствуя себя равной стрелкам, она наравне с ними подставляла свой кубок тем, кто добровольно выполнял обязанности кравчих, и не заметила, как опьянела. Зато это заметил Робин, поймал взгляд Статли и указал ему глазами на Марианну. Посмотрев в ее сторону, Статли ухмыльнулся, подошел к Марианне, незаметно для остальных увел ее из трапезной и отнес на руках подальше в лес. Только когда он поставил ее на ноги, она поняла, что совсем плоха. Ее выворачивало наизнанку, а Статли поддерживал Марианну и смеялся, слушая ее жалобы.

– Как мне плохо!

– Ничего-ничего, Саксонка! Мы все через это прошли, чтобы узнать свою меру.

– И как стыдно!

– Не расстраивайся – никто ничего не заметил! – веселился Статли, умывая лицо Марианны водой из ручья.

– Ты же заметил, – пробормотала Марианна и, когда он подхватил ее на руки и понес обратно в лагерь, уронила голову на плечо Статли и уснула.

Статли принес Марианну в ее комнату, уложил в постель, и следом пришел Робин. Сев на край кровати, он разбудил Марианну и подал ей кубок, на который она посмотрела с ужасом и отвращением.

– Я больше ни капли не выпью!

– Похвальное стремление к воздержанию! – усмехнулся Робин и настойчиво поднес кубок к ее губам. – Пей, это отвар, от которого тебе станет лучше.

Она с трудом проглотила горячую горькую жидкость и повалилась, уснув прежде, чем ее голова коснулась постели, не слыша, как Робин и Статли посмеиваются, глядя на нее.

Утром она проснулась с жуткой головной болью. Как всегда, проснулась не сама, а от того, что ее с требовательной силой потрясли за плечо. Марианне очень хотелось послать

Вилла ко всем чертям, но она не рискнула, и правильно сделала: когда ей удалось разлепить глаза, она увидела Робина.

– А где Вилл? – только и смогла она выговорить: боль пронзительно ударила в виски.

– Спит. Вчера перебрал лишку, как и ты, – с усмешкой ответил Робин, – так что сегодня я вместо него. Одевайся, умойся, я жду тебя на поляне. Меч я тебе принесу.

– Спасибо и на этом! – сказала Марианна с тяжелым вздохом. – Виллу можно поспать подольше, а мне нельзя?

– Виллу много чего можно из того, что тебе всегда будет нельзя, – ответил Робин. – Не заставляй меня долго ждать!

Когда Марианна с тяжелой головой вышла на поляну, она смогла порадоваться тому, что первый летний день был облачным: хотя бы яркий солнечный свет не добавит ей головной боли. Незаметно для Марианны посмеиваясь над ее хмурым лицом, Робин подал ей меч.

– Ой! Мне даже меч сегодня кажется тяжелым! – воскликнула Марианна.

– Он и есть более тяжелый, – услышала она в ответ, – я заменил тебе меч: пора переходить к настоящему оружию.

– Непременно сегодня? – обреченно спросила Марианна.

– Непременно, – подтвердил Робин.

Тренировка далась ей с огромным трудом: Робин занимался с ней так, словно не замечал ее состояния. К большому удивлению Марианны, когда занятие окончилось, она почувствовала себя в полном порядке.

– Вилл неплохо поработал с тобой, – сказал Робин. – С завтрашнего дня усложним занятия.

На следующий день она встретила на тренировке не только Вилла, но и Робина и, поняв, что они оба собираются быть ее противниками, пришла в смятение.

– Не робей, Саксонка, – подбодрил ее Вилл, – никто из нас не будет биться с тобой и в четверть силы. Тебе пора учиться правильной реакции при схватке с несколькими противниками одновременно.

Ей удалось продержаться ровно пять минут, после чего выбитый Робин меч вылетел из ее руки. Не успела она расстроиться, как услышала одобрителный голос Вилла:

– Вполне достойно! Кажется, я хорошо поработал с ней, братец!

– Да, – согласился Робин и, заметив удивление в глазах Марианны, улыбнулся. – Ты продержалась в пять раз дольше любого из новичков.

Марианна поняла, что у других меч вылетал из рук сразу же, и она, впервые с тех пор как ее жизнь изменилась, улыбнулась гордой улыбкой, а в ее глазах вспыхнуло лучистое сияние.

– Не заносись чересчур! – рассмеялся Робин, заметив и улыбку, и гордый взгляд. – Тебе еще многому предстоит научиться. Ты в самом начале пути.

И она очень скоро поняла это, когда в очередной раз Вилл подал ей второй меч, а вот с двумя мечами она не продержалась против шервудских братьев даже минуты.

Лишь в середине июня Марианна первый раз попала в сражение с ратниками шерифа. Правда, для нее это сражение было условным: Робин и Вилл, орудуя мечами, одновременно закрывали ее собой, ловко меняя друг друга, и Марианна видела только их спины. Ее клинку не довелось ни разу скреститься с клинком противника. Когда все было кончено, Робин, вытерев пот со лба, улыбнулся и одобрително хлопнул Марианну по плечу.

– Молодец, Саксонка! Ты нам совсем не мешала!

Марианна задохнулась от обиды. Заметив это, Джон добродушно проворчал:

– Глупышка, это же похвала! Знала бы ты, как Дикон в свою первую встречу с ратниками подставил Вилла, который его прикрывал! Вылез из-под его руки, и Вилл едва не получил удар в бок.

– Ты долго будешь приводить меня в пример? – с досадой воскликнул Дикон. – Даже Скарлет мне тогда слова не сказал, а ты второй год забыть не можешь!

Вилл лишь повел глазами в сторону Дикона и усмехнулся.

– Конечно, не сказал! – кивнул Джон. – Просто залепил тебе затрещину, от которой ты в кусты улетел. Вилл вообще считает, что от слов мало толку.

– Так и есть! – хмыкнул Вилл. – Зато он стал смирным, как новорожденный ягненок, и не лез, пока старшие не разрешили.

Июнь сменился июлем, и Марианна вдруг почувствовала, что она изменилась. Упражнения с мечами стали доставлять ей не муку, а удовольствие. Раньше она думала только о том, как успеть ускользнуть от выпада Вилла или Робина, и заботилась о точности, с которой ей надлежало воспроизвести прием, которому ее обучили накануне. Теперь ее тело работало само, не требуя участия разума, и Марианна даже испытывала азарт, кружась в стремительном танце под музыку смертоносной стали.

Ей больше не надо было долго целиться при стрельбе из лука. Достаточно было мельком посмотреть на мишень – и стрела точно следовала ее взгляду. Когда Робин счел возможным скупко похвалить ее за успехи, достигнутые в скорострельности, он завершил с ней занятия. Закончились и уроки верховой езды, когда лорд Шервуда убедился, что Марианна быстро подчиняет себе любого, даже самого строптивого коня. А ее иноходец, которого она назвала Колчаном, слушался команд хозяйки, как бы она их ни передавала – поводом, голосом, нажимом голеней, наклоном корпуса, и был готов бегать за Марианной, как преданная собака.

Так же, как со стрельбой, у нее стало ладиться с метанием ножей, и Марианна теперь с умилением вспоминала то время, когда она брала в руки нож и боялась порезаться об острое лезвие. Но самым главным успехом она посчитала для себя бросок, которым свалила Джона с ног под восторженные вопли зрителей, и подала ему руку, помогая подняться с утоптанной травы.

В середине июля в очередной стычке с ратниками шерифа ее безмолвно допустили, наконец, скрестить меч с противниками, и два ратника поплатились за то, что легкомысленно приняли Марианну за мальчишку, справиться с которым не составит труда. Она не испытала ни трепета, ни ужаса, убив двух человек, пусть и врагов, лишь равнодушно глянула на них и пучком травы стерла кровь с клинка.

– Способная девочка! – усмехнулся Вилл, наблюдая за Марианной. – Способная и жестокая. Знаешь, Робин, если бы я сам не учил ее и не помнил, какой она была в начале занятий, то сейчас уверился бы в том, что сама Морриган почтила нас своим присутствием!

Марианна обнаружила, что за время беспощадного к ее силам сочетания службы и обучения она неплохо изучила Шервудский лес. Конечно, не так хорошо, как его знали другие стрелки, и тем более лорд Шервуда, но все же достаточно, чтобы легко ориентироваться в сплетениях лесных троп и ручьев, россыпях полян и лугов, темной глубине чащоб и прозрачных завесах рощ. Она узнала, где заканчивается безопасная для стрелков территория, а за ней – относительно опасная и где начинается враждебный мир, замыкавший Шервуд в кольцо.

Лес был очень велик, гораздо больше, чем она могла представить, пока не оказалась в нем. Робин и его друзья показали Марианне многое из устройства жизни вольных стрелков, но не все. Марианна знала, что лес охраняется двойной полосой дозорных постов, и на нескольких она сама несла дежурства. Но расположения всех постов она не знала. Джон объяснил ей, что в лесу обустроено достаточно лагерей, в которых живут вольные стрелки, но не счел нужным называть точное число, как и число всего вольного воинства. Лагерь

самого лорда Шервуда служил домом трем десяткам стрелков, которые считали себя отборным, едва ли не королевским, отрядом. Столько же стрелков было в лагере Статли, который был обустроен в большой пещере в пяти милях от лагеря лорда Шервуда. В других лагерях Марианне пока не доводилось бывать.

Тогда же, в середине июля, Робин и Статли взяли Марианну с собой в Хольдернес, куда они поехали по хозяйственным заботам Шервуда – договориться о покупке зерна и сена. Марианна так отвыкла от шумного многолюдья большого селения, что Робин сделал ей внушение:

– Саксонка, не верти головой, не разглядывай людей так пристально. Либо ты выдашь нас таким чрезмерным любопытством, либо мы нарвемся на неприятности, если кто-то оскорбится твоим бесцеремонным взглядом! Привыкай заново к городам и селеньям.

Но и Марианна удостоилась многих очень внимательных взглядов – лукавых и завлекательных – к изрядному веселью лорда Шервуда и Статли. Она впервые, с тех пор как попала в Шервуд, сняла зеленую куртку вольного стрелка, но оставалась в мужской одежде. Ее волосы немного отросли, но были так же коротки, как и у ее спутников. Стрелки вообще предпочитали стричься коротко, и только Джон по требованию Кэтрин был вынужден щеголять шевелюрой до плеч. Кэтрин очень нравились светлые густые волосы мужа, она сама за ними ухаживала, и Джону ничего не оставалось, как смириться.

Поэтому девушки Хольдернеса принимали Марианну за юношу, и весьма привлекательного. Пока она ждала в трапезной на постоялом дворе Робина и Статли, которые разговаривали с хозяином, успела получить два предложения сходить вечером на танцы, сопровождаемые звонкими поцелуями, и шарф, вышитый собственной рукой пунцовой от смущения дарительницы.

– Это просто ужасно! – поделилась Марианна возмущением, когда они возвращались в Шервуд. – Такая навязчивость со стороны девушек непозволительна!

Статли в ответ расхохотался во все горло.

– Саксонка, а ты опасный соперник! Впредь надо будет это учесть. Заметь, что ко мне и к Робину ни одна из девиц не подошла с любезным приглашением провести с ней вечерок. Я слышал, как девчонки о тебе щебетали. Такой, мол, хорошенький, такой молоденький! Щеки нежнее шелка, словно ни разу не брился!

Марианна лишь отмахнулась, смеясь в ответ. Она давно уже поняла, что Статли по уши влюблен в Клэрэнс и, как показалось Марианне, не без ответа. Она думала, что Статли и есть тот самый человек, о котором ей поведала Клэрэнс в ответ на вопрос, влюблена ли она в кого-нибудь. Но мысль о том, что Робин мог приглянуться какой-нибудь девушке, ей вдруг не понравилась, как не понравилось и то, что ее, оказывается, эта мысль задела. Марианна удивилась, потом испугалась и рассердилась: слабая тень неожиданной ревности нарушала покой, наступивший в ее душе. Она ничего не сказала, постаралась, чтобы лицо ее осталось безмятежным, но краем глаза заметила, как по губам Робина скользнула улыбка. Он по-прежнему слишком хорошо чувствовал то, что происходило в уме и в душе бывшей возлюбленной.

За недолгие месяцы, проведенные в Шервуде, Марианна открыла в Робине много черт, которых не знала прежде. Истинный облик лорда Шервуда был сложнее и многограннее того, что хранился в ее памяти. Она узнала, каким верным и преданным другом он был для своих друзей, увидела в нем талантливого и опытного воина, приученного к ратному делу с детских лет, и заботливого господина для своего отверженного законами воинства. Заботясь о безопасности вольных стрелков, он следил за тем, чтобы в Шервуде не было недостатка в оружии, одежде, лошадях, чтобы у стрелков всегда были запасы еды для людей и корма для лошадей. Она узнала, что до ее появления в Шервуде именно он врачевал раны стрелков. Он был одновременно во главе своих стрелков и равным среди них. У стрелков не было секре-

тов от своего лорда. Любой из них, оказавшись в затруднительном положении, обращался к Робину за помощью и советом, и не было случая, чтобы Робин не нашел выхода или отказал в помощи.

Она поверила и в то, что лорд Шервуда мог быть жестоким. Недаром ратники шерифа и Гая Гисборна остерегались особенно его: тяжелый Элбион в руках Робина не знал пощады. Никто не мог увернуться от его стремительных и сокрушительных ударов. Прозвище Шервудского Волка, данное ему Гаем, перестало удивлять Марианну, когда в ее присутствии стрелки пришли на выручку йоменам из Маласэта, которые подверглись нападению шайки грабителей. После недолгого, но обстоятельного допроса Робин, не поколебавшись ни на мгновение, приказал повесить грабителей тут же на ближайшем дереве, и никакие мольбы о пощаде не заставили его смягчить приговор. Марианна знала, что разбой в Шервуде очень ограничен и касается исключительно сборщиков податей. Но ей казалось, что лорд Шервуда, будучи главой тех, кого объявили вне закона, все же проявит снисходительность к тем, кто промышлял обычным грабежом, – может быть, по неразумению. Она не осмелилась подступиться с вопросами к самому Робину и спросила у Вилла о причинах сурового приговора.

– Они объяснили, что им по нраву веселая жизнь в лесу, но они не желают носить зеленые куртки вольных стрелков и подчиняться нашим порядкам, – ответил он. – К тому же причины, побудившие их заняться разбоем, не показались Робину весомыми.

Заметив, что Марианна ждет продолжения объяснений, Вилл усмехнулся.

– В Шервуде, как и в любом королевстве, может быть только один верховный правитель, Саксонка. Робин поступил совершенно правильно, если и впредь желает держать власть в руках. А он желает, смею тебя уверить! Прояви он милосердие, и через недолгое время любой осмелится нарушить заведенные им порядки, зная, что наказания не последует. К тому же два дня назад эта же шайка убила монаха, который не пожелал расстаться ни с лошадью, ни с кошельком. Робин слишком дорожит репутацией вольного Шервуда, чтобы прощать такие деяния. Мы ведь не случайно оказались здесь вовремя и выручили этих бедолаг из Маласэта. Мы искали тех, кто пытался их ограбить.

– Искали затем, чтобы сделать то, что сделали? – уточнила Марианна, покосившись в сторону повешенных, которых к тому времени зарывали в небольшом овраге.

– Совершенно верно, – бесстрастным тоном подтвердил Вилл и, прервав разговор, оставил Марианну саму разбираться в происходящем.

Конечно, Вилл всегда и во всем поддерживал лорда Шервуда – в его одобрении действий Робина Марианна и не сомневалась. Но она увидела такое же одобрение и на лицах остальных стрелков. Марианна окончательно уверилась в том, что именно Робин, а не Гай был на самом деле правителем Средних земель. Гай не мог поддерживать свои порядки, поскольку был не в силах справиться с их главным нарушителем – лордом Шервуда. А Робин держал власть железной рукой и бдительно охранял лес от непрошеного вторжения кого-либо, сам же вмешивался во все, во что считал нужным вмешаться. Прочувствовав в полной мере стальную волю Робина, Марианна поняла всю тщетность усилий Гая отнять эту власть у лорда Шервуда: Робин был действительно слишком сильным противником. Если бы он родился не в графской семье, а наследником правящей династии, страна получила бы великого короля, куда лучшего, чем король Ричард или его брат принц Джон.

Ее не удивило нежелание грабителей присоединиться к вольным стрелкам. Робин был справедливым, но суровым лордом. Как только новичок облачался в зеленую куртку, он принимал на себя обязанность соблюдать законы Шервуда. Как Робин и предупреждал Марианну, он не терпел нерадивости в ратной службе.

При Марианне, сопровождавшей Вилла на проверке дозоров, один из стрелков отряда Статли был обнаружен спящим. Когда разъяренный Вилл потребовал для дозорного наказания в десять ударов плетью, Робин согласился, и Статли не осмелился вступить за своего

стрелка, хотя Марианна видела по его лицу, что он считает наказание суровым. Юноша пробыл в Шервуде неполный месяц и еще не привык к жесткой дисциплине, которой подчинялась жизнь вольных стрелков. Залечивая рубцы, оставленные плетью на спине несчастного любителя вздремнуть, Марианна наконец поверила в давнее предупреждение Робина. С тех пор она, любившая украдкой поспать в дозоре, стала всерьез опасаться и за свою спину, всей душой надеясь, что ее былые прегрешения остались незамеченными для лорда Шервуда и всевидящих глаз его брата. Но, как выяснилось, она заблуждалась. Вернувшись однажды на рассвете в лагерь и задержавшись за дверями трапезной, она услышала обычный утренний доклад Вилла Робину о делах Шервуда и новостях, которые Вилл узнал от дозорных и патрулей. Неожиданно Робин перебил Вилла и как бы между прочим спросил:

– Саксонка опять спала в дозоре?

– С тех пор как своими глазами увидела, чем это грозит, сразу спать перестала, – фыркнул Вилл.

Они расхохотались, а Марианна стояла за дверьми, не смея показаться им на глаза. Она поняла, что Робин, как и говорил ей раньше, далеко не каждого подпускает к своей душе. Только от старшего брата, которому он был беззаветно предан и который ответно платил ему такой же преданностью, у лорда Шервуда, может быть, не было секретов. Даже сестра, даже Джон не были настолько близки Робину, как Вилл. Но Клэрэнс хватало того, что Робин считал нужным ей доверить, а Джон был достаточно проницателен, чтобы заглядывать вглубь души своего лорда всевидящим оком без разрешения Робина.

Стрелки – и те, что были из лагеря лорда Шервуда, и другие, с которыми ей доводилось вместе нести ратную службу или просто встречаться на лесных тропках, – стали относиться к Марианне дружелюбнее, без прежней настороженности и холодного любопытства. Она была рада тому, что в ней видят своего парня, но никак не девушку. Поэтому ей было хорошо и свободно в их обществе.

Лорда Шервуда Марианна почитала, как подданная почитает короля, а простой ратник – главного военачальника: восхищаясь им и очень стараясь не вызвать его неодобрения. Всегда скупые слова похвалы, улыбка или просто одобрительный взгляд приводили ее в радостное настроение на целый день. Слегка поднятая бровь – и Марианна незаметно исчезала с глаз Робина. Так, как раньше, он никогда на нее не смотрел и не разговаривал, даже по имени называл редко. Если наступала его очередь объезжать дозорные посты – эту обязанность Робин, Вилл и Джон делили между собой, он никогда не звал Марианну сопровождать его. Любого из стрелков, но не ее. В сущности, они ни разу с тех пор, как он привез ее в лагерь, не оставались наедине. И она только радовалась этому обстоятельству: Марианна не знала, о чем с ним говорить, не знала, сможет ли быть непринужденной. Возможно, надо просто молчать и ехать следом за ним либо рядом с его конем – так, как он пожелает. В то же время она была уверена в том, что Робин сам повел бы себя так, чтобы ей было легко в его обществе. Но он не искал ее общества и не желал оказаться с ней вдвоем, и у него были на это все права.

Джона Марианна любила всем сердцем. Рядом с ним ей всегда было весело и спокойно, словно сама его громадная фигура служила надежной защитой. И он часто выбирал ее в поездки по постам, по дороге балагурил, учил ее чему-нибудь, а если они останавливались в лесу на краткий ночлег, то большую часть времени для сна он всегда дарил Марианне. Приглашения Джона неизменно были для Марианны праздником и преддверием долгих часов, наполненных самым приятным общением.

Со Статли она сталкивалась, когда он приезжал к Робину в гости, либо оказавшись с ним в паре на дежурстве в дозоре. Он был с ней не слишком разговорчив, но Марианна рядом со Статли всегда чувствовала себя спокойно и надежно. Может быть, если бы Марианна и Клэрэнс по-прежнему оставались подругами, Статли был бы разговорчивее. Но для всех

было очевидно, что Клэрэнс не смогла принять новую для нее Марианну и старалась держаться поодаль, не выходя за рамки обычной вежливости. Марианна тоже не искала общесства прежней подруги. Стоило им встретиться взглядами, как каждая из них вспоминала последний разговор в доме Эллен, когда они не смогли понять друг друга.

Вот Кэтрин – иное дело! Общаться с ней было одно удовольствие. Маленькую Кэтрин любил весь Шервуд, и Марианна не стала исключением. Один лишь звонкий голос Кэтрин заставлял улыбнуться всех, кто его слышал. Казалось, что она знала все о каждом из стрелков в лагере лорда Шервуда и в отношении каждого имела свое представление, каким ему надлежит быть. Дикона она считала неряхой, поэтому постоянно гоняла его в купальню и бесцеремонно обследовала его одежду, едва он появлялся в лагере, не стесняясь присутствия других стрелков, от чьих шуток Дикон краснел как маков цвет. Хьюберт плохо ел, поэтому ему удавалось сбежать из-за стола только после того, как Кэтрин заставляла его съесть добавку. Вульфгар робел с девушками, и она вела с ним долгие разговоры, объясняя, как надо держаться и что говорить. Бранд очень хотел отпустить бороду, которая, по мнению Кэтрин, совершенно не шла ему, и стоило на щеках Бранда появиться щетине, как Кэтрин подступалась к нему с бритвой.

Марианне она отращивала волосы: прятала от нее ножницы, втирала ей в голову масло репейника, едва лишь Марианна засыпала и не могла сопротивляться, сама мыла ей голову, каждый раз заставляя прополаскивать волосы в ромашковом отваре. Только три человека вызывали у Кэтрин безоговорочное благоговение – Джон, Робин и Вилл. Мужа она обожала, с Робинем крепко дружила, а Вилла любила как сестра и жалела, что было для Марианны за пределами разумного объяснения.

Вилла Марианна не любила. Признавая его достоинства, среди которых были и быстрый ум, и ратное искусство, и справедливость, и поразительное бесстрашие, она не могла найти в себе хотя бы искорку приязни к нему. Уважение, но и только. Вилл был колючим, как сотня ежей, язвительным, никому не дающим спуска, мог напустить на себя такое высокомерие, что к нему невозможно было подойти ближе, чем на несколько шагов. Когда Марианна спросила Кэтрин, чем Вилл вызвал у нее такую горячую сестринскую любовь, Кэтрин воскликнула:

– Ах, Мэриан, ты просто его не знаешь! У Вилла добрейшее сердце и нежная душа.

Марианна, которая в тот момент завтракала, даже поперхнулась. Отыскать доброту и нежность в Вилле могла, наверное, только Кэтрин, которая сама источала вокруг себя ласку и нежное участие. Родная сестра Вилла Клэрэнс хранила постоянство в отношении к старшему брату: стоило ей увидеть Вилла, как в глазах Клэрэнс появлялась неприязнь, а лицо выражало презрительное высокомерие. Эта отчужденность была тем более очевидной в сравнении с сердечной привязанностью, которой Клэрэнс щедро одаривала Робина.

Но Вилл не обращал никакого внимания на явную нелюбовь сестры. А вот нелюбовь Марианны он замечал, и она его забавляла. Он никогда не упускал случая поддеть Марианну острым словом или недоброй насмешкой. Как только он понял, что ей неприятно его общество, так сразу взял в привычку брать с собой на объезды постов всегда и только Марианну. Злясь на него в душе, она была вынуждена подчиняться, а Вилл, каждый раз наблюдая за выражением всех оттенков недовольства на лице Марианны, казалось, получал большое удовольствие.

Вилл тоже не любил Марианну. Он не доверял ей, поскольку не мог понять причин, по которым она оказалась в Шервуде. Робин на вопрос Вилла о Марианне отговорился самым пространством ответом. Девушка, у которой погиб отец, лишившаяся владений, оставшаяся беззащитной, к тому же родители когда-то связали их помолвкой. Пусть они и расторгли давнюю помолвку, но нельзя же оставить бывшую нареченную одну и без всякой защиты! Беспрекословно подчиняясь Робину, взявшему Марианну под свое покровительство, Вилл

обучал ее воинскому делу, прикрывал в столкновениях с ратниками, отдавал должное упорству, с которым она выдержала тяжелый для нее период обучения, но, как и Марианна в нем, не находил в ней ничего приятного. И он никогда не забывал, что Марианну очень отличал Гай Гисборн. Вилл и брал ее с собой в поездки по Шервуду затем, чтобы лучше изучить, но не слишком продвинулся в своих наблюдениях. Марианна была молчалива и сдержанна, о себе ничего не рассказывала, на вопросы отвечала кратко и неохотно.

Но Виллу было не занимать упорства. В один из дней в конце июля он как всегда велел Марианне сопровождать его. Она только что вернулась из дозора очень уставшая, но не посмела прекословить. Когда Вилл наконец сжалился над ней и решил сделать привал на несколько часов, Марианна просто сползла с коня. Она только и смогла ослабить подпругу седла своего иноходца и бросить в лицо пригоршню воды из ручья. Забравшись в шатер ветвей большой ивы, где Вилл, разводивший костер, уже постелил плащ, Марианна упала и уснула крепким сном, прежде чем он успел протянуть ей лепешку с куском окорока и флягу с сидром. Оценив безопасность места, выбранного для ночлега, Вилл решил, что тоже может позволить себе поспать. Поэтому он быстро покончил со скудным ужином, затушил костер и растянулся на расстоянии вытянутой руки от Марианны.

Они проснулись почти одновременно. Сначала Марианна, почувствовав, как Вилл обнял ее, подгреб к себе и прижал к груди. Потом Вилл, когда хлесткая пощечина наотмашь обожгла его скулу, прогнав сон.

– Ты что, Саксонка?! С ума сошла?! – вскочил он на колени и впился возмущенным взглядом в блестящие в темноте глаза Марианны.

– Как ты посмел меня обнять?! – с ответным возмущением прорычала Марианна.

Вилл понял, в чем дело, и расхохотался.

– Почувствовал во сне рядом с собой девчонку, вот и обнял, – ответил он и тут же получил вторую пощечину.

– Я не девчонка! – крикнула Марианна и вскочила на ноги, желая выбраться из укрытия.

Но вторая пощечина с ее стороны была ошибкой. Вилл разозлился и не дал Марианне выскочить из-под ивы, с силой дернув ее за щиколотку так, что она упала на колени перед Виллом.

– Правда? – делано ласковым голосом спросил он, хищно сузив глаза. – А кто? Ты думаешь, что можешь со мной справиться?

Резкое и внезапное движение Вилла, и руки Марианны оказались за ее спиной, оба запястья намертво захвачены его пальцами, а сама Марианна – лицом к лицу перед Виллом. Марианна дернулась, чтобы вырваться, но усилие было бесполезным. Вилл лишь беззвучно рассмеялся. Глядя ей в глаза, он свободной рукой стал медленно расшнуровывать ее куртку, и Марианна замерла от нахлынувшего на нее ужаса.

– Ну, Саксонка? – прежним тоном спросил Вилл, когда, закончив с курткой, распахнул ворот рубашки Марианны. – Как ты сможешь мне помешать?

И тогда она разрыдалась. Впервые с той ночи, когда Робин привез ее полумертвую в Шервуд, к Марианне пришли слезы. Она рыдала так отчаянно, что Вилл не на шутку испугался. Он немедленно отпустил ее, и она упала ему на грудь, вцепившись сама в куртку Вилла, и рыдала так, что и его куртка, и рубашка под ней промокли от ее слез.

– Что ты, девочка! – в растерянности прошептал Вилл, осторожно обнимая Марианну и глядя ее по голове. – Ты действительно подумала, что я... Не плачь, Мэриан, я хотел тебя проучить, но никогда бы не стал брать силой!

Не протестуя больше против его объятий, Марианна захлебывалась слезами, оплакивая наконец смерть отца, собственное унижение и боль, которые она испытала, свою любовь, которой пришлось остаться в прошлом. А Вилл был искренно уверен в том, что это он так испугал ее и довел до рыданий. Обильный поток слез Марианны если и показался Виллу

чрезмерным, но был для него вполне объяснимым. Он видел в ней пусть и озлобленную свалившимися на нее бедами, но невинную и душой и телом девушку, которой он жестоко пригрозил насилием.

Наконец она выплакалась и затихла, по-прежнему цепляясь ослабевшими руками за его куртку и уткнувшись мокрым от слез лицом ему в грудь. Вилл мягко приподнял ее так, чтобы увидеть ее лицо, и тихо попросил:

– Прости меня!

Всхлипнув, она закрыла глаза и слабо кивнула. Вилл в приливе внезапной нежности к ней осыпал едва ощутимыми поцелуями ее лоб, мокрые скулы, склеившиеся от слез длинные ресницы, по-детски обиженно подрагивающие губы. Была ли это просто дрожь или ее губы приоткрылись в ответ, Вилл не понял и не стал разбираться, решительно прижав голову Марианны к своему плечу, чтобы не припасть к ее губам уже настоящим поцелуем и не испугать вновь.

– Спи, Мэриан, – сказал он и, уложив ее, укрыл плащом. – Спи и никого не бойся. Я буду рядом.

Она снова кивнула, положила ладонь под щеку и уснула, все еще всхлипывая во сне.

Вилл сидел возле нее, смотрел на Марианну и тихонько, невесомыми прикосновениями ладони гладил ее по взъерошенным волосам. Он думал о том, что больше не хочет ни о чем выпытывать у нее – она сама ему все расскажет. Еще о том, что, вернувшись в лагерь, ему надо будет немедленно поговорить с Робинотом, чтобы получить у брата подтверждение, что опека лорда Шервуда над бывшей невестой вызвана исключительно благородством и ничем более и что Робин был связан с Марианной только формально и они оба свободны от взаимных обязательств. Не стремясь сейчас разбираться в нахлынувших на него чувствах, Вилл хотел получить ясность только в одном: Марианна свободна, и он вправе завладеть ее сердцем, душой и телом. В том, что он сумеет ею завладеть, Вилл не сомневался, как и в том, что он хочет этого. Увидеть, как в ее глазах холодная неумолимость сменится нежностью, почувствовать, как ее руки лягут ему на грудь не в отчаянии, как сегодня, а с лаской, как ее губы откроются его губам не от рыданий, а от желания.

К рассвету Вилл уверился в намеченных действиях и стал ждать пробуждения Марианны. Она во сне что-то прошептала, заворочалась, и рубашка сползла с ее тонкого плеча. Вилл поправил ей рубашку, и его пальцы, скользя по шелковистой коже Марианны, неожиданно наткнулись на грубые, шероховатые рубцы причудливой формы. Предрассветные сумерки почти рассеялись, и Вилл отвел в сторону ивовые ветви, чтобы разглядеть странный шрам на спине Марианны. То, что он увидел, оказалось багрового цвета клеймом, к которому приговаривают публичных женщин.

Когда Марианна проснулась, Вилла рядом не было. Она сладко потянулась и улыбнулась сама не зная чему. Слезы принесли ей огромное облегчение, растопив сердце, превращенное в лед, и вернув ему горячий огонь жизни. Она вспомнила, как Вилл утешал ее, и почувствовала признательность. Нежность его объятий и поцелуев так не укладывалась в обычно суровый облик Вилла, что Марианна подумала о том, что Кэтрин или больше знает о Вилле, или ее доброе сердце зорче, чем иные глаза. Ей захотелось убедиться в перемене, которую она нашла в Вилле, и Марианна поспешила выйти из-под шатра длинных ветвей. Она увидела Вилла – он стоял спиной к иве и кормил лепешкой лошадей – и подошла к нему.

– Долго спишь, Саксонка, – сказал он, едва повернув голову в сторону Марианны, и смерил ее холодным взглядом. – Нам давно пора быть в лагере.

Обратная перемена оказалась разительнее, хотя Вилл сейчас был таким, каким Марианна всегда его знала.

– Вилл, ты сердишься на меня? – только и смогла она спросить.

Он повернулся к ней лицом и посмотрел на Марианну с непонятной для нее брезгливой усмешкой.

– Сержусь на тебя? – повторил он ее вопрос и отрицательно покачал головой, не спуская глаз с Марианны. – На себя, Саксонка. А тебе было бы впору пристать к бродячим актерам, а не к вольным стрелкам. Ты так мастерски разыграла испуг невинной девицы, что я поверил тебе, как последний осел! А ты, оказывается, носишь украшение, которым метят продажных девок.

Она выпрямилась, не сводя с него глаз, полных неверия в то, что услышала. Теперь она получила от него пощечину, и едва ли не большее, чем ударила его ночью сама. Потом ее глаза сузились, лицо стало ледяным и спокойным.

– Я не уверяла тебя в том, что невинна! – ответила она со злой усмешкой, и Вилл снова увидел перед собой богиню войны и смерти Морриган вместо заплаканной слабой девушки, которую ночью держал в объятьях и утешал поцелуями.

Марианна вскочила в седло, подождала, пока он сядет на коня, и заняла место следом за его лошадей.

В полном молчании они вернулись в лагерь, где их в трапезной поджидала Кэтрин с завтраком. Отказавшись от еды, Марианна ушла к себе. Вилл не стал ее догонять и сел за стол, слушая и не слыша щебетание Кэтрин. Он смотрел перед собой, но видел не трапезную, не солнечный день за распахнутыми дверьми, а глаза Марианны. Заплаканные, милые и доверчивые ночью и полные ледяной враждебности утром. Поняв, что причиной его гнева в действительности была ревность, Вилл бросил ложку и, не отвечая на вопросы встревожившейся Кэтрин, пошел к Марианне.

Она открыла дверь на его стук, но осталась стоять на пороге, не позволив Виллу войти.

– Вилл, я прошу тебя больше никогда не называть меня продажной девкой, – раздельно проговорила она жестким тоном, глядя ему в глаза таким же жестким взглядом. – Если ты сделаешь это еще раз, я сумею убить тебя, и Робин может приказать казнить меня перед всеми стрелками. Мне все равно. Во всем остальном я по-прежнему, как стрелок, подчиняюсь тебе, потому что таким был приказ Робина.

Отчеканив эти слова, Марианна захлопнула дверь. Стук двери и скрежет засова прозвучали так, как если бы она запирала перед Виллом не дверь, а собственное сердце. Постояв мгновение, он развернулся и пошел обратно в трапезную, по пути приняв решение выбросить все мысли, которые к нему приходили ночью, и забыть чувства, которым он едва не поддался. Встретив в трапезной Робина, Вилл обменялся с братом рукопожатием и стал рассказывать ему о последних новостях, полученных от дозорных. О намерении уточнить действительное отношение Робина к Марианне Вилл даже не вспомнил.

Июль прошел, и наступил август.

Глава вторая

Утомительная жара августовского дня начала спадать, и в синих сумерках по лесу разлился густой аромат тяжелой листвы. От реки, над которой редкими клочьями сгустился туман, доносилось конское ржание, раздавались негромкие голоса. Конный отряд вольных стрелков, патрулировавший Шервуд, перешел каменистый брод и спешился неподалеку от берега на лужайке, окруженной вековыми деревьями. Всадники освободили лошадей от удили, ослабили подпруги седел, и кони разбрелись по лугу вдоль речного берега, изредка перекликаясь тихим ржанием. Стрелки стали устраиваться на ночлег. В собранном за несколько минут сухом валежнике заплескался юркий огонек, и вскоре гудящий шатер пламени взмыл вверх, выстреливая в небо столбы искр. Вокруг костра расстелили плащи, разложили оружие, так чтобы оно было под рукой. Несколько стрелков отделились от отряда и отправились к реке смыть с себя дорожную пыль.

Поодаль от остальных стрелков, там, где ивы, что росли на откосе берега, купали в реке гибкие ветви, Марианна зашла в воду, осторожно нащупывая ногой скользкое каменистое дно. Вода дошла до плеч, лаская кожу нежными прохладными прикосновениями и смывая с тела усталость знойного дня, проведенного в седле. Окунувшись с головой, она немного проплыла под водой, пока не почувствовала силу течения, и вернулась к берегу. Остановившись там, где вода доходила до подбородка, Марианна замерла и закрыла глаза, наслаждаясь блаженной прохладой и улыбаясь попыткам подводных потоков сбить ее с ног и увлечь за собой.

Шумные всплески, раздавшиеся совсем близко от нее, тут же заставили Марианну очнуться. Она стремительной тенью метнулась под защиту шатра поникших над водой ив и поспешила укрыться в серебристых густых ветвях. В тот же миг мимо ее укрытия скользнули две тени. Два пловца наперегонки переплывали широко разливавшуюся ниже брода реку. Повернув обратно, один из них нырнул и попытался увлечь товарища под воду. Тот увернулся и в ответ окатил россыпью брызг нападавшего, едва его голова показалась над водой. Невидимая в полумраке Марианна, перехватывая гибкие ветви, бесшумно выбралась на берег. Дав себе обсохнуть под теплым ветерком, она стала одеваться, вслушиваясь в голоса и смех, в плеск воды, бурлившей от сражения, разыгравшегося между пловцами.

Она уже застегивала пояс, когда прямо над головой услышала голос Джона:

– Теплая вода, Саксонка?

Марианна от неожиданности выхватила нож, но, узнав голос, рассмеялась и с досадой воскликнула:

– Джон! Что ты здесь делаешь?

– Приглядываю за тобой, – невозмутимо ответил Джон.

– А почему ты считаешь, что мне нужен твой пригляд? Все-таки я уже почти четыре месяца в Шервуде! – раздраженно поинтересовалась Марианна, но Джон только добродушно рассмеялся в ответ.

– Я сам не первый год в Шервуде, Мэриан, но бывали моменты, когда мне очень хотелось, чтобы и за мной кто-нибудь приглядел!

– Да? Тогда вот тебе забота – пригляди за Робинотом и Виллом, – Марианна кивнула в сторону реки, где два пловца все еще пытались одолеть друг друга.

– Робин и Вилл могут сами о себе позаботиться, – отозвался Джон. – А ты хоть и перебрала повадки вольного стрелка, но пока не приобрела такого ратного умения, чтобы сравнивать себя с обоими шервудскими братьями. Поэтому за тобой нужен пригляд.

– О моя любезная, но настырная нянюшка! – вздохнула Марианна и стала подниматься по склону.

Мощная рука Джона подхватила Марианну под локоть и, без малейшего усилия оторвав от земли, поставила на тропинку, проходившую вдоль речного берега.

– Почему ты без куртки? Хочешь простудиться? – ворчливо спросил Джон, оглядывая стоявшую перед ним Марианну.

Марианна в ответ небрежно набросила куртку на плечо, оставаясь в белой рубашке-безрукавке, заправленной в узкие светлые штаны. Капельки воды еще поблескивали на ее обнаженных руках, смуглых от летнего загара. Откинув голову и расставив ноги, обутые в мягкие замшевые сапоги, сцепив руки на поясе, туго охватившем ее тонкий стан, Марианна насмешливым теплым взглядом встретила недовольный взгляд Джона.

– Вот-вот! – буркнул Джон. – Ты даже переняла излюбленную позу нашего лорда и его брата и теперь думаешь, что стала непобедимой и можешь спорить со мной. Надень куртку!

– Да ведь жарко, Джон! – раздался в ответ серебристый смех Марианны. – Вода как парное молоко, а воздух совсем раскалился за день и даже в малости не остыл! Не иначе как быть грозе!

Джон, запрокинув голову, посмотрел на вечернее – уже почти ночное – небо и уверенно заявил:

– Не будет грозы. Идем к костру.

Марианна согласно кивнула, и они неспешно пошли по тропинке прочь от реки на красные отблески костра. Джон подхватил колчан Марианны, который она отдала без спора, едва он потянул за ремень на ее плече. Марианна шла, вдыхая полной грудью лесной воздух, то и дело беспечно срывая высокие стебельки травы, что росла по краям тропинки. Джон искоса очень внимательно разглядывал ее, но так, чтобы Марианна не заметила его взгляда.

Она окрепла от постоянных ратных занятий и бесконечных поездок по Шервуду. От той девушки – исхудавшей, озиравшейся взглядом волка-подростка – почти ничего не осталось, кроме обычно сурового и не улыбочивого лица. Ее походка, жесты, взгляд исполнились уверенностью. Вспомнив, как он укрывал ее плащом, когда она надломленным стебельком лежала на руках лорда Шервуда во Фледстане, Джон подумал, что Робин действительно знал, что делал, взяв ее в стрелки и заняв так, что у нее просто не оставалось времени думать о чем-то другом, кроме тренировок и службы вольному Шервуду.

А еще – и Джон только удивлялся тому, что он один это замечал, – она вновь становилась красавицей, и даже краше, чем была прежде. Ее светлые волосы наконец отросли, пусть пока не так, как привычно для женщины. Но стараниями Кэтрин, которая сама подстригала Марианну, они больше не топорщились стерней, а обрамляли лицо, подчеркивая его точечные и нежные черты. Ратные занятия не изменили совершенных линий ее тела, но придали особую грациозность движениям – грациозность сильного, опасного и изящного зверя. Ее руки вновь стали ухоженными, и Джон, едва заметив эту перемену, когда ногти Марианны перестали быть обломанными и грязными, а приобрели розовую чистоту и красивую форму, спросил жену, не ее ли это заботы. «Нет, – сказала Кэтрин и улыбнулась мужу, словно они были в заговоре, – это уже дело рук самой Марианны». Тогда Джон понял, что в Марианне, как бы она ни показывала иное, не умерла женщина, которой важна ее красота. И теперь он решил, что время для разговора, к которому он готовился давно, настало.

– Как тебе нравится у нас в Шервуде, девочка? – ласково спросил он.

Марианна невольно замедлила шаг, задумавшись над его вопросом, посмотрела на Джона и улыбнулась.

– Мне очень хорошо здесь, Джон!

– Тебе хорошо, – повторил он. – А что будет дальше? Ты размышляла об этом?

– Должна ли? – Марианна пожала плечами. – Я живу так, как живут все стрелки. Едва ли они постоянно думают о том, как им придется прожить следующий день!

– День – нет. А жизнь? – не отступал Джон. – Поверь, мы все об этом думаем. У нас есть семьи: жены, дети, родители. Мы не можем не думать о них! А тебе попросту не о ком думать. О себе же подумать ты не трудишься, и это неправильно. Ты с завидным упорством превращаешь себя в воина, забывая о том, что ты женщина. А любой женщине нужен муж, нужны дети, чтобы, вступив в зрелый возраст, она не обнаружила, что ее жизнь пуста.

– Муж, дети... – Марианна усмехнулась и стрельнула в Джона острым недобрым взглядом. – Джон, я думала, что тебе я не должна объяснять, почему этот путь для меня закрыт.

Джон остановился, вынуждая Марианну сделать то же самое. Положив ей на плечо тяжелую руку, он сказал мягким, проникновенным тоном:

– Послушай меня, девочка! Тебе не повезло, но ты далеко не единственная из женщин, которым довелось испытать насилие.

Лицо Марианны передернулось и ожесточилось, губы сжались в тонкую линию. Она попыталась сделать шаг вперед, но Джон не позволил, с силой сдавив ее плечо.

– Не вырывайся! Посмотри правде в глаза. Многие женщины страдали и страдают так же, даже не будучи втянуты в игры мужчин, а попросту оказавшись на их пути. Если бы они все накладывали на себя руки или становились ратниками наподобие тебя, жизнь давно бы прекратилась. Поверь мне, если мужчина любит женщину, он никогда не будет ее презирать за то, что она стала жертвой насильников, не разлюбит ее, не бросит.

– Что ты можешь об этом знать? – окончательно разозлившись, воскликнула Марианна. – Все твои благие рассуждения строятся на твоих же умозаключениях, и только!

Изменившийся взгляд Джона заставил ее замолчать. В его серых глазах появились и жесткость, и боль, даже ярость. Но тут же взгляд Джона стал привычно спокойным, и таким же спокойным голосом он сказал:

– В тот день, когда мы защищали наше селение, всех женщин, детей и стариков мы отправили в лес, чтобы они могли там надежно укрыться. Но Кэтти, по своему разумению решив, что надо остаться поблизости, вместе с подругой не стала уезжать далеко. И они нарвались на ратников шерифа, которых привел Гисборн. Подруге удалось от них убежать, а Кэтрин вырваться не сумела.

– И что же было дальше? – тихо спросила Марианна, уже предполагая ответ и страдая от того, что услышит.

– Как ты думаешь, что было дальше?! – с яростью в голосе осведомился у нее Джон.

Они оба помолчали, потом Джон тихо продолжил:

– Она ничего мне не говорила. Кэтти тогда ждала ребенка, но не успела сказать мне о беременности. Она очень боялась, что я подумаю, будто дитя, которое она носила, было зачато не мной. И она молчала. Стискивала зубы, когда я прикасался к ней как муж, никогда не отказывала и продолжала молчать. Я узнал обо всем, когда она была уже на сносях, и не от нее. Мы взяли в плен одного из ноттингемских ратников и собирались его допросить, когда он увидел Кэтрин и, глумясь, спросил, не его ли стараниями она так округлилась. Робин и Вилл с трудом оттащили меня от него. Только тогда она все рассказала, а Робин после допроса отдал мне этого мерзавца, и я даже не помню, как именно я его убил. Кажется, сначала задушил, потом порубил на части.

– А Кэтти? – еле слышно спросила Марианна.

Вспоминая всегда веселые глаза Кэтрин, ее живой, непоседливый нрав, она даже представить себе не могла, что та оказалась ее подругой по несчастью.

– А рядом с Кэт весь тот вечер пробыл Робин, чтобы она что-нибудь не сотворила с собой. Потом я вернулся, мы с ней долго говорили, но она больше не говорила, а рыдала, пытаясь мне объяснить, почему она так долго молчала и что я должен верить ей, что она

беременна моим ребенком. Откровенно признаюсь тебе, что мы с ней утешали друг друга, но не могли правильно понять слов утешения. Она считала, что я просто решил признать ребенка своим, а я пытался объяснить ей, что люблю ее не меньше, чем прежде. К счастью, через неделю родился наш сын Мартин, и все разрешилось само собой.

– Каким же образом?

В ответ на вопрос Марианны Джон закатал рукав рубашки и показал ей причудливой формы родимое пятно на правой руке.

– У сына на руке такое же пятно. Оно передается в нашем роду из поколения в поколение, никто не остался без этой отметки.

Марианна провела кончиками пальцев по родимому пятну на руке Джона и вскинула на него пристальные глаза.

– А если бы в этот раз оно вдруг не проступило, заставив тебя всегда сомневаться? Как бы у вас с Кэтрин все сложилось дальше?

– Так же, как сейчас, – твердо ответил Джон и вдруг широко улыбнулся. – Мартин так похож на меня, что и без этого родимого пятна сразу видно, что он мой сын.

Ошеломленная его рассказом, Марианна нащупала за спиной дерево и прислонилась к его стволу.

– Почему ты рассказал мне об этом? Именно сегодня?

– Потому что тебе пора подумать о будущем, – ответил Джон и, посмотрев ей прямо в глаза, почти потребовал: – Тебе пора вернуться к Робину, Мэриан.

Марианна с откровенным недоумением посмотрела на Джона и, убедившись, что он действительно требует этого, рассмеялась беззвучным и безрадостным смехом.

– Ответь мне честно, кто настоял на разрыве? – продолжал наступать на нее Джон.

– Конечно, не Робин, – устало сказала Марианна, – наш лорд слишком благороден, чтобы отказаться от невесты потому, что ее обесчестили.

– Я так и думал! – протяжно вздохнул Джон. – Понимаю, тогда ты была даже не в отчаянии. Вокруг тебя все обрушилось, и ты оказалась словно в пустыне. Но сейчас для тебя все изменилось, Мэриан! И ты теперь другая. Пора вернуться к нему, девочка!

Дальше их разговор походил больше на состязание в скорострельной стрельбе из лука.

– Зачем?

– Затем, что ты по-прежнему любишь его.

– Не смей говорить то, о чем ты не можешь знать!

– Я вижу, какими становятся твои глаза, когда ты смотришь на него.

– Ничего ты не мог видеть! И Робин ко мне безразличен.

– Правда? А почему он постоянно опекает тебя?

– Не больше и не меньше, чем опекал бы любого новичка!

– Нет! – уверенно заявил Джон. – Нет! Он так заботится о тебе потому, что любит тебя, хоть и думает, что никто не понимает истинной причины его заботы. Ты далеко не безразлична ему, но Робин очень горд. Он ничего не скажет тебе прямо о своих чувствах, если именно ты потребовала разорвать вашу помолвку. Подойди к нему сама!

– Никогда! – ответила Марианна, на миг представив то, что предлагал сделать Джон. – Ты ошибаешься, и я прошу тебя прекратить этот разговор!

– И не подумаю! – усмехнулся Джон. – Он мой друг, и тебя я тоже полюбил. Я не терплю, когда мои друзья несчастны. А ты несчастлива, и Робин по твоей вине тоже. Ты убеждаешь меня в том, что безразлична ему? А он когда-нибудь рассказывал тебе, что случилось во Фледстане на следующий день после того, как мы привезли тебя в Шервуд?

– Нет, он ничего не говорил, – покорно ответила Марианна, понимая, что ей не переупрямить Джона, если тот решил высказать все, что намеревался.

– Весь гарнизон, который Роджер Лончем оставил в твоём замке, погиб, – так просто сказал Джон, словно говорил с Марианной о погоде. – В живых не осталось ни одного ратника.

Марианна невольно содрогнулась, когда до неё дошел жуткий смысл сказанного.

– Что же с ними произошло? – тихо спросила она.

– Мы пошли туда с Робин и Виллом после заката и вернулись на рассвете, – пожав могучими плечами, ответил Джон. – Ночи хватило на то, чтобы управиться со всеми.

– Джо-о-он, – протянула Марианна, поднимая глаза, в которых отразилась невозможность поверить в то, о чем он сейчас рассказал, – ты хочешь сказать, что вы втроем расправились с тремя десятками вооруженных до зубов ратников?

– Пятью десятками, – поправил её Джон и недобро усмехнулся. – Месть, Марианна, придает много сил! Робин, словно волк, резал их как овец и упивался пролитой кровью. Кэтрин даже не стала пытаться отстирать его одежду – просто выбросила: так она пропиталась кровью. Я думал, что он разнесет весь твой Фледстан по камню: накануне я сказал ему, что Лончем с Гисборном спешно уехали и стали пока недосягаемы для его Элбиона.

– Бог ты мой! – выдохнула Марианна, когда воображение живо нарисовало ей картину ночи, о которой только что поведал Джон. – А если бы вас убили? Вилл – тот пойдет за Робин даже в ад, не раздумывая ни минуты! Но ты, Джон! Почему ты не отговорил Робина?

– Если бы я тогда сказал хоть слово против, то сразу бы перестал быть его другом. Я мог только помочь Робину, что я и сделал.

– И ты не боялся смерти?

– Что ты, Мэриан! – рассмеялся Джон. – Мой отец-норвежец свое неистовство в бою передал мне с кровью!

Марианна долго думала над рассказом Джона, потом медленно покачала головой и сказала с печалью:

– Робин мстил, но мстил за свою честь, Джон.

– Нет! – и Джон рассмеялся. – Он мстил за тебя, за боль, которую тебе пришлось испытать! Уж поверь мне, в те дни только ты занимала его мысли! Впрочем, как и потом, как и сейчас.

– Нет, он больше не любит меня, не может любить, – твердо возразила Марианна. – Я оскорбила его, сама того не желая.

– Что ты сказала ему?! – встрепнулся Джон и несильно сжал пальцами её запястье, требуя ответа.

– Я сравнила его с Гаем Гисборном, и так, что никто из них не выигрывал в моем сравнении. Никогда прежде я не видела Робина разгневанным столь сильно! Я почти испугалась, хотя мне казалось, что причин для такого гнева не могло быть.

Джон даже простонал, услышав её ответ, и сказал, глядя на Марианну с горькой снисходительностью:

– Девочка, а что ты вообще знаешь о Гае Гисборне? Мы-то испытали на себе его верность слову! Робин, например, сразу заподозрил его в том, что и смерть твоего отца, и то, что случилось с тобой, произошло по черному замыслу сэра Гая, о чем и заявил ему в лоб.

– Что же ответил Гай?

– Возмутился. И, отдать ему должное, помог нам спасти тебя. Но позже я, поразмыслив, пришел к мысли, что в случившемся крылся некий адский замысел. Повинен в нем сэр Гай или нет, но ты и впрямь была весьма опрометчива, сравнив Робина с ним! Слишком много злых дел было сотворено по воле Гая Гисборна еще до того, как вы с Робин первым раз встретились.

Заметив, как посерело лицо Марианны, Джон поспешил её успокоить:

– Робин проницателен и умен. Он прекрасно понимает, что в те дни ты была в отчаянии и не продумывала слова, которые говорила ему. Если он и рассердился на тебя, то давно уже простил. Хочешь, я сам поговорю с ним?

Марианна строптиво стряхнула с плеча его ладонь и зло сверкнула глазами.

– Ты и впрямь считаешь себя пастырем наших душ? Посмей только подступиться к Робину с подобным разговором, и я стану твоим врагом на всю оставшуюся жизнь!

– Это слишком долго, чтобы ты не устала держать зло на меня! – рассмеялся Джон. – Ладно, улаживай свои дела сама, как считаешь нужным. Только, Мэриан...

– Да? – враждебным тоном отозвалась Марианна.

– Мне не нравится то, что происходит между тобой и Скарлетом, – сдержанно и сурово ответил Джон и, когда Марианна удивленно посмотрела на него, жестко сказал: – Девочка, не окажись между двух огней! Вилл не просто брат Робина – он самый близкий ему человек, они привязаны друг к другу с детства. Вилл предан Робину без оговорок, и Робин платит ему такой же преданностью. Если ты встанешь между ними, то нанесешь удар и одному и другому. Разве тебе по душе сеять страдания?

Марианна ничего не поняла из его отповеди и, вскинув ладони в знак защиты, замотала головой под неотступным взглядом Джона.

– Подожди! Я ничего не понимаю! Ты меня совсем запутал! При чем здесь еще и Вилл?!

Джон посмотрел на Марианну самым внимательным взглядом и понял, что сейчас сказал лишнее. Широко улыбнувшись, чтобы стереть из ее памяти свои последние слова, он ответил:

– Ты слишком близко к сердцу воспринимаешь его язвительные слова, которые он тебе говорит, когда занимается с тобой. Старайся пропускать их мимо ушей. Вообще не обращай на него внимания, и все будет хорошо!

– Вот ты дошел и до моих уроков! Хорошо, я не буду впредь злиться на Вилла, если это твой приказ! – потеряв терпение, в сердцах воскликнула Марианна и, не сводя с Джона сердитых глаз, сложила руки на груди.

Заметив этот жест, без слов засвидетельствовавший намерения Марианны огородить себя от чересчур заботливых глаз Джона, тот довольно улыбнулся.

– Просто совет, – сказал он и ласково потрепал Марианну по волосам. – Идем, Саксонка!

Они почти вышли к костру, вокруг которого расположились стрелки, когда Джон с обычной для него внезапностью спросил:

– Ты давно исповедовалась?

Марианна от неожиданности споткнулась о какой-то корешок, остановилась, с недоумением посмотрев на Джона, а потом задумалась. Последний раз она была на исповеди в тот день, когда встретила у отца Тука лорда Шервуда, встреча с которым оказалась роковой для них обоих. Едва ли то ее посещение отца Тука можно было назвать исповедью, если она каждую минуту думала о Робине!

– Значит, давно, – подытожил ее размышления Джон, наблюдая за Марианной. – Тогда сходи к исповеди на этой же неделе. И это приказ.

– Не знала, что мне будут приказывать и в духовных делах! – передернула плечами Марианна.

– Такова моя обязанность! – рассмеялся Джон. – Я слежу, чтобы в ваших душах не скопилось чересчур много не отпущенных грехов.

Потрепав Марианну по плечу, он наконец оставил ее в покое, ушел к костру и присоединился к собравшимся вокруг огня стрелкам, опустившись на расстеленный плащ возле Статли.

– Саксонка, с какой целью ты загородила тропинку? – раздался над ухом Марианны веселый голос Робина.

Его прохладные ладони легли на ее голые руки, отодвигая Марианну с дороги, и губы лорда Шервуда вдруг на миг прикоснулись к виску Марианны, когда он прошел мимо нее.

– Вот так чудо, Робин! – воскликнул за спиной Марианны шедший следом Вилл. – Ты поцеловал Саксонку и остался жив!

Слыша позади себя его смех, Марианна поспешила за Робинем и устроилась возле костра между Джоном и Статли. Бросив куртку на траву, Робин сел напротив, стряхивая ладонью с мокрых волос капельки речной воды. Вилл лег поодаль, возле Хьюберта и Дикона, подперев рукой голову, и принялся длинной веткой заталкивать обратно в костер выскакивавшие из пламени угольки.

– Робин, я слышал, что ты решил навестить Ноттингем? – спросил Клем, быстро покончив со скромным ужином.

Робин, поймав брошенную Джоном флягу с сидром, молча кивнул.

– И ты, разумеется? – Клем обернулся к Виллу.

– Нет, – лениво протянул Вилл, не отрывая взгляда от язычков пламени. – Меня ярмарочная суматоха утомляет больше, чем стычка с наемниками сэра Рейнолда.

– Неужели, тебе не надоедает все время сидеть в лесной глуши подобно медведю? – рассмеялся Дикон, запивая сидром жесткую ячменную лепешку.

– А я и есть медведь, – неохотно отозвался Вилл, накалывая на нож ломтик копченой оленины. – И тебе, Дик, советую поскорее вырасти в такого же зверя. Пока ты еще глупый медвежонок.

– Чем же я отличаюсь от тебя, могучий медведь Скарлет? – задорно вскинулся Дикон.

– Тем, что в отличие от глупого молодняка я до смешного дорожу своей шкурой.

Услышав ответ Вилла, Джон поперхнулся и благодарно кивнул Марианне, когда она постучала ладонью ему по спине.

– Дорожишь так же, как Робин? – стрельнув взглядом в сторону лорда Шервуда, посмеиваясь, поддел Вилла Статли.

– Робин! – и Вилл пренебрежительно фыркнул. – Тоже мне, нашел пример безрассудной отваги! Робин, прежде чем позволит себя во что-то втянуть, продумает все до мелочей. Даже Джон уже сообразил, что тот же сэр Гай в умении все просчитывать наперед просто зеленый юнец!

– Вот это что сейчас значило: даже Джон? – подозрительно проворчал Джон под приглушенный смех стрелков, но Вилл лишь небрежно махнул рукой в его сторону.

– То, что ты бегаешь за Робинем, как за сорванцом. А наш лорд – хитрый волк, готовый в любой момент прикинуться безобидным псом. Просто вы все этого не замечаете, вот и чтите его за непомерную удачливость и отвагу.

– Ты выговорился? – улыбнувшись одними глазами, осведомился Робин и обернулся к Джону. – Не сердись на него, Малютка! Я его едва не утопил, вот он и не может простить мне того, что нахлебался воды.

– Ах, это ты, оказывается, меня утопил? А мне померещилось, что все обстояло в точности наоборот! – усмехнулся Вилл и соизволил посмотреть в сторону брата. – Послушай, сколько можно за один глоток выпить сидра?

– Лови, жадина! – рассмеялся Робин и бросил ему флягу.

– Кстати, вы заметили, что в последнее время нам стали чаще попадаться навстречу ратники шерифа? – спросил Джон, обводя стрелков внимательным взглядом. – Поэтому на ярмарке будьте осмотрительнее. А к тебе, Вилл, осторожный медведь, если ты все-таки надумаешь туда пойти, мои слова относятся прежде всего. Не то тебе придет в голову покрасоваться с мечом перед какой-нибудь красоткой, и пропало дело!

– Отстань от меня со своими проповедями! – ответил Вилл, возвращая Джону наполовину опустевшую флягу, и кивнул в сторону Марианны. – Я каждый день красуюсь с мечом перед нашей красоткой, вернее, она передо мной. Могу я хотя бы пару дней отдохнуть от женщин?

Увидев, как загорелись в ответ глаза Марианны, Джон сжал ее руку и, предупреждая обычную ссору между Марианной и Виллом, предложил:

– Давайте-ка спать! Уже за полночь.

– Ох, такая бархатная ночь совсем не навевает сна! – улыбнулся Клем, лег на спину и, заложив руки за голову, посмотрел в усыпанное звездами небо. – Может быть, наш менестрель споет нам?

– В самом деле, Алан, почему бы тебе не спеть? – живо спросил Джон, делая глоток сидра и передавая флягу Марианне.

– Он бы с радостью, – фыркнул Статли, – да вот беда: выпил вчера вина со льда и теперь молчит! Вы сегодня хоть раз слышали его голос? То-то и оно!

Стрелки рассмеялись, глядя, как возмущенный Алан попытался ответить, но потом осторожно потрогал горло и махнул рукой. Достав из седельной сумки лютню, он неожиданно для Марианны протянул ее Робину и выразительными жестами предложил товарищам поддержать его безмолвную просьбу.

Усмехнувшись в ответ на удивленный взгляд Марианны, Робин решительно отклонил руку Алана.

– Считай, что я тоже не в голосе.

– Ты все лето не в голосе! – возмущенно воскликнул Бранд. – Нам надо преклонить перед тобой колени, чтобы ты соизволил наконец запеть?

– Побереги колени, – с улыбкой посоветовал Робин и вдруг, посмотрев на Марианну, указал Алану взглядом передать лютню ей. – Среди нас есть певец с голосом таким же бархатным, как эта ночь. Спой нам, Саксонка.

– Я? – покраснела Марианна и хотела отказаться, но Робин, продолжая улыбаться, тихо сказал, предупредив ее намерение:

– Это приказ.

– Это произвол, а не приказ! – возмутилась Марианна. – Легко пользоваться властью, чтобы заставить кого-то делать то, что он и не хочет, и не обязан!

– Вот именно, – с усмешкой подтвердил Робин, – поэтому пой, а не пререкайся.

Строптиво сверкнув глазами, Марианна все-таки взяла лютню и принялась настраивать ее. Алан протестующе замахал руками.

– Он говорит, что лютня настроена как надо, – рассмеялся Статли, переводя безмолвный язык друга.

– Так же, как и его голос сегодня, – пренебрежительным смешком ответила Марианна, пробегая пальцами по струнам.

Наконец звучание лютни удовлетворило Марианну, ее пальцы стали играть мелодию, и Марианна запела. Разговор с Джоном или бархатная августовская ночь растревожили ее, но Марианна, спев несколько шуточных песен и заслужив одобрение стрелков, незаметно для себя самой перешла к любовным балладам. В Шервуде прежде никто и никогда, кроме Робина, не слышал ее пения, и теперь стрелки были очарованы нежным голосом Марианны. Она пела и вкладывала в слова и мелодию всю душу так, словно эти слова еще имели для нее смысл, хотя ей казалось, что она полностью утратила веру в то, о чем сейчас пела.

– Святая Дева, а ведь она красивая! – еле слышно прошептал Хьюберт, не сводя с Марианны глаз.

– Красивая? – так же тихо откликнулся Бранд, глядя на Марианну замороженным взглядом, и покачал головой. – Нет, Хью, она не просто красивая. Она очень красивая!

– Вы только сейчас это разглядели? – усмехнулся Дикон и грустно вздохнул, слушая голос Марианны, вторивший серебряному перезвону струн.

Печалью снова песня перевита!
О том томлюсь и на того сердита,
Пред кем в любви душа была открыта.
Неведение мне больше не защита,
Ни красота, ни духа глубина.
Я предана, обманута, забыта,
Теперь с другими ваша речь нежна.
Я утешаюсь тем, что проявила
К вам, друг, довольно нежности и пыла.
Как сладкозвучный благовест любила!
И, хоть моя и побеждала сила,
Столь, друг мой, ваша высока цена,
Что вам, в конце концов, и я постыла,
Впрямь, видно, стала другу не нужна.
Мне славы хватит отразить упреки:
Род стар, нрав легок, чувства же глубоки,
И не присущи внешности пороки.
Как вестника я шлю вам эти строки.
О друг мой милый, ибо знать должна,
Из ревности ли вы со мной жестоки
Иль это злонамеренность одна.
Понятны ль вам в посланье сем намеки
О том, сколь гордость для любви вредна?¹

Джон откинулся на локоть и за спиной Марианны осторожно толкнул Статли. Когда он тоже лег на спину голова к голове с Джоном, тот указал ему глазами на лорда Шервуда и прошептал на ухо Статли:

– Посмотри на Робина!

Робин полулежал, прислонившись плечом к дереву, и покусывал травинку. Со стороны могло показаться, что он дремлет. Но Статли заметил, с каким пристальным вниманием лорд Шервуда из-под ресниц наблюдает за Марианной. Он смотрел на нее так, словно она была его противником, которому он собирается бросить вызов, и сейчас раздумывал, как надо будет вести поединок, чтобы добиться победы.

Переведя взгляд на Джона, который так довольно ухмылялся, словно Марианна пела по его замыслу, Статли усмехнулся и удрученно покачал головой. Джон вопросительно вскинул брови, и Статли в ответ шепнул:

– А теперь посмотри ты. Не на Робина! На Вилла.

Джон посмотрел туда, куда ему указал Статли, и помрачнел. Вилл смотрел на Марианну точно так же, как лорд Шервуда.

– Вот это плохо! – шепотом проворчал Джон. – Надо поговорить с ним!

Статли с сомнением покачал головой.

– Да, но говорить с Виллом вправе только Робин.

– Значит, я поговорю с Робинотом! – решительно прошептал Джон.

¹ «Песня о благородстве и верности Дамы, брошенной возлюбленным» графини де Диа. Перевод А. Наймана. Текст приведен с сокращениями.

Отвлеченная шорохами и перешептыванием, которые шелестели за ее спиной, и уставшая, Марианна в последний раз провела пальцами по струнам и отложила лютню. Нежно улыбнувшись, еще погруженная в грезы собственных напевов, она подняла затуманенные глаза на притихших товарищей и вдруг заметила, что они все молча смотрят на нее. Ее глаза прояснились, и Марианна, которую вдруг закрутил поток темного ужаса, едва не вскочила на ноги. Но Робин вскинул руку, останавливая ее порыв, и сказал мягко и властно:

– Мэриан, не бойся! Мы все просто залюбовались тобой.

Она встретила с ним взглядом и не смогла отвести глаз. В первый раз за все время, что она жила в Шервуде, она увидела в его глазах нежность, и золотые искорки ласковой улыбки, и понимание. Вспомнив, как он умеет читать по ее глазам все, о чем она думает и что чувствует, Марианна тут же опустила глаза. Но выступивший на скулах румянец выдал ее волнение, и Робин едва заметно улыбнулся, наблюдая, как Марианна пытается укрыться, возводя вокруг себя невидимые стены.

– Почему ты замолчала, Саксонка? – с тревогой спросил Бранд, когда наступившая тишина рассеяла очарование, навеянное голосом Марианны.

– Я охрипла! – улыбнулась Марианна и, вернув лютню Алану, так же, как он, провела пальцами по горлу. – Давно не пела.

Стрелки рассмеялись. Статли подал Марианне флягу с сидром и, пока она пила, заботливо укутал ее плечи плащом.

– Пора спать! – потянулся Дикон и сладко зевнул. – Хьюберт, где ты ляжешь?

– Возле Саксонки! – ухмыльнувшись, заявил Хьюберт. – Я хочу увидеть сегодня райские сны, а для этого надо лечь рядом с ангелом.

– Вот как? – буркнул Джон, заметив, как загорелись одинаково недобрым огнем глаза Дикона – закадычного друга остролова Хьюберта, Вилла и что-то похожее на отблеск стали мелькнуло в бесстрастном взгляде лорда Шервуда. – А ты уже был в раю и знаешь, какие сны там снятся?

– У него этот рай в селении, что в пяти милях от Шервуда, – улыбнулся Вилл, догадавшись, что Джон твердо намерен никого и близко не подпустить к Марианне. – Там, где живет крошка Дженнет.

– Ты почему вдруг так заулыбался? – встревожился Хьюберт и подозрительно посмотрел на Вилла, забыв и думать о Марианне.

– Ну что ты, Хью! – лениво повел плечом Вилл, переворачиваясь на спину и все с той же улыбкой глядя в ночное небо. – Неужели ты подумал, что я способен отбить подружку у товарища?

– Очень даже способен! – проворчал Хьюберт, но, заметив протестующий жест Вилла, довольно рассмеялся. – А! Я понял: ты просто завидуешь мне! Но сегодня, глядя на Саксонку, пока она пела, я почти забыл о самом существовании других девушек на свете. Вы только посмотрите, как она сердится, стоит бросить в ее сторону ласковый взгляд! Успокойся, Саксонка, я верный друг моей малышки Джен! Да и Дик вот-вот перережет мне горло. Ай, Дик, ты сейчас проткнешь меня локтем!

– Болтун! – усмехнулся Джон, посмотрев в сторону покрасневшего Дикона, который действительно сжимал рукоять ножа.

– Вот уж нет! – не согласился Хьюберт. – Это ты, Малютка, верный муж. А всех остальных, по-моему, этим вечером очень взволновала красота нашей воинственной леди!

– Если ты не заткнешься сам, тебе помогу я, – раздался в ответ голос Марианны.

Встретившись с ее ставшими недобрыми глазами, Хьюберт поднял обе руки в знак повиновения и улегся возле Дикона.

– Да, Робин! – вдруг встрепнулся Дикон. – Ты приказывал напоминать тебе, когда запас наконечников для стрел уменьшается до половины. Так вот, он уменьшился. Если пойдешь на ярмарку, сделай стрельнику заказ.

– Спасибо за напоминание, – ответил Робин. – Кстати, тебе никто не мешает пойти вместе со мной и напомнить мне завтра еще раз.

– Да, конечно! – с готовностью кивнул Дикон.

– И можешь захватить с собой своего приятеля, – добавил Робин.

В отличие от Дикона Хьюберт предложению лорда Шервуда не обрадовался. Поймав вопросительный взгляд Робина, который тотчас почувствовал его замешательство, Хьюберт признался:

– Я готов составить компанию и тебе, и Дику, но если во мне нет особенной надобности, то я очень хотел бы...

– Навестить завтра крошку Дженнет? – договорил за него Робин и улыбнулся. – Ну что же, передай ей привет от меня.

– Непременно! Я что, сам себе враг? – вдруг рассердился Хьюберт. – Она и так уже несколько раз расспрашивала о тебе. Как Робин хорош собой! Какие у него глаза! Ах, мой милый, я так тебя люблю! Ты случайно не знаешь, есть ли у Робина подружка? – передразнил Хьюберт тонкий девичий голос, и стрелки громко расхохотались.

– Значит, Хью, тебе надо обзавестись более верной подругой! – нравоучительно заметил Статли, перемигнувшись с Аланом.

– Еще лучше обзавестись десятком подруг, да таких, чтобы они все хранили мне верность, – не растерялся Хьюберт.

– Что же тебе мешает? – усмехнулся Вилл, поведя глазами в сторону Хьюберта.

– У меня попросту нет такого опыта обращения с женщинами, как у тебя или Робина, – с невинным видом отозвался Хьюберт.

– А ты не слишком разболтался? – угрожающе вскинув бровь, осведомился Вилл, и в его глазах мгновенно вспыхнул недобрый огонек.

– Что такое? Для чьих ушей мои слова не предназначались? – немедленно поинтересовался Хьюберт. – Кажется, ни для кого в Шервуде не секрет, что девицы вам обоим с готовностью вешаются на шею, стоит вам только посмотреть в их сторону!

– Хьюберт, почему ты еще не спишь? – негромко спросил Робин и улыбнулся про себя, заметив, как сузились и помрачнели глаза Марианны, которая внимательно слушала перепалку Хьюберта с Виллом.

– Уже сплю! – под общий смех воскликнул Хьюберт и в подтверждение своих слов с головой закутался в плащ.

Вилл тоже завернулся в плащ и, вытянувшись на траве, сладко потянулся.

– Кого оставим дозорным? – спросил он сонным голосом.

– Чего спрашиваешь, если сам успел улечься? – насмешливо ответил Джон. – Я часок посторожу первым.

– Потом разбуди меня, – сказал Робин, поднимаясь с травы и взглядом выбирая, где лечь.

Джон, не дав ему долго раздумывать, подхватил плащ Робина и расстелил его рядом с Марианной, устроившейся на ночлег возле Статли.

– Ложись на мое место! – предложил он, с невозмутимой улыбкой встретив взгляд Робина, которым тот высказал все свое неодобрение хитростей друга. Заметив, что и дремавшая Марианна проснулась, приподняла голову и встревоженно посмотрела на них, Джон поспешил успокоить ее: – Спи, девочка! Должен же кто-то защищать тебя, пока я буду в дозоре. Статли не добудисься, хоть из рога труби ему в ухо!

– Старый сводник! – улыбнувшись, прошептал про себя Статли и повернулся к Марианне спиной.

Марианна, закрыв глаза, услышала, как Робин лег возле нее, как зашуршал плащ, которым он укрывался. Робин случайно задел Марианну локтем, и она тут же отодвинулась, повернулась к нему спиной и свернулась в клубок. Робин закрыл глаза, и через несколько минут Марианна услышала его ровное дыхание. Она еще какое-то время слышала шорохи листвы, шаги Джона, фыркание бродивших по лугу коней, потом тоже уснула.

Робин проснулся, почувствовав прикосновение к руке, и решил, что это Джон будит его себе на смену. Но, открыв глаза, он увидел лицо спавшей Марианны и ее ладонь на своей руке. Потом она вдруг обняла его, уютно устроилась щекой на его плече и прильнула к Робину. Он удивленно скосил на нее глаза, не зная, что об этом думать. Он ведь сам отправлял ее в объезд дозоров с друзьями, но в каждом из них Робин был уверен без малейших опасений за Марианну. А вот ее он в расчет не брал. Неужели она каждый раз на ночлеге в лесу вот так искала во сне объятий, сама не зная, чьих? Но шепот Марианны развеял его сомнения. Уткнувшись лицом ему в шею, она прошептала те же слова, которые шептала в Руффорде:

– Робин! Как мне нравится твой запах! Мне все в тебе нравится, Робин...

Почувствовав себя так, словно из его сердца наконец-то вытащили стальной шип, мучивший его острой болью конец весны и все лето, Робин осторожно, чтобы не потревожить сон Марианны, обнял ее. Он слушал ее сонное дыхание, а сам не спал. Против воли или согласно ей на него нахлынули воспоминания о том, как они встретились в Руффорде. Он – наяву, а ей эта встреча тогда казалась сном.

В октябре прошлого года до него дошла весть о тяжком недуге, поразившем целое селение, и долг целителя позвал лорда Шервуда в путь. Приняв обличье старика, чему способствовали седой парик и накладная борода, длинный балахон и тяжелый плащ до пят, Робин к позднему вечеру добрался до злосчастного селения, называвшегося Руффордом. Поручив коня сопровождавшему его Бранду, обремененный тяжелыми сумками с лекарствами, он пешком пошел к воротам селения и неожиданно столкнулся с кордоном ратников. На их одеждах и щитах был герб Невиллов, во владения которых входили земли Руффорда. По разбитым шатрам и обустроенному костровищу Робин понял, что ратники стоят в карауле не первый день.

– Стой, старик! – рослый ратник решительно загородил Робину путь, всем видом давая понять, что не даст ступить и шагу дальше. – В Руффорд никого не велено пускать – таков приказ леди Невилл!

– Вот как? – недовольно проворчал Робин, стараясь, чтобы голос был старчески скрипучим, и сокрушенно вздохнул: – Значит, я напрасно проделал такой долгий путь?

Ратник окинул взглядом пропылившийся плащ Робина и сделал радушный жест в сторону костра:

– Садись к огню, отдохни и обогрейся! Судя по одежде, твой путь и впрямь был не близким. Если не побрезгуешь остатками нашего ужина, перекуси с дороги.

Решив узнать, что делают ратники Невилла в Руффорде, Робин не стал отклонять приглашение и сел возле костра. К нему придвинули блюдо с хлебом, сыром и холодной бараниной, один из ратников подал фляжку, наполовину полную вина.

– Что тебя привело в Руффорд? – любопытствовал ратник, который привел Робина к костру. – Неужели ты не слышал, что в здесь стряслась беда? Селение поразил мор. Любой, кто сейчас окажется в Руффорде, может прямиком отправиться на погост!

– Весть об этой беде и позвала меня в дорогу, – ответил Робин. – Я лекарь, и мой долг – спешить туда, где нуждаются в исцелении.

Ратники в знак уважения к гостю склонили перед ним головы.

– И все же не обессудь, почтенный! – вздохнул старший ратник. – Леди Невилл приказала нам охранять все пути, что ведут в Руфффорд, и никого, будь он конным или пешим, не пускать в селение. Хоть ты и лекарь, мы не можем нарушить приказ нашей госпожи – леди не сделала исключений ни для кого. Она сказала, что путники могут разнести недуг по всему графству, и вот тогда случится непоправимая беда.

– Ваша госпожа полностью права, – подтвердил Робин, и ратник довольно улыбнулся.

Леди Невилл... Робин подумал, что сэр Гилберт вступил в повторный брак. Он помнил, как страстно и безнадежно любил лорд Невилл свою жену леди Рианнон, но, видимо, время в силах излечить любую боль, даже сердечную. Робин спросил о даме, которая стала новой супругой сэра Гилберта, и с возрастающим удивлением слушал ответ старшего ратника.

– Нет, наш лорд сэр Гилберт и в мыслях не держит вступать в брак второй раз! Леди Невилл мы называем его дочь – леди Марианну, – суровое лицо ратника мгновенно смягчилось, едва он упомянул имя Марианны. Улыбнувшись, ратник смущенно пояснил: – Конечно, сама она не именуется так, как зовем ее мы, но леди Марианна и впрямь госпожа владений Невиллов. Она, как только вернулась из монастыря, сразу принялась управлять землями отца, да так умело, что сэр Гилберт на нее не нарадуется. Похоже, он и сам не заметил, как передал ей бразды правления! Он поручил ей даже вершить суд, и ее решения всегда справедливы и разумны настолько, что и те, не в чью пользу она разрешала спор, отзывались о ней с хвалой!

Робин в то время очень много думал о Марианне и не преминул узнать о ней больше. Поэтому он осторожно сказал:

– Я слышал много добрых слов о леди Марианне...

Он не надеялся, что ратники проявят большую откровенность, но они так оживились и подвинулись ближе к нему, что Робин понял: они готовы говорить о своей леди до рассвета.

– Говорят, что она умна, хороша собой, добра и великодушна, – продолжал Робин, вопросительно поглядывая на ратников.

– Ни одного слова лжи или преувеличения, – горячо подхватил старший ратник, потом покачал головой, всем видом выразив сомнение: – но вряд ли слова могут описать в действительности, как она прекрасна душой, красива обликом и добра сердцем!

– Тогда почему она запретила пропускать в Руфффорд всех, не сделав исключение для лекарей? – возразил Робин и хотел добавить, что такой поступок не украшает Марианну, но ответные слова ратника заставили его онеметь.

– А зачем? Во всех Средних землях нет более искусного целителя, чем сама леди Марианна! – с тайной гордостью сказал ратник. – Она сейчас в Руфффорде и сама лечит тех, кто заболел.

– И сэр Гилберт отпустил дочь в селение, пораженное мором? – только и смог вымолвить ошеломленный Робин.

Ратники в смущении переглянулись, и старший ответил:

– Нет, конечно. Сэр Гилберт сейчас в валлийских владениях и не знает, что в Руфффорд пришла болезнь, как и о пребывании здесь леди Марианны. Я же говорил тебе, что это был ее приказ.

Пробормотав благодарные слова за ужин и беседу, Робин покинул гостеприимных ратников, объяснив им, как его можно найти, если их госпоже все же понадобится помощь. Выйдя из освещенного костром круга, Робин прислонился спиной к дереву и закрыл глаза, пытаясь прийти в себя.

Она в Руфффорде!

В Руфффорде, где, как он знал, за одну неделю умерла треть жителей! И она, зная о том, что болезнь очень заразна, отправилась в самое логово недуга и смерти! Ратники забыли ска-

зять, что нет слов, которые могли бы достойно и красочно описать легкомыслие их госпожи, а не только красоту и прочие достоинства. Глупая, безрассудная девчонка!.. Робин скрипнул зубами и глубоко вздохнул. А есть ли ему дело до причуд леди Марианны, которыми она заполняет досуг?

Его внимание привлек оживленный гул голосов. Посмотрев в сторону костра, Робин увидел, что ратники вскочили на ноги и устремились к селению, но через пару шагов все как один остановились, словно наткнулись на невидимую преграду. Избегая попасть в свет костра, Робин сделал несколько шагов в ту же сторону и увидел преграду, о которую споткнулись ратники.

Ею была девичья ладонь, вскинута в запрещающем жесте. Освещаемая отблесками костра, Марианна зябко куталась в плащ и негромким размеренным голосом перечисляла ратникам, что ей необходимо получить из Фледстана: съестные припасы, травы, воду. Робин слушал, но почти не разбирал слов, только неотрывно смотрел на нее. Ему стоило больших усилий не выйти из темноты и, схватив ее в охапку, увезти далеко от места, где обосновалась Смерть. «Как ты можешь так рисковать собой?!» – взывал он с отчаянием, вглядываясь в побледневшее, очень усталое, но такое милое лицо, обрамленное светлыми косами. Сейчас он снова не признал бы в ней знатную леди, и не столько из-за простого платья, в которое она была одета, сколько из-за ее поступка, который не совершила бы ни одна из знатных и благородных девиц, – самоотверженного поступка, подчиненного долгу целительницы, но безмерно опасного для самой Марианны.

– Тут один старик приходил, – сказал старший ратник, когда Марианна смолкла. – Говорил, что он лекарь и пришел помочь жителям Руффорда. Может быть, леди Мэриан, вам пригодится его помощь? Вы только скажите, и мы догоним его! Вряд ли он успел далеко уйти.

Робин невольно улыбнулся, услышав обещание разыскать его, которое мог дать только тот, кто и в малости не знал повадок лорда Шервуда.

– Нет, – недолго подумав, ответила Марианна, – болезнь пошла на убыль, так что помощь не требуется. Если увидите этого славного старика, поблагодарите его от моего имени. А завтра я должна получить из Фледстана все, что сейчас назвала вам.

И она, закрыв лицо до глаз маской из ткани, пошла обратно в селение.

«Девочка моя! – мысленно крикнул вслед ей Робин. – Ты все делаешь правильно! И то, как защищаешься, и травы, которые ты перечислила, нужны тебе для тех лекарств, которые способны побороть эту болезнь! Но сейчас согласись, и пусть они позовут меня! Ведь ты там совсем одна, а сколько у тебя осталось сил?»

– Госпожа! – неуверенно окликнул ее ратник. – Если опасность миновала, не лучше ли вам вернуться во Фледстан?

Очевидно, не высказанные до конца опасения Робина за жизнь Марианны все же посеяли сомнения в душе старшего ратника. В ответ раздался серебристый смех Марианны, и, уже едва видимая в темноте, она помахала рукой.

– Потерпите несколько дней! – эхом донеслось до ратников и лорда Шервуда. – Пока я еще нужна здесь!

Робин вернулся в Шервуд. Все последующие дни для него не было важнее новостей, чем те, что касались Руффорда. К его огромной радости новости приходили самые утешительные. Число больных стремительно убывало, выздоравливающих – росло. Смерти пришлось отступить перед упорством и умением Марианны. Робин уже вздохнул спокойно и, перестав тревожиться за Марианну, полностью окунулся в дела Шервуда, когда в лагерь на взмыленной лошади примчался отец Тук.

– Ко мне заявился один из ратников Невилла, – задыхаясь, сказал он и жадно осушил кубок вина, не заметив, как половину пролил себе на грудь. – Помнишь, ты предупреждал меня, что если они станут искать старого лекаря, я должен сразу найти тебя?

– Значит, леди Марианне все же понадобилась помощь? – спросил Робин, очень внимательно посмотрев на священника.

– Так и есть, ей она и понадобилась! – с отчаянием воскликнул отец Тук и в волнении схватил Робина за руку. – Он сказал, что Марианна заболела, что ей очень плохо и никто не знает, как ей помочь! Сделай же что-нибудь, Робин, иначе она умрет!

Священник зарыдал, не стыдясь слез. Не медля ни минуты, Робин разбудил Джона, приказал ему отправляться по дозорам вместо себя и предупредил, что уедет на несколько дней. Джон не успел спросить его, куда и зачем, как Робин уже был у себя и спешно переодевался, принимая облик старика. Собирая в сумку необходимые лекарства, он не заметил появления Эллен, которая стояла на пороге, наблюдая за сборами Робина.

– Я была у отца Тука и приехала вместе с ним, – сказала она, когда Робин наконец бросил на нее взгляд. – И сейчас я поеду с тобой. Не возражай! Ты едешь врачевать девушку, и тебе понадобится женская помощь.

– Хорошо! – отрывисто сказал в ответ Робин и вытолкнул Эллен в коридор. – Но если твоя лошадь отстанет, не обессудь: я не буду тебя ждать!

Они едва не загнали коней, домчавшись до Руффорда за немислимо короткое время. Ратники, несшие караул у ворот селения, увидев всадников, бросились им навстречу.

– Хвала Святой Деве! – воскликнул старший ратник, узнав Робина, и, едва дождавшись, пока он спешится, увлек его к селению. – Идем быстрее!

Пока они шли к дому бейлифа, который на время стал пристанищем Марианны, ратник торопливо говорил:

– Позавчера она показалась мне бледнее обычного, но я решил, что она просто устала. Столько дней и ночей почти без сна! Вчера утром она сказала, что сегодня мы можем вернуться во Фледстан, и она вместе с нами. А днем служанка бейлифа прибежала к нам и сказала, что госпожа пожаловалась на озноб. Я пошел вместе с ней в селение. Леди выбрала меня, ответила, что с ней все в порядке, и приказала возвращаться. Но всего через пару часов она прилегла отдохнуть и больше не смогла подняться с постели. К вечеру она стала задыхаться, у нее начался жар, а к ночи она впала в беспамятство. Словом, все, как у тех, кого сразил этот клятый недуг! Я уже не чаял дождаться тебя!

Робин, внимательно слушая ратника, распахнул дверь. Служанка отвела его к постели Марианны, и Робин, передав сумку с лекарствами Эллен, сел рядом с девушкой и взял ее за руку, нащупывая пульс. Биение пульса было очень слабым и частым, а исхудавшая рука Марианны горела огнем. Не замечая взглядов – жалостливых служанки и отчаянных ратника, Робин тщательно изучал лицо Марианны.

Как она бледна! Не опоздал ли он? Нет, смерть не получит такую жертву! Пальцы Робина уверенно пробежали по телу Марианны там, где он ожидал нащупать уплотнения, которые свидетельствовали бы о заражении, но ничего не нашел. На лице Марианны не было и следов сыпи. Робин склонился к ее груди, прислушался к дыханию и понял, чем она больна. Он даже рассмеялся, и все, кто был в доме, включая Эллен, посмотрели на него как на сумасшедшего.

Выпустив руку Марианны, Робин принялся доставать из сумки нужные ему лекарства. Отыскав большой флакон с мазью, он подал его Эллен:

– Натри ее этим, Нелли, переодень в сухую сорочку и застели постель свежими простынями.

– Ты вылечишь леди Марианну?! – не выдержал ратник, с силой тряхнув Робина за плечо.

Робин снял с себя его руку, приказал служанке принести воды и стал готовить лекарство.

– Да, не тревожься, – ответил он ратнику. – Это всего лишь простуда. Леди была до крайности утомлена, вот ее и одолел самый обычный недуг. Смерть ей не грозит: два-три дня, и она будет здорова.

Ратник с глубоким вздохом облегчения вытер взмокший от пота лоб.

– Хвала Святой Деве! – повторил он. – А я уже думал о том, что мне сказать сэру Гилберту, который утром прибудет в Руфффорд, как объяснить ему, почему я не уберег его дочь!

– Слова так важны? – спросил Робин, смешивая лекарство с водой.

– Нет! – горячо ответил ратник. – Я просто подставил бы голову под его меч и счел бы такую кару справедливой!

Робин хотел успокоить ратника, но смог лишь кивнуть ему и выставил вон из дома. Эллен со служанкой растерли Марианну мазью и уложили ее в перестеленную кровать. Робин сел рядом и, подхватив Марианну под спину, напоил ее приготовленным лекарством.

В дверях снова показался ратник:

– Сэр Гилберт непременно захочет поблагодарить тебя! Не уппусти возможность поправить дела. Ему не будет жаль ничего за жизнь леди Марианны! Уверен, он пригласит тебя провести остаток дней во Фледстане, если ты того захочешь!

Робин едва не рассмеялся, представив, как обрадуется сэр Гилберт тому, что в его замке обоснуется лорд вольного Шервуда. Ратнику же он ответил:

– Мои дела в порядке, а жизнь вашей госпожи сама по себе будет для меня наибольшей благодарностью.

Он решительно выпроводил ратника и отправил служанку искать ночлег в другом доме. Ему хотелось снять с себя тяжелый балахон и парик с бородой, что он и сделал, едва за всеми закрылась дверь. Освежившись холодной водой, Робин вернулся к постели Марианны. Сев на кровать возле нее, он взял девушку за руку и долго всматривался в ее лицо.

Как только он мог подумать, что ее пребывание в Руффорде было желанием заполнить праздный досуг! Как он вообще мог принять ее за избалованную девицу, испорченную богатством, высоким положением и всеобщим восхищением ее редкой красотой? Ведь все ему говорили правду: она и впрямь была безмерно доброй, сострадательной к чужой боли, великодушной и самоотверженной!

Робин ласково положил ладонь на лоб Марианны, на котором выступила испарина. Только сейчас он понял, какую боль испытал бы он сам при вести о ее смерти.

Ее лицо было бледным и осунувшимся, но и таким оно казалось Робину прекрасным в обрамлении светлых волос, разметавшихся по простыням. Он с трудом удержался от желания погрузить руки в сыпучие россыпи ее кос, но не смог не дотронуться до ее губ легким поцелуем, как если бы проверял дыхание Марианны. И кроме восхищения она, даже такая – истаявшая от жара, все равно вызывала в нем желание.

– Вот и пришел твой час, – услышал он голос Эллен и, подняв голову, встретил ее печальную улыбку. – Как бы ты ни отгораживался от женских чар, все равно не уберегся! Недаром когда ты и прежде упоминал о ней, то всегда называл своей невестой. Твое сердце предчувствовало любовь к ней, хоть ты сам и не помышлял об этом!

– Прости, Нел, – тихо сказал Робин, заметив грусть в ее глазах.

– Тебе не за что просить прощения, – пожала плечами Эллен, – каждый из нас давно уже живет своей жизнью. Я сама пришла к тебе в ночь после отъезда сэра Эдрика. Ты не виноват в том, что я полюбила тебя. Даже после того как ты влюбился в Мартину, ты все равно оставался добрым ко мне. Ох, милый! Но что ты теперь станешь делать? Ведь она не только твоя невеста. Она самая завидная невеста в Средних землях, а тебя считают погибшим! Она хоть знает, кто ты и как вы связаны друг с другом?

– Нет, – глухо ответил Робин, – и не узнает. Довольно, Нелли! Ложись спать. Утром я вернусь в Шервуд, а тебя прошу остаться с ней до тех пор, пока она не придет в себя.

Он мог бы вернуться прямо сейчас, ведь жизни Марианны не угрожала опасность. Но Эллен чутким сердцем догадалась, что он хочет провести возле Марианны несколько лишних часов. Она устроилась на шкурах, застилавших пол, и уснула, укутавшись в плащ с головой. Робин только потом оценил ее такт. А тогда он лишь почувствовал себя свободнее. Приготовив новую порцию лекарства, Робин напоил им Марианну. Она по-прежнему не приходила в себя, и ему пришлось поддержать ее, обхватив рукой тонкие плечи и положив ладонь ей на лицо. Она покорно выпила снадобье и, глубоко вздохнув, склонила голову на его плечо.

– Наконец-то ты пришел! А я уже так устала ждать тебя! – вдруг прошептала Марианна.

Он замер, вглядываясь в ее лицо. Но она спала в забытьи горячки, и Робин хотел уложить ее на постель, когда горячие пальцы Марианны с силой сжали его запястье и потянули к себе. Робин прерывисто вздохнул. Сблазн уступить влекущей силе руки Марианны был так велик, что Робин даже не стал и пытаться побороть его. Не выпуская девушку из объятий, он осторожно прилег на постель возле нее.

Так же, как сейчас, она тогда прильнула к нему и легла щекой ему на плечо. И он так же, как этой августовской ночью, почувствовал ревность: мало ли кого она видела в горячечных видениях? Но держать ее в объятиях и ощущать жаркое тепло ее дыхания было так невыразимо хорошо, что ревность уступила место необыкновенному радостному умиротворению, и Робин, заставив рассудок умолкнуть, с нежной силой прижал к себе Марианну.

Незаметно для себя он задремал и проснулся от того, что горячая ладонь Марианны проникла ему под рубашку и принялась блуждать по его груди. Робин остановил ее руку, накрыв сверху своей, и тогда она легла на бок и уткнулась лицом ему в шею. Ее жаркие сухие губы прикоснулись к нему, и Марианна шепнула в забытьи те же слова, что и сейчас:

– Мне так нравится твой запах! Мне все в тебе нравится, Робин!

Его сердце лихорадочно забилося при звуке собственного имени, произнесенного ее таким нежным, еле слышным голосом. Забыв обо всем, он приподнял ладонью ее лицо. Ее губы оказались совсем рядом с его губами и приоткрылись в безмолвном призыве. Тогда он, отринув благоразумие, обхватил ладонью ее затылок и прильнул к губам Марианны. Как она отозвалась на его поцелуй! Даже положила ладонь на его щеку, словно боялась, что он исчезнет. Он целовал и целовал ее, а она отвечала на его поцелуй с такой же страстью. Его пальцы погрузились в россыпь ее волос и принялись нежно ласкать ее затылок, шею, скулы. Она тихо простонала и выгнулась под ним. Ее стон заставил Робина опомниться. Оторвавшись от губ Марианны, он понял, что уложил ее на спину и подмял под себя. Кажется, он тогда сумел остановиться в последнее мгновение!

Оставив ее, он долго плескал в лицо пригоршни холодной воды, приводя мысли и чувства в порядок. Это было сущим безумием! Марианну и его неумолимо влекло друг к другу, они были даже помолвлены, но утром он вернется в Шервуд, а она, очнувшись от горячки, возможно, не вспомнит о нем. А если вспомнит, то решит, что он привиделся ей во сне.

Утром приехал сэр Гилберт. Робин едва успел надеть парик, бороду и балахон, когда в дом ворвался высокий седой человек, в котором он узнал барона Невилла, и бросился к постели дочери.

– Леди Марианна вне опасности, милорд, – поспешил успокоить Робин.

Невилл обернулся, и Робина поразило немое отчаяние в его глазах. Поверив словам старого целителя, Невилл в несколько шагов оказался возле Робина и порывисто сжал его в объятиях:

– Почтенный, мне сказали, что ты спас мою дочь! Могу я чем-либо отблагодарить тебя?

Робин пристально посмотрел на сэра Гилберта и ответил:

– Можете, милорд. Когда ваша дочь очнется, похвалите ее.

– Похвалить?! – повторил изумленный сэр Гилберт. – Похвалить ее за то, что она заперлась в больном селении и сама чуть не отдала Богу душу?

– Да, – с прежней твердостью сказал Робин. – Вы должны похвалить ее за то, что она одна спасла жизнь почти сотни людей. Если бы не она, все селение вымерло бы, а зараза разошлась по всему графству, а потом и по всей стране. Вдумайтесь в то, что я сказал, и решите сами: такая самоотверженность стоит похвалы или упреков?

Сэр Гилберт рассмеялся отрывистым смешком и всплеснул руками, выразив этим жестом и растерянность, и бессилие.

– Я выполню твою просьбу, старик. Но ты останешься единственным, кто найдет поступок моей дочери похвальным. Я не знаю, что мне делать с ней! Лишить свободы? – и он посмотрел на Робина так, словно ждал совета.

– Ангела не запирают в клетке, – коротко ответил Робин.

– Да, она зачахнет, – согласился Невилл, – но разрешать ей подвергать себя подобному риску впредь!.. Она единственная отрада моего сердца. Сын не так дорог мне, как Марианна. И она же – постоянный источник моих тревог.

– Выдайте дочь замуж, и ваши тревоги перейдут к ее мужу, – посоветовал Робин.

Он дал совет не от души – просто хотел узнать, не обручена ли его бывшая невеста с кем-либо.

– Замуж! – безрадостно рассмеялся сэр Гилберт. – За кого же? Кто потерпит от своей жены такого? – И он обвел взглядом стены дома так, словно перед ним было все охваченное мором селение.

– Я, – едва не ответил Робин, но вместо этого сказал: – Ваша дочь – целительница. У целителя есть священный долг, которым он не вправе пренебрегать. Она поступила в соответствии с долгом. Похвалите ее, милорд, и ни слова упрека!

Оставив Эллен возле Марианны и уверив Невилла в том, что ее помощи будет достаточно, Робин вернулся в Шервуд. Смятение сердца не давало ему ни покоя, ни сна, и он отправился к дозорному посту, сменив Вульфгара, который сильно удивился, что сам лорд Шервуда пожелал побыть простым дозорным.

Всю ночь Робин думал о Марианне. Слишком хороша она была, чтобы только опека отца обеспечила ей полную безопасность. И Робин решил сам сделать все, чтобы защитить Марианну от посягательств тех, кто считал принадлежащим себе все вокруг, включая дочь Гилберта Невилла. Он даже не пытался уверить себя, что его решение – побуждение долга, а не веление сердца. Он уже понял, что обречен любить ее до конца своих дней.

Вернувшись в лагерь, Робин назначил сбор – не всего Шервуда, а только тех, кто возглавлял отряды вольных стрелков.

– Я хочу, чтобы каждый в Шервуде знал, что леди Марианна Невилл находится под защитой вольных стрелков. Не только под защитой, но и под моим личным покровительством, – объявил он. – Те, кто не знает ее в лицо, при одном имени леди Марианны должны приходить ей на помощь, в чем бы эта помощь ни заключалась. Оберегайте ее от любого, кто бы ни замыслил недоброе дело против леди Марианны!

Его выслушали, не задавая вопросов. В Шервуде уже оценили самоотверженность и мужество леди Марианны, которая не убоилась сама прийти на помощь гибнущим от смертельного недуга людям. Поэтому приказ лорда Шервуда был встречен с воодушевлением, и даже Вилл не заподозрил в этом приказе сердечных чувств, хотя именно они и диктовали Робину слова, которые он сказал стрелкам.

...Протяжный вздох Марианны заставил Робина очнуться от воспоминаний. Он быстро посмотрел на нее и увидел, что прежде спокойное лицо исказилось гримасой страда-

ния. Она рывком убрала голову с его плеча, упала на спину и хрипло простонала. Склонившись над ней, Робин накрыл ее губы ладонью и поцеловал в лоб, чтобы разбудить Марианну.

– Что?! – распахнулись ее блестящие, полные сонных видений глаза. – Что случилось?!

Заметив, что она крепко сжимает его запястье, Марианна тут же отдернула руку и вопросительно посмотрела на Робина.

– Тебе приснился кошмар, – шепнул Робин и убрал ладонь с ее лица. – Я не хотел, чтобы ты криками разбудила остальных.

Она молча кивнула, не сводя с него расширенных глаз, и в это мгновение к ним подошел Джон.

– Час прошел, – заметил он.

– Да, – ответил Робин, поднимаясь на ноги.

– Робин! – остановила его Марианна, глядя жаркими глазами. – Мой лорд, мне все равно уже не уснуть! Позволь мне заступить в дозор, а ты продолжай спать!

Робин посмотрел на нее и подал руку, помогая подняться.

– Не обижайся на мои слова, но тебе еще рано одной нести дозор в полевом ночлеге. Давай поступим так: ты будешь дежурить с южной стороны, а я с северной.

Марианна молча кивнула и, вынув меч из ножен, ушла за деревья в сторону леса. Робин хотел пойти к реке, но Джон поймал его за плечо и вопросительно посмотрел на друга.

– Ложись спать, златокудрая Фрейя! – шепотом сказал Робин в ответ на взгляд Джона.

– Ты, конечно, можешь унижать меня, называя златокудрой богиней, – так же шепотом ответил Джон, – но делай уже что-нибудь!

– Ложись спать, – повторил Робин и, высвободившись от захвата Джона, ушел в сторону реки.

Глава третья

Наступившее утро предвещало такой же изнурительный знойный день, что и накануне. Чем ближе время подступало к полудню, тем горячее становились солнечные лучи, раскалившие воздух, который колыхался зыбким маревом.

У высоких стен Ноттингема раскинулась шумная ярмарка. С рассветом к городу съехались фригольдеры и вилланы, расставили корзины с овощами, фруктами и зеленью. Ремесленники разложили на прилавках ткани и украшения, оружие и доспехи, конскую упряжь и домашнюю утварь. В конном ряду стояли широкогрудые и низкорослые лошади для сельских работ, высокие и могучие боевые рыцарские кони и легконогие неутомимые скакуны, нервно скашивавшие на зевак и покупателей горячий глаз. Тут же звенела наковальня – покрикивая на подручных, кузнец выгибал светившуюся алым светом полоску раскаленного железа, придавая ей форму подковы. В загонах, сбившись в кучу, томились стриженные овцы. Неподалеку важно и спокойно пережевывали травяную жвачку коровы. Вдоль прилавков сновали проворные торговцы пирогами и элем.

Несмотря на жаркий день – один из тех, на которые оказался так щедр август, на ярмарке было многолюдно. Принарядившиеся горожане прогуливались целыми семьями, прицениваясь к товарам, азартно торгуясь с продавцами, обмениваясь новостями. Кое-где в толпе мелькали доспехи ратников городской стражи, поддерживавших порядок и спешивших на шум любой драки, в которую иногда переходил слишком горячий спор между иными покупателями и продавцами. Поодаль на площадке давали представление бродячие артисты.

Вольные стрелки, сменив зеленые куртки на другие, не отличавшиеся цветом от одежды прочих людей, гуляли по ярмарке, смешавшись с толпой. Робин, Статли и Марианна, оставшаяся в мужском наряде, шли впереди. Дикона, который пытался поравняться с ними, то и дело оттирали назад. Джон и Кэтрин отстали, совершенно не заботясь о том, чтобы догнать друзей. Кэтрин остановилась возле прилавка ювелира и принялась деловито примерять украшения. Выбрав изящные золотые сережки с топазами, она вопросительно посмотрела на Джона. Тот ласково улыбнулся жене и, обняв Кэтрин, щедро расплатился с ювелиром. Прибавив шаг, они, не обращая внимания на сновавших мимо людей, украдкой поцеловались.

Робин и Статли, пересмеиваясь, то и дело обменивались улыбками с хорошенькими селянками, бойко торговавшими зеленым товаром, и молоденькими горожанками, которые тайком от строгих родителей бросали из-под ресниц быстрые лукавые взгляды на высоких стройных лучников. Одна из селянок – пухленькая рыжая девица лет пятнадцати – обтерла фартуком румяное яблоко и, когда стрелки проходили мимо нее, загрозила им дорогу.

– Попробуй, оно сладкое, как мои губки! – пропела она, сунув яблоко Робину в руку, и окинула лорда Шервуда восхищенным взглядом карих глаз. – Если понравится, приходи вечером на танцы, я принесу еще!

– Как тебя зовут, красавица? – улыбнувшись, осведомился Робин и с хрустом надкусил яблоко.

– Спроси Дженни, – ответила девушка и, не удержавшись, чмокнула Робина в щеку звонким поцелуем, – только не смотри на других, если не хочешь меня обидеть!

– Что ты, милая Дженни! Разве можно смотреть на других, увидев тебя хоть раз? – весело усмехнулся Робин и, ловко поймав второе яблоко, брошенное ему девушкой, шлепнул ее по круглому задку.

Та довольно взвизгнула и, спохватившись, бросилась к своим корзинам, к которым уже подбирались проворные сорванцы.

– Я вас, воришки! – прозвенел за спинами стрелков ее высокий негодующий голос. Робин, посмеиваясь, отдал второе яблоко Статли.

– Пойдешь? – спросил Статли, надкусывая яблоко так, что сок вскипел на губах.

– Нет, – подумав, ответил Робин, – не так уж она хороша, чтобы рисковать, оставшись еще и вечером в Ноттингеме.

Расслышав их разговор, Марианна резко обернулась и посмотрела на Робина.

– А если бы не в Ноттингеме? И достаточно хороша? – услышала она собственный голос, прежде чем сама поняла, о чем говорит.

Невозмутимо хрустнув яблоком, Робин изогнул бровь и негромко спросил:

– Ревнуешь меня, Марианна?

Заметив улыбку Статли и откровенную усмешку в глазах Робина, Марианна сдержала внезапное негодование.

– Нет, конечно! Лишь подумала, стоит ли тебе, лорду Шервуда, рисковать жизнью ради встречи с негордой девчонкой!

– Так я и не собирался, – ответил Робин и улыбнулся дразнящей улыбкой. – А ты, Саксонка, скоро можешь читать проповеди вместо Джона. Будь спокойна: я предпочитаю гордых девушек, не сразу уступчивых и подальше от Ноттингема.

Марианна посмотрела на него долгим взглядом и кивнула:

– Это правильно, мой лорд! Уступчивые девушки быстро надоедают.

– Хочешь дать мне совет? – прищурился Робин.

– А в нем есть нужда? Я помню, о чем вчера говорил Хьюберт: в умении обращаться с женщинами вам не нужны советы, мой лорд!

Статли несильно сжал локоть Робина, но тот лишь усмехнулся в ответ, не сводя с Марианны немилосердного взгляда. Она вспомнила, как прошлой ночью он пробудил ее от кошмара, каким ласковым был его голос, но сейчас перед ней был совсем другой Робин. Вилл говорил, что Робин – волк, который может в любой момент прикинуться домашним псом. На этот раз вышло наоборот: волк стоял перед ней во всем сознании собственной силы и получал удовольствие от ее негодования.

– Могу вернуться и попросить у нее яблоко и для тебя, – сказал Робин, с усмешкой глядя на Марианну. – Если ты предпочитаешь яблоки только от гордых продавщиц, шагай вперед!

Марианна смирив Робина возмущенным взглядом, отвернулась и пошла впереди, высоко подняв голову. Сама она была безмерно удивлена тем, как ее задела и разговор Робина с торговкой яблоками, и его слова о том, что если бы та была краше... Но сильнее всего она сердилась на себя – за то, что он так легко угадал причину ее возмущения.

Статли, глядя на гордо выпрямленную спину Марианны, бросил выразительный взгляд на Робина.

– Ешь яблоко, – посоветовал Робин, – и не лезь не в свое дело.

Они выбрались из толпы. Дикон, запыхавшись, наконец смог их догнать и подошел к Марианне. Остановившись, стрелки подождали далеко отставших Джона и Кэтрин.

– Вот уж не думал, что Джон при всем его благоразумии отправится с нами на Ноттингемскую ярмарку, да еще прихватит с собой жену! – удивленно сказал Статли, отыскивая в толпе могучую фигуру Джона.

– Он и не собирался, – ответил Робин, улыбнувшись одними глазами, – Кэтти его уговорила.

Стрелки рассмеялись, глядя на приближавшуюся к ним супружескую чету. Джон никогда не мог устоять перед ласковыми уговорами Кэтрин и только тешил себя надеждой, что его слабость остается незамеченной другими, хотя о ней знал весь Шервуд.

– Уф, какая жара! – с улыбкой воскликнула Кэтрин, подходя к Робину.

Скромное платье и белая косынка, прикрывавшая стянутые в узел волосы, делали Кэтрин похожей на послушницу, если бы не большие темные глаза, светившиеся задорным огнем.

– Нам с Джоном, пожалуй, пора уезжать? – живо сказала она и оглянулась на мужа: – Да, милый?

– Ну конечно! – хмыкнул Джон, щелкнув ее по новой сережке. – Главные покупки мы уже сделали!

Обняв смеющуюся Кэтрин, Робин провел пальцами по ее серьгам.

– И это все, на что расщедрился твой супруг? – рассмеялся он. – Дружочек мой, позвала бы меня, и я бы скупил тебе всю ювелирную лавку!

– Чем бы я потом с тобой расплачивался? – недовольно проворчал Джон и потянул Кэтрин за руку. – Почему ты позволяешь ему обнимать себя, негодница?

– Расплачивался бы не ты, – улыбнулся Робин, поддразнивая нахмурившегося Джона и отпуская Кэтрин. – В конце концов, у меня же есть право первой ночи!

– Ты вовремя о нем вспомнил! – хмыкнул Джон, привлекая жену к себе.

– Не сердись, милый! – воскликнула Кэтрин, прижавшись к широкой груди мужа. – Я все равно ему не верю! Он ведь успел перемигнуться со всеми девушками, которых встретил. Да и ювелир сразу бы догадался, кто перед ним, если бы Робин выложил кучу монет. Он тут же кликнул бы стражу!

– А иначе он принял бы Робина за святого Георгия! – рассмеялся Статли.

– Куда вы собрались? – спросил Робин Джона.

– В Мэнсфилд, – ответила Кэтрин за мужа. – Решили забрать сына. Иначе Мартин скоро перестанет узнавать собственных родителей.

– Скарлет тоже подумывает привезти своего Дэниса в Шервуд, – сказал Статли. – Хорошо, что у меня нет детей!

– Это ты так думаешь! – ухмыльнулась Кэтрин и с визгом отпрыгнула в сторону, получив в ответ шлепок.

– Тогда отправляйтесь, – сказал Робин и оглянулся на раскинувшуюся за спиной ярмарку. – А мы с Виллом сходим в оружейный ряд и запасемся наконечниками для стрел.

– Можно с вами? – негромко осведомилась Марианна.

Робин посмотрел на нее и, недолго подумав, отрицательно покачал головой:

– Возвращайся с Диконом в лагерь. Если хочешь подождать нас, тогда побудь у лошадей. Мы и так достаточно примелькались. Джон, Кэтти, ждем вас вечером с Мартином. Идем, Вилли!

За это время Статли успел нашептать Джону о том, как Робин приглянулся юной торговке и как это понравилось Марианне, и Джон довольно склонил голову:

– Понял! Все понял, Вилли! Будьте осторожнее!

Робин махнул рукой, прощаясь с Джоном и Кэтрин, и вместе со Статли растворился в толпе. Джон с Кэтрин, Марианна и Дикон пошли в сторону леса, туда, где поодаль от дороги стрелки укрыли лошадей.

– Знаешь, что мы сделаем? – шепнул Джон в нежное ушко Кэтрин. – Мы прихватим сегодня с собой Мартину. Пусть погостит в Шервуде. Хватит ей горевать одной после гибели Мартина!

– Ты думаешь, она горевала? – усомнилась Кэтрин. – Я вот уверена, что она не пролила по мужу ни одной слезы.

– Этого ты в точности знать не можешь! – рассмеялся Джон. – Как ты думаешь, она успеет собраться?

– Она-то соберется в четверть часа, получив приглашение в Шервуд! Но зачем тебе это понадобилось? Ты же знаешь, что она опять станет навязываться Робину.

– Ничего, Робин с ней справится! – усмехнулся Джон. – Ему не привыкать. Да ведь она могла, наконец, и измениться!

– Ой! – только и воскликнула Кэтрин в ответ на предположение Джона. – Ну, если ты так решил, конечно, заедем к ней и пригласим в гости.

Добравшись до лошадей, Джон и Кэтрин распрощались с Марианной и Диконом, и те остались вдвоем.

– Вернемся домой? – предложил Дикон.

Марианна отрицательно покачала головой и опустила на траву. Потоптавшись, Дикон сел рядом с ней. Они долго сидели в молчании, пока Дикон робко не дотронулся до руки Марианны.

– Почему ты никогда не носишь женское платье?

Марианна рассмеялась и пожала плечами:

– Наверное, потому, что в нем несподручно ездить верхом, лазить по деревьям, сражаться! Мне перечислить все его неудобства или достаточно?

Она насмешливо посмотрела на Дикона, и тот подсадовал на себя. Раз уж случай позволил ему побыть с Марианной вдвоем, он хотел воспользоваться им и поговорить с ней на очень важную для него в последнее время тему. И сам же испортил начало разговора глупым и неуместным вопросом.

Марианна сцепила руки вокруг колен и легла на них щекой, закрыв глаза. Дикон смотрел на нее глазами, полными восторженного любования, не замечая, что Марианна из-под ресниц видит его взгляд и читает по нему обо всем, что сейчас происходит в бесхитростной душе юноши.

– Как ты оказался в Шервуде, Дик? – негромко спросила она.

– Из-за лани, – вздохнул Дикон и, встретив непонимающий взгляд Марианны, пояснил: – Случился неурожайный год, и зима была очень голодная. Мы возлагали много надежд на следующее лето, но, когда всходили посевы, на наше поле забрели олени и вытоптали все всходы. Когда я обнаружил, что на урожай надеяться не приходится, то от злости, забывшись, схватил лук и застрелил одну лань. А олени, как ты знаешь, принадлежат королю. Той же ночью я сбежал в Шервуд, иначе мне отрубили бы правую руку.

– У тебя кто-нибудь остался дома?

– Мать и два младших брата, – с грустью сказал Дикон. – Я ушел, даже не простившись с ними, прямо с поля, и это спасло их от наказания. Теперь я навещаю их только по ночам. Если бы ты знала, как тяжело приходить к ним! Мать каждый раз плачет и проклинает Робина.

– Проклинает?! – не поверила Марианна. – За что?! Я полагаю, она, напротив, должна быть ему благодарна!

Дикон от души рассмеялся:

– Что ты, Марианна! Как же ты еще мало знаешь нашу жизнь! Почти все родные стрелков, оставшиеся дома, не любят Робина. Они, как и моя мать, уверены в том, что, если бы не он, люди вели бы себя осмотрительнее, сознавая, что им негде укрыться от наказания. А так как все знают, что в Шервуде живут вольные стрелки, которым нет дела до порядков, установленных норманнами, вот и совершают глупости, а потом ищут защиты у лорда Шервуда.

У Марианны невольно защемило сердце при мысли, каким одиноким должен быть Робин, окруженный всеобщим почитанием и такой же всеобщей неприязнью! Простой люд, наслышанный о лорде Шервуда, но не отдававший вольному лесу сыновей, братьев, мужей, восхищался его добротой и отвагой. Те же, кто соприкоснулся с Шервудом так, как родные Дикона, не любили Робина за ту же отвагу и платили ему глухой враждебностью за защиту, которую он предоставил их близким.

– Ты думаешь сейчас о Робине? – догадался Дикон, прервав размышления Марианны, и, помедлив, спросил: – Он нравится тебе?

Подняв голову, Марианна посмотрела на юношу, и он увидел, сколько печали было в ее глазах.

– Робин не может не нравиться, – улыбнувшись, призналась она.

– Да! – Дикон грустно кивнул головой. – Его можно любить или ненавидеть, но он никого не оставляет равнодушным к себе!

– А как к нему относишься ты? – спросила Марианна, внимательно глядя на Дикона.

– Я почитаю его, как нашего лорда, и люблю, как старшего брата, – просто ответил Дикон, – но должен признаться, что в последнее время я стал ему завидовать.

– В чем же? – удивилась Марианна.

– В том, что ты отдала ему свое сердце, – прямо сказал Дикон, глядя ей в глаза, в которых немедленно замерцала сталь.

Раз уж разговор, которого он так ждал, начался, Дикон предпочел не заметить появившуюся в Марианне холодную отчужденность и пошел напролом:

– Скажи правду: это ведь ты была его таинственной подругой, с которой он весной встречался по ночам и прятал ее лицо от всех нас?

Ничего не сказав в ответ, Марианна повела плечами и, выпрямившись, с усмешкой посмотрела на взволнованного Дикона.

– Ну и не говори. Я все равно знаю, что это была ты. Я помню, как ты приехала к нам в Шервуд вместе с Виллом Статли, поговорила с Джоном, и тот увел тебя к Робину. Мы ждали, что вы вместе выйдете в трапезную к ужину и мы сможем тебя разглядеть, но нет! И утром Робина мы видели, а вот ты словно в воздухе растворилась.

– Тогда почему же ты решил, что это была я? – насмешливо спросила Марианна. – Сам же только что признался, что ничего толком не увидел!

– Я узнал тебя по голосу, – спокойно ответил Дикон, – и просто догадался: ты появилась у нас в Шервуде, а таинственная подруга Робина куда-то пропала.

– Совпадение, – сказала Марианна и выразительно зевнула, всем видом показывая Дикону, что не видит смысла ни в его догадках, ни в разговоре вообще.

– Нет, не совпадение! – настаивал Дикон и задумчиво улыбнулся. – Он был очень влюблен в тебя! Мы на него тогда не могли надивиться – настолько он изменился! Каждый вечер он пел нам, а потом уходил на свидания с тобой и пропадал всю ночь до рассвета! Скарлет ворчал, что Робин совсем переложил на него дела Шервуда, а он только смеялся в ответ на упрёки Вилла.

– Пел? – удивилась Марианна.

– О, у него прекрасный голос, и он сам слагает песни, чудесно играет – самые сложные мелодии его пальцам под силу! Да, Марианна, наш лорд может вскружить голову любой женщине! – усмехнулся Дикон, с пониманием глядя на нее. – Но сам он ни к кому не привязывается надолго. Вот и с тобой он расстался! Будь на его месте я, то никогда бы не смог оставить тебя!

И, почти уже признавшись ей в чувствах, Дикон робко взял руку Марианны и поднес ее к своим губам. Она улыбнулась, позволив ему поцеловать ее ладонь, но и только. Высвободив руку, Марианна ласково потрепала Дикона по щеке и поднялась на ноги.

– Хватит об этом, – сказала она и отвернулась от юноши.

Дикон тоже вскочил на ноги, подошел к ней и остался стоять у нее за спиной. Он боялся увидеть лицо Марианны после вопроса, который собирался задать.

– Вы с ним были любовниками?

Он ожидал, что она рассердится, обернется, обожжет его возмущенным взглядом. Но Марианна стояла неподвижно и молчала.

– У тебя нет права задавать мне подобные вопросы, – услышал Дикон, когда уже потерял надежду вообще что-либо услышать в ответ.

– Да, я понимаю, – смущенно произнес он, – но я задал этот вопрос только с одной целью: сказать тебе, что для меня это не имеет значения!

– При чем здесь ты? – спросила Марианна, откровенно давая ему понять, что его чувства к ней безответны и безнадежны.

Но Дикон не понял, что она пытается удержать его от дальнейших признаний и пощадить его самолюбие. Он говорил и говорил, вложив в голос весь жар своего сердца:

– Марианна, разве ты еще не догадалась, что я люблю тебя? Если бы ты осталась прежней богатой и знатной, ты была бы недостижима для меня. Но Шервуд уравнивает всех. Позволь мне открыто любить тебя, заботиться о тебе! Если бы Робин оставался равнодушным к тебе, я бы никогда не осмелился заговорить с тобой о любви!

– А он равнодушен? – тихо спросила Марианна, почувствовав в сердце ноющую боль, которую вызвали слова, так небрежно слетевшие с губ Дикона.

– Я разговаривал с ним о тебе, – сказал Дикон, – но Робин оборвал меня на полуслове и ответил, что я могу искать твоей приязни без его благословения, если будет на то твоя добрая воля. Тебе не надо грустить о нем, Марианна! Робин как-то сказал, что сердце воина должно быть защищено от любви к женщине надежной броней. Никому не под силу заставить его изменить своим принципам, так стоит ли грустить о том, что невозможно?

– Если на то будет моя добрая воля, – повторила Марианна слова Дикона и обернулась к нему. Он стоял перед ней, глядя на Марианну глазами, полными надежды и мольбы, и она глубоко вздохнула, понимая, что сейчас причинит ему боль. – Ее нет, Дикон. Найди себе славную девушку, которая оценит твое доброе сердце и ответит тебе любовью на любовь. А я такой же воин, как и лорд Шервуда. Мое сердце теперь так же защищено от любви, как и его.

Надежда в глазах Дикона сменилась печалью, когда он увидел перед собой воплощенную Морриган. Словно в подтверждение его мыслей, Марианна достала из-за пояса нож и с силой метнула его за плечо Дикона. Он услышал стук и, не зная, куда она метила, по взгляду Марианны понял, что попала она точно в выбранную ею цель.

– Видишь? – Марианна насмешливо приподняла бровь, глядя на Дикона. – И защита мне тоже не нужна!

– Вижу! – с ответной усмешкой согласился Дикон. Теперь он смотрел на Марианну без нежности и печали, а с презрительным удивлением: его уязвленная гордость дала о себе знать. – Вижу, что природа допустила ошибку, наделив тебя такой красотой, но забыв вложить в твое сердце хоть каплю нежности и тепла.

Марианна рассмеялась и, отвернувшись от Дикона, подошла к лошадям и принялась гладить по голове иноходца. Колчан в ответ ласково хватал пальцы хозяйки мягкими губами.

– Я возвращаюсь в лагерь, – услышала Марианна за спиной отчужденный и почти враждебный голос Дикона. – Если тебе не нужна ни любовь, ни защита, оставайся одна!

Он вскочил в седло и уехал. Марианна глубоко вздохнула и прижалась щекой к шее Колчана. Воин потянулся к прежней хозяйке и склонил голову к ее плечу. Колчан недовольно прижал уши к голове, покосившись на Воина, но Марианна, успокаивая верного коня, погладила его, и Колчан с шумным вздохом согласился заключить перемирие с вороным соперником.

Воин, поэт, музыкант, целитель, защитник обездоленных, изгнанник... Кем он был еще? Она не знала. Но прежде всего он был воином, недаром так он назвал своего верного коня. А воин, чтобы оставаться неуязвимым, не должен доверять сердце непостоянным страстям. Марианна вспомнила уверения Джона в том, что Робин любит ее, и усмехнулась. Слова Дикона свидетельствовали об обратном, а Джону на этот раз изменила обычная проникаемость, и он выдал желаемое за действительное. Но почему ее стало волновать то, от чего

она сама отказалась? Еще пару дней назад в ее душе царили мир и спокойствие! А теперь она не может выбросить из головы мысли о лорде Шервуда, словно он стал загадкой, которую ей понадобилось непременно разгадать.

Внезапно Марианна насторожилась, услышав, как доносившееся до нее ровное и мирное гудение ярмарки изменилось. В него ворвались хаотические звуки какой-то суматохи. Оставив лошадей, она выбежала на дорогу и из-под руки пристально вгляделась вдаль. Определенно ярмарку с людьми и прилавками закрутило в беспорядочном и не слишком мирном кружении! Увидев, что ей навстречу мчится повозка, Марианна решительно загородила дорогу и властно вскинула руку. Возчик, натянув вожжи, с трудом осадил взмыленного коня и остановил громыхавшую колымагу.

– Что случилось? Что творится у городских стен?

– Ноттингемская стража столкнулась с вольными стрелками, – с трудом переводя дыхание, ответил возчик. – Ох, там такое началось, что лучше уносить ноги!

Не дослушав его, Марианна бросилась обратно в лес.

На ярмарке царил переполох. Горожане разбегались по сторонам, а стражники разгоняли их ударами, размахивая древками копий. Ратники прокладывали себе дорогу в толпе, сметая на своем пути прилавки, опрокидывая товары на землю под крики и брань торговцев. Несколько поросят, выбравшихся из загона, с пронзительным визгом бросались всем под ноги, внося еще больше хаоса во всеобщее смятение.

Робин и Статли, стоя спиной к спине, отбивались от ратников. Старший из ратников, восседая на лошади, гневно кричал на своих людей:

– Живее, собаки! Вам не под силу одолеть двух разбойников?!

Безжалостными и точными ударами мечей Робин и Статли разогнав ратников, заставив их отступить.

– Бросайте оружие, висельники! – крикнул им командир ратников. – Вам все равно не уйти! Я послал в город за подкреплением!

Скользнув по нему небрежным взглядом, Робин сплюнул набравшуюся в рот пыль.

– Жаль, что с нами нет Вилла! – сказал он вполголоса. – Он смог бы сейчас достойно ответить этому псу!

– Не говори! – отозвался Статли. – Что будем делать?

Робин окинул быстрым взглядом оцепивший их и оцетинившийся мечами круг ратников. Дело принимало серьезный оборот. Если из города спешит еще один отряд стражи, к тому же более многочисленный, чем этот, им вдвоем не удастся прорваться к лесу. Сколько времени у них оставалось? От силы четверть часа, прикинул Робин, мысленно измерив расстояние от городских ворот до ярмарочного поля. И тогда у них остается единственный выход: продать свои жизни как можно дороже. Сдаваться ратникам шерифа не собирались ни Робин, ни Статли: каждого из них ждала в Ноттингеме мучительная и позорная казнь, которой они предпочитали гибель в бою.

Внезапно людскую толчею окатило новой волной криков. Люди, теснившиеся за спинами ратников, резко раздались в стороны, и две лошади, прорвав заслон, оказались рядом с лордом Шервуда и его другом. Вороной Воин, бросаясь на ратников с оскаленной мордой и прижатыми к голове ушами, молотил копытами направо и налево. На Колчане, бросив поводья на холку иноходца, сидела Марианна и разгоняла ратников ударами длинной плети, со свистом рассекавшей воздух. Простая плеть оказалась в ее руках страшным оружием, и ратники роняли мечи, когда на их головы и плечи обрушивались жгучие удары, сбивая шлемы и оставляя глубокие кровавые рубцы.

Схватив за повод вскинувшегося на дыбы Воина, Робин вскочил в седло.

– Вилл, прыгай к Марианне!

Не дожидаясь повторного приказа, Статли взлетел на круп иноходца за спину Марианны. Воин с места сильным и длинным прыжком перелетел через опрокинутый прилавок, разбросав ратников, оказавшихся у него по бокам. Колчан злобно лязгнул зубами над ухом ратника, который попытался схватить его за гриву. Другой ратник вцепился в сапог Марианны и потащил ее из седла, но стрела, выпущенная из лука Робина, тут же вонзилась ему в грудь. Марианна едва не упала, когда осевший, но не расцепивший рук ратник тяжестью своего тела потянул ее за собой. Но Статли успел подхватить ее и, крепко держа перед собой, пришпорил иноходца. Колчан отчаянно рванулся и прорвал заслон ратников вслед за Воином.

Стрелки помчались к лесу.

– Лучники! – завопил старший ратник, видя, что почти пойманная добыча вырвалась из его рук. – Где лучники?!

Но когда был выпущен первый залп, стрелки уже были на недосягаемом для лучников расстоянии. Оказавшись под защитой деревьев, Робин осадил взмыленного Воина.

– Не мешкай, Вилли! – отрывисто бросил он. – Перебирайся на своего коня!

Только когда они далеко углубились в Шервуд, Робин сдержал мчавшегося широким галопом Воина и перевел его на рысь. Дав лошадям отдышаться после бешеной скачки, стрелки спешили. Статли упал на грудь возле маленького родника, бывшего из-под земли, и пил, не в силах утолить жажду, отталкивая голову своего коня.

– Остынь, мальчик! – шептал он. – Остынь, потом я напою тебя!

Марианна с трудом переводила дыхание, приходя в себя и чувствуя, что у нее дрожат колени. Она без сил опустилась на траву, но ее тут же подхватили руки Робина, больно стиснув плечи и рывком подняв на ноги.

– Саксонка! Где ты должна была нас ждать?! – с неподдельным гневом крикнул лорд Шервуда.

Марианна молчала, глядя в его потемневшие от ярости глаза. Статли, услышав гневный окрик Робина, оторвался от родника и с изумлением посмотрел на друга:

– Робин, поблаговари ее! Если бы не Марианна, мы бы сейчас в лучшем случае лежали мертвыми, а в худшем – связанными в темнице шерифа!

Руки Робина ослабли, он отвернулся от Марианны и глубоко вздохнул. Отпустив ее, он склонился над родником и бросил себе в лицо несколько пригоршней студеной как лед воды. Статли, посмотрев ему в спину неодобрительным взглядом, улыбнулся Марианне и, поцеловав ее в щеку, принялся отшагивать коня. Марианна медленно опустилась на колени возле Робина и стала умываться и пить воду. Ее губы мелко задрожали, когда она вспомнила слова Статли о том, что ожидало Робина и его, не успей она к ним на выручку.

– Мэриан! – вдруг услышала она мягкий голос Робина и поднялась на ноги, упорно глядя мимо лорда Шервуда.

Его ладони легли ей на плечи уже с нежностью, а не грубой силой. Она стояла, низко склонив голову и пряча обиженное лицо. Робин улыбнулся, ласково провел кончиками пальцев вдоль ее шеи, потом легонько сжал ладонями ее скулы, заставив Марианну посмотреть ему в глаза.

– Прости меня за то, что накричал на тебя, – тихо сказал он, глядя в ее глаза, огорченные его несправедливым гневом. – Я очень испугался за тебя, когда увидел там, среди ратников. Спасибо тебе, милая!

Он дотронулся губами до ее губ, и Марианна замерла, тесно прильнув к его груди. Прикосновение губ Робина вызвало в ее душе бурю самых смятенных чувств. Но поцелуй был кратким, как поцелуй друга или брата.

– Вилл сейчас сказал правду? – спросила она, глядя Робину в глаза. – Вы не смогли бы спастись?

– Да, он сказал правду, – спокойно ответил Робин и снова улыбнулся, – но спаслись благодаря тебе.

Выпустив Марианну из объятий, Робин велел садиться на коней. Стрелки продолжили путь, ведя лошадей уже неспешной рысью. Некоторое время они ехали в молчании, пока Робин, размышлявший над тем, что произошло, не окликнул Статли:

– Тебе не показалось странным, как быстро ратники шерифа отыскивали нас в толпе? Они шли так уверенно, словно точно знали, где нас искать!

Статли внимательно посмотрел на друга.

– Хочешь сказать, что Джон был прав и мы стали слишком часто встречаться со стражей шерифа?

– Джон и был прав, – ответил Робин, – но теперь я думаю, что это не случайности и не совпадения.

Статли тоже задумался и решительно тряхнул головой:

– Нет, Робин, напрасные подозрения! Сегодня нас мог узнать кто угодно и соблазниться немалым вознаграждением, которое шериф назначил за наши головы!

– Может быть, – задумчиво ответил Робин, но Статли понял, что появившиеся у лорда Шервуда сомнения так и остались при нем.

До самого лагеря Робин больше не проронил ни слова, лишь пригласил Статли поужинать, когда тот уже собирался проститься с друзьями возле развилки двух троп и отправиться в свой лагерь. Статли охотно согласился. Приехав в лагерь, Марианна расседлала Колчана, растерла его пучками травы и отпустила пастись. Наведавшись сначала в купальню, она пошла в свою комнату и, чувствуя себя совершенно разбитой после выдавшегося дня, проспала до самого ужина, пока ее не разбудила Клэрэнс.

К ужину в трапезной собралось около двух десятков стрелков. Робин стоял возле очага, где на вертеле поджаривалась оленья туша, и пересказывал Джону события, произошедшие на ярмарке. Джон слушал и неодобрительно крутил головой. А возле них Марианна увидела незнакомую молодую женщину лет двадцати или немногим старше. Она была изумительно хороша собой. Платье из белого льняного полотна с вышитой каймой по подолу безупречно облегалo ее стройную фигуру, оставляя открытыми шею и руки и позволяя увидеть в вырезе ложбинку высокой груди. Иссиня-черные волосы были заплетены в длинную косу и украшены лазурной шелковой лентой. Яркие алые губы незнакомки в улыбке открывали ровные жемчужно-белые зубы. Большие зеленые глаза, схожие с изумрудами, были опущены длинными черными ресницами. Ее кожа была безупречно белой, на щеках играл ровный румянец. Заметив взгляд Марианны, женщина спросила у Робина, кто это, приветливо улыбнулась Марианне и помахала рукой. Не желая показаться невежливой, Марианна подошла к ней.

– Здравствуйте, леди Марианна! – весело сказала незнакомка. – Меня зовут Мартина. Я премного наслышана о вас и очень рада знакомству с вами!

Марианна ответила такими же любезными словами, умолчав о том, что она о Мартине до сих пор не слышала ни слова и даже не знала о ее существовании. Впрочем, через совсем недолгое время она поняла, что заблуждалась. А пока изумрудные глаза новой знакомой окинули Марианну быстрым взглядом, и в них явственно прочиталось разочарование. Когда Марианна отошла от очага к столу, она услышала, как за ее спиной Мартина вполголоса спросила:

– Робин, неужели это и есть леди Марианна Невилл? Вот уж не понимаю, за что ее все называли Прекрасной!

Марианна не узнала, что Робин сказал бы в ответ: в трапезной появился Вилл, который, тут же заметив Мартину, раскинул руки, словно собирался обнять гостью, но вместо этого пренебрежительно рассмеялся:

– Моя королева! Чему мы обязаны столь высокой честью – принимать тебя в Шервуде?

– Я тоже рада видеть тебя, Вилл, в добром здравии! – ответила Мартина с нескрываемой враждебностью. – Вижу, ты ни капли не изменился, раз с порога осыпал меня насмешками!

– Разве? – и Вилл, сощутив глаза, посмотрел на Мартину безжалостным взглядом. – В чем ты увидела насмешку? Ты ведь все еще носишь траур по горячо любимому тобой супругу. Но твоё платье белого цвета. А белый цвет, как ты знаешь, может быть только королевским трауром!

Что ответила Мартина, Марианна уже не слышала. Ее отвлекла Кэтрин с маленьким мальчиком на руках, который, заливаясь веселым смехом, пытался ухватить Кэтрин за локон, выбившийся из строгой прически.

– Познакомься, Мэриан! Это наш Мартин! – улыбнулась Кэтрин. – Мартин, поздоровайся!

Ребенок посмотрел на Марианну серыми глазами Джона, смущенно уткнулся лицом в плечо Кэтрин и помотал головой.

– Застеснялся! – рассмеялась Кэтрин, отдавая сына Марианне. – Вообще-то он болтает без умолку!

Марианна бережно приняла мальчика из рук матери, и маленький Мартин тут же вцепился в ее светлые короткие пряди.

– Кто это, Кэтти? – негромко спросила Марианна, указывая взглядом в сторону Мартины.

– Жена Мартина, о которой я тебе как-то рассказывала, – ответила вместо Кэтрин Клэрэнс, появившаяся возле Марианны и Кэтрин. – Опять крутится возле Робина! Мало ей сейчас досталось от Вилла!

Марианна внимательнее посмотрела на женщину, о которой Клэрэнс говорила, что она влюблена в Робина. Мартина, действительно, не сводила сияющих глаз с лорда Шервуда, отвечая радостной улыбкой на каждый его взгляд, то и дело дотрагиваясь до его руки. Поцеловав Мартину в лоб, Робин оставил ее в обществе Вилла и подошел к Джону, разливавшему по кубкам вино. Вилл с хмурым видом сказал Мартине что-то так резко, что та перестала улыбаться и смерила его в ответ холодным взглядом.

– Вместо того чтобы носить траур, сидеть дома и молиться за упокой души мужа!.. Как она здесь оказалась? – возмущенно воскликнула Клэрэнс, не понижая голос и не заботясь, услышит ли ее Мартина, что и произошло.

Мартину вовсе не смутило неудовольствие сестры лорда Шервуда, и она спокойно присоединилась к женскому обществу.

– Приехала погостить, если вы не возражаете! – сказала она, присев в легком реверансе, и, глядя на Клэрэнс с веселой усмешкой, пропела: – Давно вас не видела, леди Клэр! Вы расцвели! Точь-в-точь майская роза!

– Да, – подтвердила Клэрэнс, высокомерно поднимая подбородок, – и шипы стали острее.

– Ничуть не сомневаюсь! – рассмеялась Мартина. – Острые шипы – ваша с Виллом семейная особенность!

Гневно фыркнув на то, что ее сравнили с нелюбимым братом, Клэрэнс смерила Мартину ледяным взглядом и ушла прочь, провожаемая смехом гостей.

– Леди Марианна, дайте и мне подержать Мартину! – попросила Мартина и, когда Марианна с молчаливого согласия Кэтрин передала ей ребенка, звонко расцеловала мальчика в румяные щечки. – Вылитый Джон! Кэтти, помнишь, как все испугались, когда у тебя затянулись роды? А теперь вот какой красавец растет!

– Благодаря Робину! – улыбнулась Кэтрин, забирая сына у Мартины. – Если бы не он, то не было бы сейчас ни меня самой, ни этого сорванца!

Заметив удивление в глазах Марианны, Мартина пояснила:

– Когда Кэтрин пришел срок рожать, Эллен уже отчаялась ей помочь: роды были очень тяжелыми. И Джон бросился за помощью к Робину, который был в ту ночь то ли в дозоре, то ли в патруле. Вы разве не знали, что Робин очень искусен в лекарском деле? – отыскав взглядом лорда Шервуда, Мартина улыбнулась гордой и нежной улыбкой. – Кэтрин так стеснялась Робина! Помнишь, ему даже пришлось кричать на тебя, когда ты сбежала и попыталась спрятаться от него в купальне?

Кэтрин и Мартина весело рассмеялись. Ребенок тем временем успел вытащить из кос матери все заколки и с радостным визгом разбросал их вокруг. Хлопая в ладошки, он победителем посмотрел на всех, требуя разделить его восторг.

– Мартин! – только и воскликнула Кэтрин, когда копна каштановых волос укрыла ее до колен. – Джон, поддержи его, пока я приведу себя в порядок!

Мартина, испытующе посмотрев на Марианну, решила поговорить с ней и, взяв под руку, отвела в сторону.

– Леди Марианна, Робин обмолвился, что вы все время вместе со стрелками, а значит, и с ним. Скажите, вы не замечали, есть ли у него сейчас подружка?

– Не приставай с глупостями к Марианне! – возмущенно воскликнула Кэтрин и поспешила к ним, на ходу заплетая косы. Посмотрев на Мартину с негодованием, Кэтрин упрекнула ее: – Как долго это будет продолжаться, Марти? Он уже столько лет не обращает на тебя никакого внимания, а ты все равно тешишь себя надеждами! Вспомни, сколько сил потребовалось Мартину, чтобы остаться другом Робину, когда каждый в селении прожужжал ему все уши о том, что ты украдкой бегаешь за Робинотом?!

– Я никогда и ни за кем не бегала! – гневно ответила Мартина. – И я много раз говорила тебе, Кэtti, что ты суешь нос не в свое дело! Робин неизменно внимателен ко мне, и я не верю, что он смог забыть меня!

– Внимателен? Из вежливости! – фыркнула Кэтрин, бросив украдкой взволнованный взгляд в сторону Марианны, которая, сохраняя на лице выражение полного безразличия, очень внимательно слушала их перепалку. – За все эти годы он ни разу не дал тебе повода подумать, что ты нужна ему. А едва ты пыталась нарушить границу, которую он сам установил, как он тут же ставил тебя на место!

– Ну и что? – рассмеялась Мартина, с оттенком высокомерия глядя на раскрасневшуюся в пылу спора Кэтрин, и поддразнила ее: – Его не так-то просто забыть! Робин – такой великолепный любовник!

– Если вы думаете, что похвалили его, то это не так! – ледяным тоном неожиданно вступила в разговор молчавшая до сих пор Марианна. – Вы оскорбили его, обвинив в том, что Робин забыл о чести, вступив в любовную связь с женой друга!

Ее гневные слова окатили Мартину холодной водой. Она замерла, удивленная надменностью голоса, лица и всего облика Марианны, посмотрела на нее с возмущением и увидела, что глаза Марианны полны негодования и такого гнева, что Мартине стало не по себе. Она поняла, что Марианна действительно возмущена ее легкомысленной болтовней, и поспешила оправдать Робина:

– Я ведь не всегда была замужем, госпожа!

– Еще лучше! – воскликнула Марианна и решила остановиться, пока разговор не дошел до новых оскорблений и открытого столкновения.

Если Мартина и догадалась, что подразумевал возглас Марианны, то не подала и виду. Марианна ей не понравилась так же, как сама Мартина не понравилась Марианне, но Мартина еще не получила ответ на интересовавший ее вопрос. Поэтому она улыбнулась Марианне самой очаровательной улыбкой и кротко сказала, надеясь смягчить воинственную леди:

– Кстати, спешу вам сказать, что вы совершенно покорили Вилла! Ему показалось, что я отозвалась о вас недостаточно лестно, и он так отчитал меня, что я до сих пор не могу прийти в себя, вот и несу чепуху!

Кэтрин, услышав эти слова, даже поперхнулась.

– Марти, если бы ты была лучником, то сегодня все твои стрелы прошли бы мимо цели! – звонко рассмеялась она.

– А я еще и не целилась, – отмахнулась от нее Мартина и просительно заглянула в лицо Марианны: – Вы ведь так и не ответили на мой вопрос!

– Мне нечего ответить. Наш лорд не посвящает меня в свои любовные тайны. Спросите его сами!

И все три женщины разошлись в разные стороны. Кэтрин подошла к Джону, который забавлял сына, высоко подбрасывая его, ловя и качая, как на качелях, отчего Мартин заливался смехом и подпрыгивал на руках отца, требуя продолжать забаву.

– Вот ты зачем придумал позвать ее? – сердитым шепотом спросила Кэтрин мужа. – Еще и часа не прошло, а Клэрэнс уже вне себя, Вилл тоже, а теперь еще и Марианна! Все равно что палкой поворошить в пчелином улье!

– И правильно, – ухмыльнулся Джон, – хватит пчелкам спать – пора за медом, а то умрут во сне голодной смертью! Может, и сама Мартина наконец возьмется за ум!

Кэтрин только всплеснула руками.

После ужина Марианна подошла к Робину, который играл с маленьким Мартином, сидевшим у него на коленях и упорно тянувшимся к ножу за поясом Робина. Мартина, подсев к Робину после ужина, весело болтала с Джоном, невзначай положив пальцы на запястье Робина. Тот не обращал внимания на ее прикосновение или делал вид, что не обращает. Заметив знак Марианны, Робин передал ребенка Джону, встал из-за стола и отошел в сторону вместе с Марианной.

– Мой лорд, я прошу тебя отправить меня сегодня в дозор, – почтительно, но в то же время требовательно сказала Марианна.

Удивленный и неожиданной просьбой, и таким официальным тоном, Робин слегка нахмурился и вопросительно посмотрел на Марианну.

– Но сегодня не твоя очередь, – возразил он. – День выдался нелегким, ночью мы никуда не собираемся, поэтому ты хоть выспишься.

– Пусть не моя! Я прошу тебя! – настаивала Марианна, стараясь не переступить границы почтительной учтивости.

Робин недолго молчал, глядя на Марианну и пытаясь понять, чем вызвано ее внезапное рвение. Он видел, что она устала, знал, что Марианна не слишком любит службу в дозоре, но так и не сумел найти отгадку в ее светлых и непроницаемых сейчас глазах.

– Хорошо, я согласен. Смени Клема, – наконец сказал он и, улыбнувшись, добавил: – Постарайся не уснуть в дозоре!

– Я давно уже... – начала было Марианна, но прикусила язык, поняв, что сейчас она признается в былых прегрешениях и тем самым вынудит лорда Шервуда разобраться в них с обычной для него строгостью.

– Я знаю, – рассмеялся Робин и потрепал ее по плечу.

Он проводил ее взглядом, когда она, взяв оружие, вышла из трапезной в ночную темноту, оседлала коня и уехала. Глубоко вздохнув, Робин вернулся к столу, не присаживаясь, налил в свой кубок вина, осушил его и негромко спросил Вилла:

– Ты сегодня ночуешь в Шервуде?

– Нет, – ответил Вилл и посмотрел на Робина долгим внимательным взглядом. – Хочешь поехать со мной?

Робин кивнул, выбирая из яблок, лежавших горкой на большом блюде, самое спелое.

– Поехали. Мод будет счастлива твоему приезду! Она одолела меня вопросами о тебе.

– Вы опять за свое? – недовольно хмыкнул Джон. – Лучше бы выпались, раз уж выпал редкий случай всем отдохнуть.

Вилл, не поведя и бровью в ответ на упрек, расхохотался и хлопнул Джона по плечу:

– Оставь свои проповеди на утро, Малютка! Твоя бы воля, ты бы весь Шервуд заставил принять постриг.

Хрустя яблоком, Робин пошел к себе, сказав Виллу:

– Я сейчас вернусь, только прихвачу оружие. Оседлай пока лошадей.

– Куда вы собрались? И кто такая Мод? – спросила Мартина, догнав Вилла у дверей трапезной и схватив его за рукав.

Вилл обернулся к ней, увидев в зеленых глазах Мартины волнение, немного щелкнул ее по носу и усмехнулся:

– Мод – красивая и славная женщина. А едем мы в одно местечко, где можно провести ночь за кубком доброго эля в компании славных девушек, не рискуя при этом встретиться с ратниками шерифа или сэра Гая. Ты узнала от меня все, что хотела? Или у тебя еще есть вопросы? – заметив, как у Мартины от гнева участилось дыхание, Вилл сказал, откровенно насмехаясь над ней: – А! Без ответа остался главный вопрос: зачем Робину искать утеху на стороне, если сегодня рядом есть ты – такая красивая и любящая, готовая сама предложить ему себя? Угадал?

– Замолчи, будь так любезен! – задохнулась от возмущения и обиды Мартина и, с силой оттолкнув Вилла, быстро пошла прочь, слыша за спиной его недобрый смешок.

В коридоре она столкнулась с Робинем и посмотрела на него оскорбленным взглядом, который Робин не соизволил заметить. Учтиво пожелав Мартине сладких снов, он прошел мимо нее, не оглянувшись, как она ни ждала, и уехал вместе с братом. В опустевшей трапезной остались только Джон и Кэтрин, которая вернулась к мужу, уложив сына спать.

– Что произошло?! – спросила она, обводя удивленным взглядом пустую трапезную. – Куда все вдруг подевались?

– Кто-то из стрелков отправился в патрулирование, остальные легли спать. Статли развлекает приятной беседой Клэрэнс, бродя где-то неподалеку, Робин и Вилл поехали развлечься, Мартина ушла плакать в подушку, Марианну обуяло ратное рвение, – доложил ей Джон, сопроводив слова широкой улыбкой, и сладко потянулся. – Все идет как по маслу. Полный разброд и смятение! Одна, не в силах разобраться в своей душе, отправилась в дозор, лишь бы оказаться подальше от предмета волнений. А означенный предмет, не в силах разобраться в ее душе, не придумал ничего лучше, чем забыться в объятиях другой женщины. Разброд и смятение! – повторил Джон.

– Уж не ты ли и устроил это смятение? – спросила Кэтрин, подозрительно посмотрев на мужа, который ухмылялся с таким довольством самим собой. – И в чем усмотрел масло, по которому все идет?

– В необходимой толике ревности, – шепнул ей на ухо Джон и ласково усмехнулся. – А мы с тобой с чистым сердцем пойдем спать, малышка. Все что нужно мы сделали, и наши друзья теперь сами наведут порядок в своих делах.

Отправив Клема, обрадованного неожиданной досрочной сменой, отсыпаться, Марианна укрыла Колчана в зарослях орешника и забралась на высокий вяз, на котором был оборудован пост. Устроившись, она воткнула перед собой несколько стрел, чтобы быть наготове, если кто-нибудь посмеет нарушить границы Шервуда, и прислонилась к могучему стволу дерева. Теперь, когда она оказалась далеко от Робина, Марианна попыталась понять, что за такое короткое время разрушило весь покой ее души. Появление в лагере красавицы Мартины стало последней каплей, и Марианна попросту сбежала, лишь бы не видеть, как та льнет к лорду Шервуда. Она уже дала сегодня повод заподозрить себя в ревности, и ей

не хотелось сейчас оказаться рядом с Роббином, чтобы его пронизательный взор прочел ее мысли, так как это случилось днем. Но что ей за дело до Мартины, до других женщин, провожающих лорда Шервуда нежными взглядами! Откуда взялись эти смятение, ревность, волнение?

Не желая видеть истинную причину того, что с ней происходит, Марианна окончательно запуталась в самой себе. И тогда она вспомнила совет Джона. Наверное, он был прав: ей и в самом деле давно пора облегчить душу исповедью. Она не видела отца Тука с весны, не слышала его доброго голоса. А ведь он всегда помогал ей советом, когда она не могла найти выход из лабиринтов собственной души! И Марианна решила утром, как только сменится с дозора, отправиться к духовному отцу.

Глава четвертая

Дождавшись, когда закончится утренняя служба и прихожане покинут не только церковь, но и ее окрестности, Марианна вошла внутрь. Она бесшумно закрыла за собой массивную дверь и неслышными шагами пошла вдоль рядов узких длинных скамей, над которыми струился мягкий приглушенный свет, окрашенный цветными витражами круглых окон под сводами. Отец Тук стоял на коленях перед распятием и был глубоко погружен в молитву. Марианна остановилась в нескольких шагах от него и с улыбкой смотрела на своего духовного отца. Только заведя его крепкую коренастую фигуру, венчик волос вокруг тонзуры, она почувствовала прилив такой радости, что поняла, как сильно соскучилась по отцу Туку.

Она стояла, не желая мешать его молитве, но священник почувствовал постороннее присутствие и, осенив себя крестным знаменем, поднялся с колен и неспешно повернулся.

– Ты кто, парень? – спросил он, с недоумением глядя на стоявшего перед ним стрелка вольного Шервуда. – И почему ты вошел в храм, не обнажив головы?

Марианна в ответ стряхнула капюшон, и отец Тук ахнул, не веря своим глазам:

– Мэриан! Неужели это ты?!

Он схватил ее в объятия, взгляделся в лицо Марианны и, наконец уверившись, что это действительно она, крепко притиснул к своей груди. Потом отстранил, еще раз взгляделся в нее и покачал головой.

– Я уже отчаялся увидеть тебя хоть однажды! Ты совсем забыла своего духовного отца! – укорил он Марианну.

Отец Тук усадил ее на скамью, сел рядом и поцеловал ее в лоб.

– Прежде всего прими, дочь моя, искреннее сочувствие твоей утрате! Сэр Гилберт был честным и благородным человеком. С его смертью не только ты, но все Средние и Северные земли понесли невосполнимую потерю!

– Благодарю вас, святой отец! – ответила Марианна и печально улыбнулась. – А я так до сих пор и не смогла ни разу навестить место его упокоения.

– Живым – живое, дочь моя! Ради твоей же безопасности тебе нельзя появляться во Фледстане! И, кстати, приходить сюда в зеленой куртке было так же опрометчиво: тебя могли заметить!

– Нет, – ответила Марианна с уверенным спокойствием, – я позаботилась, чтобы не заметили.

– Хотел бы я понять, как ты позаботилась! – хмыкнул отец Тук, глядя, как она снимает с себя и складывает на скамью свое оружие.

– Даже представить не могу, о чем вы сейчас подумали! – рассмеялась Марианна. – Просто не вышла к церкви, пока не убедилась, что все ваши прихожане разошлись и разъехались!

Придерживая ее за плечи, отец Тук внимательно и долго рассматривал Марианну. От его взгляда не ускользнули ни ее усталое лицо, ни короткие волосы – он не знал, что на самом деле они уже изрядно отросли! Потом он перевел взгляд на серебряный знак вольного Шервуда на рукаве ее куртки, на два ножа, оставшиеся за поясом Марианны, колчан с луком и стрелами и меч, убранный в ножны, но положенный рядом так, чтобы в любой момент можно было ухватить рукоять и стряхнуть ножны. По нахмурившемуся лицу священника Марианна поняла, что ему не понравилось то, что он увидел.

Так и оказалось – когда он заговорил, его голос был сдержанным и недовольным:

– Ты изменилась. Сильно изменилась, дочь моя, и не могу признаться в том, чтобы эти перемены были мне по сердцу. Как же мне теперь называть тебя? Леди Невилл, прекрасная Марианна или... Саксонка?

– Определенно не леди Невилл, раз мои владения перешли под опеку Роджера Лончема. Когда люди узнают, кто я, они не скрывают удивления, почему меня называли Прекрасной. Поэтому зовите меня Саксонкой, святой отец. Так меня называет весь Шервуд, – усмехнулась Марианна и, когда отец Тук пристально посмотрел на нее, ответила ему спокойным прямым взглядом.

– Значит, все, что я слышал о тебе, правда? – еще больше нахмурился отец Тук.

– Я ведь не знаю, что вам говорили! – пожала плечами Марианна.

– Говорили, что ты участвуешь в нападениях на сборщиков податей, в схватках с ноттингемскими ратниками наравне с Аланом э'Дэйлом и Виллом Статли, Малюткой Джоном и Виллом Скарлетом, наравне с самим Робинот! – и он вопросительно посмотрел на Марианну так, словно ждал, что она опровергнет его слова.

Но она лишь рассмеялась в ответ.

– Все правильно! И вот этими самыми руками перегружаю содержимое мешков сборщиков в наши седельные сумки, – она вскинула перед лицом отца Тука руки и указала глазами на меч. – И ими же обтираю кровь с этого клинка.

– И, насколько я вижу, весьма довольна собой! – тем же тоном подхватил отец Тук, кивая головой, и, посмотрев в безмятежные глаза Марианны, резко спросил: – Как прикажешь понимать тебя?

– Согласно собственным утверждениям, – с усмешкой ответила Марианна. – Вы же сами зимой говорили мне, что саксы нашего края видят во мне символ свободной прежней Англии. Если вся прежняя Англия вынуждена искать убежище в лесах, где же быть мне, если не в Шервуде?

– Я говорил с тобой о многом, – сурово сказал отец Тук, – о любви и нежности, о красоте и гордости, но не помню, чтобы я хоть слово сказал тебе об оружии! Что же ты молчишь?

– Мне нечего сказать! – и Марианна развела руками. – Времена, когда вы напутствовали меня словами: «Ступай, о грехах я тебя не спрашиваю, я знаю, что твоя душа чиста», – те времена прошли. Сейчас моя душа, увы, обременена грехами, святой отец. Я изменилась и в этом.

Отец Тук долго молчал, поджимая губы, а Марианна сидела рядом, ощущая, как от священника идут прямо-таки потоки неодобрения.

– Если бы я не знал тебя раньше, то сейчас выгнал бы, дочь моя! – наконец сказал отец Тук. – Не знаю, в чем еще ты грешна, но твоя гордыня для меня очевидна. А как тебя называет Робин? – помедлив, спросил он.

– Так же, как и все, – Саксонкой, – ответила Марианна, отражая взволнованный взгляд священника невозмутимым взглядом.

– Ничего не понимаю! – пробормотал отец Тук. – Я ждал вас обоих в первый день мая, чтобы наконец обвенчать вас! Но вы не приехали, и только Робин прислал ко мне Эллен предупредить, что венчания не будет. Почему? Я спрашивал его потом, но он ничего мне не ответил. Может быть, ты скажешь?

– Здесь нет никакой тайны. Мы расторгли помолвку в тот день, когда вы нас ждали, вот и все.

– Вот и все! – повторил следом за ней Тук и покрутил головой так, словно отгонял наваждение. – Вот и все, говорит мне та, которая ради своей любви была готова сокрушить стены собственного замка, если они встанут у нее на пути!

– Любовь! – Марианна усмехнулась. – А она только и может цвести за стенами замка, которые прячут ее от жестокой действительности.

Она смолкла, и отец Тук напрасно ждал от нее пояснений. Она лишь, высоко подняв голову, разглядывала узоры на витраже, а священник смотрел на нее с горьким изумлением. Так и не дождавшись от Марианны ни слова, он тяжело поднялся со скамьи и, подойдя к статуе Святой Девы, долго стоял перед ней, погружившись в мрачные размышления.

– Ты помнишь, как я был против ваших встреч! – услышала Марианна его задумчивый голос. – А помнишь ли ты тот день, когда вы пришли ко мне? Когда вы при мне дали друг другу слово? Оба в цветах, и он не мог отвести от тебя глаз, а ты смотрела на него с такой любовью, что я даже почувствовал щемящую зависть к вам обоим! Помнишь?

– Помню, – ответила Марианна, и на нее вдруг нахлынули воспоминания.

Как они были счастливы в тот день! Если бы они только знали, чем он закончится!

– Глядя на вас, я впервые подумал, что именно вы были правы в неудержимом стремлении друг к другу, а не я, пытавшийся вас отговорить. Я смотрел на вас и видел перед собой двух ангелов, окруженных сиянием дарованной им Любви! Этим ангелам не было дела до пропасти, которая их разделяла, до чьего-либо осуждения, до самой Смерти! Сила любви и веры друг в друга наделила вас крыльями, которые вознесли вас высоко над этой грешной землей, над ее суетой и жестокостью!

Отец Тук стремительно обернулся к Марианне и воскликнул с огромной душевной мукой:

– Но ангелов искупали в крови – чужой или собственной, не знаю! Знаю лишь, что ваши крылья пропитались этой кровью и отяжелели так, что больше не смогли поднять вас в небо. И вы оба превратились в скалящих клыки волков. Ты, во всяком случае, точно превратилась! И кому же вы принесли пользу таким превращением? Только своим врагам, но не себе. Ох, старый я дурень! Мне надо было обвенчать вас тогда, как он и просил, а не проповедовать вам о благоразумии!

– Ангелы, волки, любовь! – губы Марианны покривились в невеселой улыбке. – Оказывается, вы в душе поэт, святой отец. Но о каких ангелах вы сейчас толкуете? Да видели бы вы, как в битве ненависть искажает лицо Робина или Джона? А Вилл Скарлет? Никто в Шервуде не жалуется ратников шерифа или Гая Гисборна, но так, как Вилл, – тоже никто.

Отец Тук тяжело вздохнул.

– Вилл! А что ты знаешь о нем? Когда сэр Гай велел поджечь Локсли, ратники шерифа забавы ради заперли в горящем доме жену Вилла вместе с сыном и грудной дочерью. Только мальчику каким-то чудом удалось спастись из огня. У Вилла до сих пор не отходит сердце.

Марианна молчала. Она действительно не знала этого и никогда не догадывалась о том, что таили янтарные глаза Вилла, всегда непроницаемые для чужого любопытства. Сейчас она искренно пожалела о многих, если не обо всех, резких словах, когда-либо сказанных ею Виллу.

– А помнишь тот день, когда ты приехала ко мне и встретила здесь Робина? – продолжал о своем отец Тук.

Марианна устало вздохнула и, встретив требовательный взгляд священника, согласно кивнула. В тот день они впервые признались друг другу в любви и тоже были счастливы. Сколько счастья осталось у нее в прежней жизни! Она думала, что все забыла, а на самом деле просто запретила себе вспоминать. Сейчас же отец Тук отомкнул все замки, которые она сама навесила в своей душе, и Марианна почувствовала острую боль в сердце.

– Помнишь... Но кое-чего ты не знаешь. В тот день он приехал ко мне, чтобы уговорить меня помочь ему встретиться с тобой. Я отказался наотрез, и тогда он предложил мне рассказать, как я себе представляю твою жизнь без него. Все, что я ему рассказывал, мне самому казалось сухим и пресным, а он слушал и только улыбался, понимая, что я сам не в силах себя убедить, что ты будешь счастлива не с ним, а без него. И когда я иссяк в своих вымыслах, он сказал мне, что все, что он от меня услышал, есть искушение мирской суетой,

а то, чего хотите вы оба, божественный дар. Я спросил его, что вы станете делать, когда новизна пройдет и ваша страсть уляжется. Он ответил, что тоже задавал себе этот вопрос и нашел ответ в том, что любовь – это не только страсть, а нечто гораздо большее. Что же до новизны, сказал он, то вам всей жизни не хватит узнать друг друга до конца. Я спросил его, уверен ли он в тебе так же, как уверился в себе. Он ответил: да, я в ней уверен. И в этот момент в дверях появилась ты.

Марианна, изнемогая от усиливавшейся сердечной боли, закрыла лицо ладонями.

– К чему все это? – глухо спросила она.

– К тому, что он ошибся в тебе, – безжалостно ответил отец Тук, глядя на Марианну взглядом, в котором угадывалось презрение. – Мы оба ошиблись в тебе! Он – в том, что поверил в твою любовь, а я – в том, что вообще считал тебя способной любить. А ты... Ты просто забавлялась, Марианна, как теперь забавляешься опасной жизнью и оружием. С собой ты могла располагать как тебе угодно, но как же ты посмела играть с чужим сердцем, да еще его сердцем?! Ведь я просил тебя оставить его и не причинять ему страданий!

Марианна молчала, не убирая ладоней от лица, и презрение отца Тука сменилось обидной снисходительной жалостью.

– Вот, собственно, и вся отгадка, почему все закончилось так печально, – вздохнул он. – Ты просто не любила его.

Не в силах больше терпеть упреки, Марианна вскинула голову и посмотрела отцу Туку в лицо яростными сухими глазами:

– Любила! Любила, как и говорила вам тогда, больше жизни, больше всего на свете! Но мы не могли остаться вместе после того, что случилось!

Из отца Тука испарился весь гнев, он внимательно посмотрел на Марианну, лицо которой искажилось от горя и боли, и снова сел рядом с ней. Взяв ее руки в свои ладони, он тихо спросил:

– Ты приехала ко мне, чтобы исповедоваться?

Она судорожно кивнула.

– Тогда начинай, – и видя, что она собирается со словами и мыслями, сказал, чтобы помочь ей: – Начни с самого тяжелого для тебя.

И Марианна все ему рассказала, начиная с той минуты, когда она вернулась во Флед-стан, и закончив обещанием, которое дала Робину после того, как он вытащил ее из омута. Слушая ее исповедь, отец Тук даже почернел.

– Теперь расскажи мне про тот день, когда вы не приехали ко мне венчаться. Расскажи, почему ты стала вольным стрелком. Рассказывай, дочь моя!

Когда долгая исповедь Марианны закончилась, священник долго молчал, закрыв глаза. Из-под его сомкнутых век текли слезы. Марианна же сидела рядом с совершенно сухими глазами, глядя перед собой.

– Мне казалось, что я уже изучил всю грязную изнанку жизни, – наконец глухим голосом сказал отец Тук, – но только казалось! Подобная подлость не могла бы прийти мне в голову! Что это – страшное совпадение или чей-то замысел? Даже сэр Гай с его коварным умом едва ли мог сплести такую паучью сеть! Как бы я не предостерегал тебя от него, все равно знал то, о чем знали все: ты была его единственной отрадой! И все же нападение на твоего отца обустроили так, чтобы в нем могли обвинить именно вольных стрелков. Не знаю, что и думать!

Отец Тук поднял голову, вытер мокрое лицо рукавом и, сокрушенно качая головой, посмотрел на Марианну.

– Ох, дочь моя! В любом случае вы с Робинем только помогли вашим врагам довести свою месть до конца тем, что расстались. Тебя я не могу винить: ты была в полном отчаянии. Но для Робина не сумеешь удержать тебя непростительно!

Марианна, нахмутив брови, посмотрела на священника, и тот понял, что у нее что-то еще осталось на душе недосказанное.

– Говори, – тихо велел отец Тук.

– Я была уверена, что во мне все чувства умерли, – тихо сказала Марианна. – И вдруг совсем недавно я заметила, что мне небезразлично, как он меня называет – по имени или Саксонкой, о чем говорит со мной. Даже то, как он смотрит на других женщин! – Марианна неуверенно пожала плечами. – Святой отец, я не люблю его, но ревную. Что со мной?

– А что с тобой? – передразнил ее отец Тук и по-отечески погладил по руке. – Ох, глупая девочка! Конечно, ты любишь, потому и ревнуешь. Пробыв рядом с ним в Шервуде столько месяцев, ты не могла не узнать его совсем с иной стороны, чем знала раньше! И если узнала, значит, полюбила его еще сильнее.

Правда, которую она сама от себя тщательно прятала, наконец открылась ей устами отца Тука! Тяжелый вздох вырвался из самой глубины души Марианны.

– Дочь моя, пусть тебя утешит то, что твоя душа, пройдя через страдания, все равно осталась светлой. Именем Господа нашего я отпускаю твои грехи, даже грех покушения на самоубийство, – сказал отец Тук, встал и возложил ладони ей на голову.

– И не наложите на меня никакого наказания? – слабо улыбнулась Марианна, когда священник, закончив читать разрешительную молитву, благословил ее.

– Ты его уже получила, – ответил отец Тук и, когда Марианна удивленно посмотрела на него, сказал: – Ты должна была поверить Робину, когда он пытался убедить тебя, что сумеет исцелить твои незримые, но глубокие раны, поверить, что им руководила любовь к тебе, а не долг или жалость. Но ты не поверила, и теперь Господь может послать тебе чувство безответной любви. Это так больно, Марианна, что другого наказания уже и не надо! Робин тоже не безгрешен. Он чрезмерно горд и может остаться глух к твоему раскаянию.

Заметив, каким протестом вспыхнул ее взгляд, отец Тук удрученно покачал головой и обнял Марианну.

– И ты горда ничуть не меньше, и не придешь к нему, предпочтя вручить свою судьбу воле случая. Что же мне с вами делать? Даже если бы случилось чудо и он вдруг пришел сейчас сюда, не волочь же мне вас к алтарю насильно!

Едва он произнес эти слова, как двери широко распахнулись, и отец Тук с Марианной на миг ослепли от дневного света, ворвавшегося в полумрак церкви.

– Приветствую тебя, святой отец! – воскликнул один из вошедших. – Мы пришли к тебе за очередным отпущением грехов!

– Скарлет, придержи свой язык хотя бы в Божьем храме! – в сердцах ответил отец Тук. – Здравствуй, Робин! И ты, Вилл!

Обменявшись рукопожатием с отцом Туком, лорд Шервуда, Скарлет и Статли расположились на скамье по соседству с Марианной.

– Ты давно уже не навещал нас, святой отец, – улыбнулся Робин и провел ладонью по волосам, стряхивая дождевые капли. – Вот мы и решили сами навестить к тебе в гости.

– Скажи лучше – переждать у меня дождь, который, судя по вашему виду, застал вас врасплох! – проворчал отец Тук, но, сдавшись перед улыбкой лорда Шервуда, улыбнулся в ответ.

– Если Саксонке позволено прятаться у тебя от дождя, то почему это запрещено нам? – ухмыльнулся Вилл.

– Кстати, Саксонка, а что ты здесь делаешь после ночи, проведенной в дозоре? – спросил Робин, посмотрев на Марианну.

– Она была на исповеди, – ответил за нее отец Тук.

– А! – насмешливо протянул Вилл. – Так ты теперь, святой отец, отпускаешь грехи, нежно прижимая кающегося грешника к своей широкой груди?

– Тебя я прижимать к груди не стану, – в сердцах отрезал священник, – ибо ты, сын мой, даже исповедуясь, никогда не можешь сдержать свою язвительность!

Вилл рассмеялся и протянул ему руку:

– Помиримся, святой отец!

Отец Тук, сердито буркнув, оттолкнул руку Вилла, потом принес большой кувшин с вином и пять кубков, которые расставил прямо на скамье.

– Ах, святой отец! – раздался с порога нежный укоризненный голос. – Пить вино прямо в церкви! А как же ваши обеты воздержания?

– Не верю своим глазам! – обернувшись к дверям, радостно воскликнул отец Тук и поставил обратно кубок, который было поднес к губам. – Наверное, сегодня какой-то праздник, о котором я, грешный, забыл, если даже малышка Кэтрин и Джон решили навестить меня!

Кэтрин, смеясь, сбросила с головы промокший капюшон и подставила священнику лоб для поцелуя.

– Джон искал Робина. Мы увидели его вороного возле храма и зашли.

– Значит, все дело кроется, как всегда, в Робине? – притворно возмутился отец Тук. – Впрочем, я не обидчив! Пойду принесу еще один кувшин да пару кубков для вас!

– Святой отец! Вы действительно собираетесь угощать нас вином в церкви? Что подумает Создатель?

– Не кори меня, дочь моя! Считаю, что мы причащаемся, – пробормотал отец Тук, наполняя кубок и подавая его Джону. – А Создатель знает меня от рождения, поэтому едва ли он удивится.

– Отец Тук! – непритворно возмутилась Кэтрин. – Хотела бы я понять, почему, как только вы оказываетесь среди этих безбожников, вам на язык начинают проситься одни богохульства?!

– Ты кого назвала безбожниками, жена? – с напускной грозностью спросил Джон, принимая кубок и поднося его к губам. – В том числе и меня, своего мужа, которого должна почитать? Или моих друзей, которых ты обязана чтить из уважения ко мне?

Хоть отповедь Джона и была шутиливой, но на хорошеньком личике Кэтрин появилось виноватое выражение, заметив которое, Джон рассмеялся и поцеловал жену в щеку.

– Отменное вино, святой отец! – заметил Статли.

– Да, вино хорошее, – подтвердил Робин и, посмотрев на Кэтрин, улыбнулся одними глазами. – А если бы его разлила красивая девица и сама поднесла кубок отцу Туку, вот бы ты удивилась, Кэтти, как быстро наш святой отец обрел бы мирскую личину и стал таким же, как мы!

Отец Тук поперхнулся вином, услышав подобный отзыв о своей добродетели от самого лорда Шервуда. Грозно выпрямившись, он уперся кулаками в бока и смерил Робина многообещающим взглядом.

– Это ты верно подметил, сын мой! Нынче стало трудно отличить духовное лицо от мирянина и наоборот! Тут обо мне столько наговорили, да еще в присутствии моих духовных дочерей, что я просто вынужден в свое оправдание рассказать поучительную историю. Помолчите, дети мои, и вы узнаете, как на прошлой неделе епископ Гесберт совершил подобную ошибку!

Робин, покусывая губы, чтобы скрыть улыбку, склонил голову, пряча глаза, полные золотых искрящихся смешинок. Отец Тук заново наполнил опустевшие кубки и повел свой рассказ:

– Случилось так, что ясным летним утром, не предвещавшим ни беды, ни ненастья, епископ Гесберт тихо и мирно следовал из Кирклейского аббатства в свою резиденцию. Так как путь его лежал через Шервуд, он оделся простым монахом и взял с собой только одного

служку, полагая, что многочисленная свита и пышное облачение привлекут ненужное внимание к его скромной персоне. Зная, как распоясались шервудские разбойники в отсутствие Гая Гисборна в Ноттингемшире, епископ решил, что от охраны толку не будет, а два бедных монаха – незавидная добыча.

– Наивный, но, в общем, правильный расчет, – заметил Вилл. – Если бы я узнал, что через Шервуд движется большой отряд церковников и ратников шерифа, то не удержался бы и устроил им встречу. Забавно смотреть, как разбегаются и те и другие, а потом плутают в лесу в поисках дороги и друг друга!

– О наконец-то! – воскликнул отец Тук. – А то я уже начал беспокоиться, здоров ли ты, что так долго молчишь! Обычно твой язык работает с резвостью веретена! Не стану вступаться за ратников – тебе виднее! Но что до трусости церковников, то ты просто еще не встречался со служителями воинствующей церкви! Да возьми хотя бы меня! Помнишь, как получил дубиной по голове?

– Еще бы! – усмехнулся Вилл, невольно погладив себя по затылку. – Хотя как раз тогда у меня были самые мирные намерения!

– Ну, извини меня еще раз! – развел руками отец Тук. – Надо было сказать о них, а ты сразу потянулся за оружием.

– Это у Вилла в привычке, – рассмеялся Робин, – если бы его намерения не были мирными, мы бы с вами сейчас и не беседовали, святой отец.

– Я ведь не был знаком с твоим братцем, чтобы разбираться в тонкостях его повадок! – сварливо ответил отец Тук.

– А что было дальше? С епископом? – напомнила ему Кэтрин.

– На чем этот негодник прервал меня? – наморщил лоб отец Тук. – Ах да! Так вот, наши герои без приключений проехали половину лесной дороги, обрадовались и понадеялись, что и другая половина окажется такой же безмятежной, но вдруг... – отец Тук, как заправский рассказчик, помолчал, обводя всех взглядом, и убедившись, что слушатели полны внимания, продолжил таинственным голосом: – ...вдруг им навстречу из леса выходит еще один монах. Он взял их лошадей под уздцы и сказал: «Благочестивые братья, проявите милосердие к брату во Христе! У меня нет ни пенни, а со вчерашнего утра в моем рту не было даже маковой росинки!» Неразумным путникам поделиться бы с ним припасами, но они пожадничали и стали объяснять, что и они не прочь закусить хотя бы этой маковой росинкой, да только не знают, где ее взять! А денег у них нет, и, хотя их сердца разрываются от жалости к бедному брату во Христе, пусть бедный брат смиренно убирается прочь. Монах выслушал их и сильно удивился. «Как же так? – сказал он – Значит, мы все трое бедны? Тогда давайте помолимся Святой Деве и попросим ее послать нам монет штук так... шестьсот!» Путники, понятное дело, заупрямили и даже попытались ударить своего брата во Христе. Да только он возьми и сними капюшон.

Отец Тук покосился на Робина, который слушал рассказ, посмеиваясь уголком рта.

– Судите сами, насколько ваш лорд похож на смиренного монаха, но только епископ и его служка увидели, кто стоит перед ними, как их обуял невиданный приступ благочестия. Не заставляя себя упрашивать, они слезли с лошадей и преклонили колени прямо посреди дороги. Помолились, похлопали себя по бокам – и что вы думаете? У двоих под одеждой что-то зазвенело! Ваш лорд и говорит им: «Видно, вы и впрямь молились от души. А я, должно быть, слишком грешен, вот Дева Мария и обошла меня в своей милости». Вытряхнул он из них деньги, они втроем пересчитали монеты, и оказалось, что Святая Дева все-таки прислушалась к молитве грешного просителя, послав безгрешным ровно шестьсот серебряных монет – ни одной монетой меньше! Они разделили серебро на три равные части, а потом ваш лорд предложил произвести окончательный расчет. По пятьдесят монет с каждого за безопасный проезд по Шервуду да еще столько же за обман. Они ему говорят: «Разбойник!..

То есть добрый наш брат, мы же и так отдали тебе двести монет! Зачем же ты еще обираешь нас?» А он им отвечает: «Двести монет – моя заслуженная доля за участие в нашей молитве. Кто знает, если бы не я, может, Святая Дева не расщедрилась бы настолько, послав вам на двести серебряных шиллингов меньше!»

Стрелки и Марианна от души расхохотались, и только Кэтрин укоризненно посмотрела на Робина и неодобрительно покачала головой.

– Робин, все так и было? – смеясь, спросил Статли.

– Нет, конечно, – ответил лорд Шервуда, – как всегда, приукрасили. Сам подумай, зачем мне устраивать балаган с молитвой посреди дороги? Поговорили, рассчитались и разъехались каждый в свою сторону. Правда лишь в том, что епископ действительно пытался одурачить нас, одевшись простым монахом. Я, чтобы он не бросился наутек, поступил так же. Ну и количество монет называют правильное.

– Но ты-то как угадал, сколько епископ вез с собой серебра? – продолжал выпрашивать Робина Статли.

– Да он просто знал заранее, что епископ везет с собой десятину, собранную монастырями! – с досадой ответила за Робина Кэтрин.

Робин с улыбкой обнял ее за плечи и, несмотря на сопротивление Кэтрин, привлек ее к себе.

– Моя милая богобоязненная Кэтти! – вздохнул он. – А что ты скажешь, если узнаешь, кто снабдил меня монашеской рясой, которая и отвела поначалу глаза епископу Гесберту?

Вилл, откинув голову, расхохотался и прищелкнул пальцами:

– А вот теперь, святой отец, ты не отговоришься! Значит, и тебя разбирает азарт если и не самому принять участие в наших делах, то хотя бы посодействовать им!

– Нет, Робин, ты подумай, какая подлая клевета! – возмутился отец Тук. – Стоит мне выпить кружку эля, сказать любезное слово привлекательной женщине, при этом – заметь! – исключительно из вежливости, и помочь тебе досадить епископу Гесберту, которого я сам терпеть не могу, как подобные твоему брату спешат назвать меня... даже не знаю, кем именно!

– Уточнить, святой отец? – предложил ему Вилл с невероятной любезностью.

– Лучше скажите мне, во что Робину обошлась встреча с епископом? – поинтересовался Джон, который до сих пор не проронил ни слова, пока отец Тук веселил остальных своим рассказом.

Священник резко повернулся к Джону и, указав на него рукой, торжественно провозгласил:

– Вот! Джон – самый благоразумный и рассудительный из всех вас! Он сразу понял, что подобная шалость не может остаться безнаказанной! После жалобы епископа наш милостивый шериф повысил награду за лорда Шервуда – живого или мертвого – до тысячи марок золотом!

Вилл протяжно свистнул.

– Братец, еще немного, и ты у нас будешь стоять целое состояние!

– Тебя, Вилл, тоже можно отдавать в заклад вместо королевской казны! – хмыкнул Джон.

Робин проглотил остававшееся в кубке вино и поднялся со скамьи.

– Зачем я понадобился тебе, Джон?

Его ставший серьезным голос прекратил шутки и смех.

– С тобой ищет встречи одна женщина, – ответил Джон. – Я оставил ее под приглядом Клема возле нашего дуба, где мы ее и повстречали. У нее стряслась какая-то беда, которой, по ее словам, можешь помочь только ты.

– Почему же ты сразу не сказал?! – рассердился Робин.

– Так отец Тук не дал слова молвить, пока не закончил очередную байку про тебя! – невозмутимо ответил Джон.

Стрелки, Кэтрин и Марианна простились с отцом Туком, и вскоре их небольшой отряд во весь опор мчался через лес.

Возле большого старого дуба – излюбленного места сбора вольных стрелков – стоял Клем, от скуки играя охотничьим ножом. На его плаще, разостланном поверх мокрой после дождя травы, сидела немолодая женщина. При виде появившихся из леса всадников Клем приветственно поднял руку, а женщина степенно поднялась. От ее стройной фигуры, небогатого, но очень опрятного наряда и строгого лица веяло суровостью. Она смотрела на спешивавшихся всадников без тени испуга или волнения. Обернувшись к Клему, она вполголоса спросила, кто из них лорд Шервуда, и Клем указал ей на Робина. Женщина подошла к Робину и склонила голову в поклоне, полном достоинства.

– Кто ты, почтенная женщина, и зачем искала встречи со мной? – спросил Робин.

Высоко вскинув голову, она твердо выдержала его внимательный взгляд и негромко ответила:

– Меня зовут Элизабет, лорд Робин, я живу в Руффорде. А искала я тебя потому, что мне нужна твоя помощь.

– Что же произошло, почтенная Элизабет, что только я в силах помочь тебе? – осведомился Робин, сдвинув брови и сложив руки на груди.

– Я вдова, после смерти мужа у меня остались два сына – моя гордость и утешение. И вот сэр Рейнольд приказал своим ратникам схватить моих сыновей и доставить их в Ноттингем на суд к нему, – сказала Элизабет, и в ее строгих глазах промелькнуло отчаяние, которое она пыталась скрывать. – Их увезут, и я больше никогда не увижу своих мальчиков! Шериф приговорит их к смерти. Никто, кроме тебя, лорд Робин, не может спасти их! Помогите мне, и я буду до конца своих дней молиться за тебя небесам, потому что больше мне нечем отблагодарить тебя!

Она взяла руку Робина и с мольбой прижала ее к своей груди, глядя на него глазами, полными слез.

– В чем провинились твои сыновья? – спросил Статли.

Горе Элизабет на миг уступило место гневу и возмущению. Она обернулась к Статли и обожгла его негодующим взглядом.

– В чем провинились?! В том, что они охотились в этом лесу вместе с тобой, Уильям Статли! Я говорила им, чтобы они не смели водить дружбу ни с кем из Шервуда! Но разве они послушают? В Шервуде, видите ли, можно свободно дышать, там не надо кланяться баронам, терпеть от них обиды! Да, мы в Руффорде стали жить много хуже с тех пор, как погиб наш господин Гилберт Невилл, а его дочь затерялась где-то среди вас.

Вилл усмехнулся и выразительно посмотрел на Марианну. Та молча слушала рассказ Элизабет, ничем не выдавая себя. Когда взгляд женщины скользнул по лицу Марианны, стало понятно, что Элизабет не узнала в стройном юноше ту, о которой только что говорила.

– Роджер Лончем – плохой господин, но что мы можем сделать? – продолжала она. – Только надеяться на возвращение лорда Реджинальда, который вернет себе владения отца. А до тех пор приходится терпеть. Но молодежь и так нетерпелива, а тут еще Шервуд под боком! Молодые смотрят на вас, восхищаются и пытаются вам подражать, и вот вы здесь в лесу в безопасности, а их ждет виселица!

– Конечно в безопасности! – не удержался Статли, которого задел упреки Элизабет. – Мы ведь с самых пеленок в этом лесу! И шериф – наш лучший друг, только и ждет, когда мы наконец возьмемся за ум!

– Перестань, – тихо сказал Вилл, кладя руку ему на плечо.

– Лесничий видел вас вместе, – сникнув, горько вздохнула Элизабет, – но с тобой, Статли, он не захотел встречаться, побоялся и спрятался в кустах, а потом побежал доносить! За убитого оленя им отрубили бы по правой руке, но они остались бы в живых! А вот за дружбу с тобой их повесят. Помоги мне, лорд Робин! Если ты не спасешь их от виселицы, значит, никто не спасет! Пусть они будут вне закона здесь, в Шервуде, только бы остались живы!

Робин высвободил руку из горячих пальцев Элизабет и сказал:

– Успокойся и расскажи, где были ратники шерифа, когда ты ушла из Руффорда в Шервуд, и сколько их?

– Я ушла затемно, до рассвета. Ратники – их было два с половиной десятка – еще спали. Но бейлиф, добрый человек, – храни его Святая Дева! – сказал мне, что к полудню они отправятся в Ноттингем, – ответила Элизабет, и ее мысли вновь вернулись к сыновьям: – И ведь если бы они повиновались ратникам, может быть, сэр Рейнолд и помиловал бы их! Так нет же! Они схватились за ножи, стали сопротивляться!

Она обессиленно покачала головой и поднесла к глазам ладонь, пытаясь скрыть подступившие слезы.

– Мать, ты воспитала смелых сыновей, – улыбнулся ей Робин, – так стоит ли плакать из-за того, чем надо гордиться? Еще не поздно исправить дело. Возвращайся в Руффорд и жди, ни о чем не тревожась. Твои сыновья сами дадут о себе знать.

Элизабет заглянула в глаза лорда Шервуда и, встретив в них понимание и сочувствие, уверилась в обещании, данном Робин, а его властный и вместе с тем теплый голос ее успокоил. Привстав на носки, она поцеловала Робина в лоб и перекрестила его:

– Храни тебя Бог за доброе сердце, мой лорд! Да сопутствует тебе удача во всем! И передай нашей леди, что мы в Руффорде все молимся за нее.

– Она слышит сейчас твои слова, – ответил Робин и указал удивленной Элизабет на Марианну.

Глаза Элизабет широко распахнулись, когда она наконец узнала в одном из стрелков Марианну.

– Госпожа! – воскликнула она и, упав перед Марианной на колени, прижалась губами к ее руке. – Слава Богу, вы живы, наша добрая, милая леди!

Марианна поспешно подняла женщину с колен, укоризненно посмотрев на Робина. Он ответил ей бесстрастным взглядом, а Джон, стоя рядом с ним, довольно ухмыльнулся. Он-то заметил то, что Марианна видеть не могла: стрелки за ее спиной выразительно переглянулись – горячие слова любви простой женщины много сказали в пользу Марианны.

– Кэтти, дружок, твой супруг понадобится мне, – между тем распорядился Робин, – так что возвращайся домой, но сначала проводи почтенную Элизабет до дороги в Руффорд.

– Хорошо, Робин! – откликнулась Кэтрин, забираясь на лошадь.

– Клем, одолжи своего коня нашей гостье, – приказал Робин и посмотрел на Кэтрин: – Только, Кэтти, ради всего святого не попадитесь на глаза тем, кто вас не должен видеть!

Кэтрин рассмеялась и шлепнула коня ладонью по крупу. В сердце маленькой хрупкой женщины таилось гораздо больше мужества, чем можно было предположить по ее нежному облику. Элизабет с помощью Клема забралась на лошадь, подарив на прощание и лорду Шервуда, и Марианне взгляд, полный материнской любви и заботы.

– Что ты задумал, Робин? – спросил Статли, когда Кэтрин и Элизабет скрылись в лесу.

– Наша ловчая сеть в исправности? – не отвечая ему, Робин обернулся к Джону.

– Решил поохотиться? – хмыкнул Джон. – А как ты заманишь ратников шерифа к Большим Букам? Они с пленниками, рисковать не станут.

– Это мое дело, – ответил Робин, – а вы тем временем отправляйтесь туда. Надо разделить ратников на несколько отрядов. Саксонка, поезжай в лагерь Статли, найди Алана и

передай ему, чтобы он с десятком стрелков поспешил к Букам. Как только ратники минуют буковую рощу и отважатся забраться в лес, их надо увлечь как можно дальше в Шервуд. Их дальнейшая участь – на усмотрение Алана. Тебе все ясно?

– Да! – сказала Марианна.

– Отлично! После того как передашь Алану мое поручение, возвращайся домой.

Робин подошел к Воину, тщательно проверил надежность подпруги и легко запрыгнул в седло.

– Как ты думаешь, Джон, рискнут ли ноттингемские ратники ради того, чтобы привезти на суд шерифа еще одного пленника и заработать тысячу золотых марок? – спросил Робин, разбирая поводья.

Заметив, как брови Джона взлетели вверх, Робин расхохотался и пришпорил вороного.

– Ну что за безрассудство! – пробормотал Джон, глядя вслед лорду Шервуда.

Робин, словно услышав его упрек, ответил лихим свистом и исчез в лесу.

– Мешкать нечего! – заторопился Джон, делая знак стрелкам садиться на лошадей. – До Больших Буков еще надо успеть добраться и все приготовить к встрече ратников! Клем, садись за спину Статли! Мэриан, лети стрелой к Алану!

Марианна вскочила на иноходца и помчалась в обратную сторону от тропинки, по которой поехали остальные стрелки. Легконогий Колчан быстро привез ее в лагерь Статли, где Марианну встретил Алан. Она передала ему приказ лорда Шервуда и, нерешительно помедлив, вспомнив слова, сказанные ей Робинотом, все же поехала в сторону буковой рощи. Понимая, что она сейчас совершает недопустимое нарушение дисциплины, Марианна не могла заставить себя вернуться домой и там гадать, чем закончилось дело, зная, что Робин пошел на очень большой риск ради освобождения сыновей Элизабет из Руффорта.

В буковой роще, куда она приехала, царили сумрак и абсолютная тишина. Могучие вековые деревья заслоняли кронами небо. Здесь даже траве не хватало солнечного света, и землю устилал плотный ковер прошлогодней листвы, укрывавший вспучившие почву корни. Иноходец перешел на шаг. Сухие листья громко шуршали под его копытами. Марианна в нерешительности остановила коня и негромко свистнула. Не успела она опомниться, как сильные руки подхватили ее, сорвали с лошади и втащили на толстую ветвь огромного раскидистого дерева.

– Тихо! Чего ты свистишь соловьем на весь Шервуд?! Лучше свисти своему иноходцу, чтобы он убрался подальше! – встретило ее наверху рассерженное шипение Вилла.

Колчан словно услышал его пожелание и рысью убежал вглубь леса. Марианна высвободилась из рук Вилла и оглянулась по сторонам. Выше нее и Вилла на толстом суку прилежал Клем. Вилл отпустил руку Марианны и вытянулся на корявой мощной ветви. С земли стрелков было невозможно заметить в густой листве, с которой сливались их зеленые куртки. Марианна, осторожно придерживаясь за руку Вилла, устроилась рядом с ним.

– Вилл, а где Джон и Статли? – спросила она шепотом.

– Джон? – сверху раздался приглушенный смешок Клема. – Джон забрался на самую верхушку дерева. Если он не удержится и свалится ратникам на головы, то все наши заботы закончатся!

– Помолчи, Клем! – оборвал его Вилл. – Как бы тебе самому не свалиться от собственного остроумия! – Он бросил хмурый взгляд на Марианну и ответил ей: – Джон и Статли тоже здесь. Напомни-ка, где должна быть ты? Что-то я позабыл!

– А Робин? – с тревогой спросила Марианна, оставив без ответа вопрос Вилла.

– Его-то и ждем! – сказал Вилл. – Как бы сэр Рейнолд сегодня действительно не получил в подарок вместе с этими парнями и нашего лорда!

– Робин! – негромко воскликнул Клем и, стукнув Вилла стрелой по плечу, указал на тропинку.

В просвете между деревьями показался Робин. Взмыленный Воин мчался так, словно за ним гналась стая волков. Не осаживая коня, когда Воин поравнялся с буком, на котором укрылись Вилл, Клем и Марианна, Робин ухватился за толстый сук и легко вскинул себя на дерево. Через мгновение он уже был рядом с Виллом.

– Все готово? – спросил он.

– Да, не волнуйся, – ответил Вилл, чьи глаза сразу смягчились, и посмотрел на алую ссадину, протянувшуюся поперек правой щеки Робина: – Ты не смог обойтись без приключений?!

Робин, не сводя глаз с тропинки, провел ладонью по ссадине и небрежно махнул рукой:

– Ерунда! Все получилось славно! Они погнались за мной, как свора гончих за зайцем. Сейчас увидишь!

Он резко оглянулся, услышав за спиной шорох, и увидел Марианну. Его глаза вспыхнули гневом.

– Что ты здесь делаешь?! – шепотом прорычал Робин.

– Тихо! – перебил его Вилл и предупреждающе вскинул руку.

Послышался стук копыт. Клем достал из-за пояса нож и замер, выжидая знака Робина. Из леса на полном скаку вылетел отряд ноттингемских ратников. Осадив разгоряченных лошадей, они сгруппировались вокруг командира, к седлу которого на длинных веревках были привязаны два пленника. Всю дорогу они бежали за лошадью, а если не успевали и падали, всадник волочил их за собой: одежда пленников была изорвана и пропитана грязью.

– Он не мог далеко уйти! Его лошадь устала! – услышали стрелки возбужденный голос командира ратников. – Лью, возьми пять человек и поезжай по тропинке налево! А ты, Джек, направо! Встретимся на дороге возле Трента.

– А что делать с арестованными?

– Они останутся со мной, – отрывисто сказал старший ратник. – Вперед, парни, и помните, что у нас будет столько денег, сколько вам и не снилось, если мы схватим лорда Шервуда!

– Да они тебя узнали! – удивился Вилл, прислушиваясь к разговору стражников.

– Уж я постарался! – ухмыльнулся Робин.

Ратники разделились на три отряда, два из которых скрылись в лесу. Когда оставшиеся ратники – меньше десятка – поравнялись с буком, Робин прошептал:

– Клем, подай сигнал!

Над чащей разнесся зловещий крик ворона, который тут же был подхвачен с другого бука. Командир ратников осадил коня и с тревогой прислушался. Клем со всей силы ударил ножом по веревке, которой был обмотан ствол дерева. Раздался глухой нарастающий шум, и сверху на всадников обрушилась огромная и тяжелая веревочная сеть. Она накрыла ратников вместе с лошадьми и пленниками. Любое движение запутывало их в сети еще больше, и через несколько минут ратники оказались внутри огромного кокона причудливых очертаний.

С дерева, стоявшего напротив, прыгнули Джон и Статли. Робин оттолкнулся рукой от сука, на котором лежал, прыгнул вниз, поймал Марианну и, достав из ножен меч, оттолкнул ее под защиту необхватного бука.

– Стой здесь и не смей даже шевелиться! – бросил он ей сквозь зубы.

Стрелки окружили копошившихся под сетью ратников, которые осыпали проклятиями лорда Шервуда.

– Выдайте нам пленников и останетесь в живых! – громко сказал Робин.

На него обрушился новый шквал брани. Робин поднял руку, и по его знаку стрелки вскинули луки.

– Подождите! – раздался приглушенный сетью голос старшего ратника.

Сеть заколыхалась, заходила волнами, из-под ее края показались две взлохмаченные головы. Джон перерубил клинком веревки, которыми были связаны пленники, и помог им подняться на ноги. Тем временем Клем выгонял из леса лошадей стрелков. Одного из пленников взял себе за спину Скарлет, второго – Статли.

– Ладно, Шервудский Волк! Ты еще попадешься нам в руки! – раздался из-под сети возглас, полный бессильного гнева.

– Нам разрубить сеть? – только и спросил лорд Шервуда, но под сетью сразу прекратилось всякое движение, словно под ней никого и не было. Робин жестко усмехнулся: – Помните свое место, псы!

Сев на лошадей, стрелки скрылись в лесу. Миновав второе кольцо дозоров, они встретили Алана с десятком стрелков. Те возбужденно переговаривались, и их глаза еще блестели охотничьим азартом. Робин сделал знак спешиться, спрыгнул с коня и подошел к Алану.

– Ни один не ушел! – ответил на его безмолвный вопрос Алан, улыбаясь жестокой улыбкой, и вытер о траву окровавленный клинок. – А как у вас?

– У нас была другая цель, – ответил Робин и указал ему взглядом на пленников ноттингемских ратников.

Посмотрев на них, Алан радостно заулыбался:

– Томми, Уот! Так это из-за вас был такой переполох на весь Шервуд?!

– Да уж! Устроили они хлопот своей матушке, а она нам! Придите в себя, мальчики! – проворчал Джон, протягивая им флягу с элем.

– Лорд Робин! – восхищенно воскликнул один из братьев, не сводя с Робина восторженных глаз. – Мы просто обомлели со страху, когда твой вороной споткнулся и упал вместе с тобой прямо под ноги ратникам! Ну, думаем, пропал лорд Робин!

– Смотри ты! – покачал головой Вилл. – В вашем-то положении да бояться за других! Что будем с ними делать, Робин?

Робин, покусывая сорванную травинку, окинул братьев быстрым внимательным взглядом. Младшему было около двадцати лет, старшему – больше на год-два. Оба стройные, ясноглазые, с одинаковыми шапками светло-русых волос. Недавнее печальное происшествие уже не сказывалось на их настроении. Лишь порванная в клочья одежда и кровоподтеки на лицах напоминали о суровом нраве ратников шерифа.

– Что с ними делать! – вздохнул Робин и посмотрел на Статли: – Раз ты приглашал их на охоту, вот теперь и заботиться о них.

Когда стрелки вернулись в лагерь, Робин спрыгнул с коня и бросил через плечо Марианне:

– Я жду тебя в своей комнате.

Расседлав иноходца, Марианна медленно прошла через трапезную в коридор. Она не сомневалась в том, что Робин не намерен легко простить ей проявленное непослушание, и невольно робела, вспоминая, каким гневом загорелись его глаза, когда он обнаружил ее рядом с Виллом и Клемом. Тяжело вздохнув, она толкнула ставшую вдруг тяжелой дверь и вошла в комнату лорда Шервуда.

Робин, уже освободившись от оружия и скинув куртку, сидел за столом и пил молоко из высокого серебряного кубка. Он молча смотрел на Марианну, когда она, закрыв дверь, встала перед ним. Не предложив ей сесть, Робин продолжал пить молоко маленькими глотками и недобрым взглядом рассматривал замершую перед ним Марианну.

– Что мне с тобой делать? – неожиданно спросил он, глядя на Марианну так, словно действительно ждал от нее совета.

Марианна подняла взгляд и заметила гневные искорки в прищуренных глазах Робина. Допив молоко, он поднялся, подошел к Марианне, остановившись прямо перед ней, и сло-

жил руки на груди. Она почувствовала, что он рассержен всерьез и с трудом удерживается от резких слов.

– Я приказал тебе возвращаться домой. Почему ты решила поступить иначе?

Марианна еле слышно вздохнула и, встретившись с ним глазами, решила, что лучше не придумывать оправданий, а сказать все как есть.

– Мне очень хотелось посмотреть, как все произойдет.

Увидев, как высоко взлетела бровь Робина, она сама поняла, что названная причина свидетельствовала о недопустимом легкомыслии и неосмотрительности.

– То есть я отдал тебе при всех приказ, а ты также прилюдно выказала мне неповиновение из любопытства, желая узнать, что будет? – отчетливо проговорил Робин, не спуская с виноватого лица Марианны холодного взгляда, и, усмехнувшись, пообещал: – Узнаешь, и очень скоро!

– О Робин! – догадавшись, чем он сейчас пригрозил, но все еще не веря в серьезность его угрозы, прошептала Марианна и подняла на него глаза, полные смятения. – Неужели ты и вправду...

– О Марианна! – передразнил ее Робин. – Что заставляет тебя сомневаться? Ты была предупреждена – и не однажды! – чем заканчивается нарушение моих приказов! Так что ступай к стрелкам и поищи желающего подставить за тебя свою спину под плеть, которую ты сегодня заслужила.

Марианна тяжело вздохнула, но вдруг глаза ее сузились и впились в Робина. Ни вины, ни раскаяния во взгляде Марианны больше не было. Шагнув к Робину, удивленному такой внезапной переменой, Марианна совершенно бесцеремонно отвела в сторону ворот его рубашки и посмотрела ему в лицо с нескрываемым гневом. Не сказав ни слова, не спросив разрешения уйти, она стремительно вышла из комнаты, громко хлопнув дверью. Робин внимательно посмотрел на себя и увидел на груди след, оставленный страстным поцелуем минувшей ночью. Сначала он нахмурился от досады, но через мгновение беззвучно рассмеялся. Услышав приближающиеся к двери летящие легкие шаги, он тут же вернул лицу серьезное выражение и, сложив руки на груди, стал ждать продолжения.

Оно не замедлило последовать. Дверь распахнулась, и Марианна, влетев в комнату, подошла к Робину и протянула ему свернутую плеть.

– Держи! Ничью спину вместо своей я искать не буду! Здесь или перед лагерем, чтобы все видели, чем чревато ослушание тебя?

Глаза Робина потемнели от гнева. Выхватив из рук Марианны плеть, он швырнул ее в сторону и схватил Марианну за плечи.

– Ты в своем уме?! Как ты посмела думать, что я ударю тебя или позволю сделать это кому-либо?!

– Что за игры в благородство?! – с не меньшим гневом воскликнула Марианна. – Тебе же хватило стыда провести эту ночь с женой погибшего друга?! А я, наивная, вчера распекла ее за то, что она усомнилась в твоей чести! Оказывается, напрасно: ты не имеешь о чести ни малейшего представления!

– Что ты сказала? – очень тихо спросил Робин, не сводя с Марианны ледяных глаз. – Ну-ка, повтори!

Она попыталась вырваться, но он с силой прижал ее спиной к стене так, что она не могла даже пошевелиться.

– Повтори, – снова предложил он, глядя на нее с нескрываемой угрозой. – Ты только что отказала мне в самом представлении о чести. Я не ослышался?

Марианна попыталась всем телом сдвинуть его с места, но оказалась еще теснее зажатой между ним и стеной. Настолько тесно, что грудью почувствовала биение его сердца. Судорожно вздохнув, она заглянула Робину в глаза и попросила:

– Отпусти меня! Пожалуйста! Забудь то, что я сказала.

– Отпустить? Сначала ты оскорбляешь меня, а потом просишь отпустить тебя и забыть то, в чем ты меня обвинила? – он холодно улыбнулся. – Нет. Сначала ответишь за оскорбление. Будь ты мужчиной, я бы потребовал твоей крови. Но поскольку ты женщина, то плата с тебя будет соразмерной.

Глядя в ее ставшие испуганными глаза, Робин обхватил ладонью ее подбородок и внезапно прильнул губами к ее губам. Марианна от неожиданности вскрикнула, попыталась вырваться, но безуспешно.

– Пожалуйста, не надо! – прошептала она, но тем самым лишь приоткрыла губы его губам.

Он не замедлил воспользоваться ее оплошностью, закрыв ей рот глубоким поцелуем. Протестуя против собственной беспомощности, Марианна вдруг почувствовала, что губы Робина стали ласковыми, как когда-то прежде. И так же, как раньше, он осыпал ее губы крохотными, невесомыми поцелуями, которые слились в новый долгий поцелуй. Ее голова закружилась, она забыла обо всем и ответила ему тоже с прежней нежностью и лаской. Она не заметила сама, как прижалась к груди Робина, как сомкнула руки у него на шее, как погрузила пальцы в его темные мягкие волосы. Лишь бы он целовал и целовал ее!

Но поцелую все-таки пришлось оборваться, и Марианна, в глазах которой еще не развеялся дурман, увидела совсем близко глаза Робина – ясные, очень внимательные, ничуть не затуманенные страстью. Она мгновенно пришла в себя и поняла, что он давно перестал удерживать ее, а вот она, напротив, тесно прильнула к нему.

– Тебе по-прежнему нравятся мои поцелуи? – тихо спросил Робин, и уголки его рта дрогнули в едва заметной улыбке.

Марианна отпрянула и вскинула руку, намереваясь дать ему пощечину, но Робин перехватил ее за запястье и, не отводя пронизанных смешинками глаз, поцеловал ее ладонь с изысканной любезностью.

– Леди, я восхищен пылкостью, с которой вы мне отвечали! – сказал он, уже не скрывая улыбки, в которой она угадала его обычную уверенность победителя.

Возмущенно фыркнув, она попыталась вырвать руку, но он не выпустил.

– Разве мы не в расчете за оскорбление, которое я тебе нанесла? – осведомилась Марианна.

– В полном расчете, моя леди! – подтвердил Робин и, заметив в ее глазах гнев, разжал пальцы, сомкнувшиеся вокруг ее запястья.

Она отскочила от него, а он, забавляясь переполнявшим ее возмущением, радушно указал рукой на кувшин, что стоял на столе.

– Можешь швырнуть им в стену, – предложил Робин, – раньше тебе это помогало!

Марианна в ответ дернула плечом и хотела уйти, но Робин остановил ее:

– Сначала пригладь волосы. И не забудь свою плетть.

Пока она приводила себя в порядок и оглядывалась по углам, отыскивая заброшенную Робинот плетть, он снова наполнил кубок молоком и пил его, неотступно наблюдая за Марианной.

– Так это ты из-за Мартины вчера отправилась в дозор? – неожиданно спросил он и, когда Марианна в ответ сверкнула разъяренными глазами, сказал: – Мэриан, если тебя это беспокоит, то я не спал с Мартиной. Я уехал из лагеря сразу после того, как уехала ты.

– Избавь меня от подробностей! – гневно воскликнула Марианна, в упор посмотрев на Робина. – Мне нет дела до того, где и с кем ты спишь! Мне это совершенно безразлично!

– Это очевидно, – усмехнулся Робин, – твоё безразличие просто бросается в глаза!

Фыркнув, как разъяренная кошка, она наконец отыскала плетть, подняла ее и пошла к двери. Слова Робина застали Марианну на пороге.

– Три дня ты безвыездно проведешь в лагере. Это тебе в наказание за нарушение моего приказа, – сказал он уже привычным для нее спокойным и властным голосом и, когда она обернулась, предупредил: – Не вздумай ослушаться вновь! Раньше я только пугал тебя карой, понимая, что никогда не отправлю под плети. Но теперь я знаю, как обойдусь с тобой, если ты... – и он опять улыбнулся.

Она смерила его сердитым взглядом, пытаясь найти достойный ответ, но Робин, глядя ей в глаза, улыбнулся знакомой Марианне чувственной улыбкой. Его взгляд неспешно заскользил по ней, лаская ее с головы до ног. Вспыхнув румянцем, Марианна поспешила убраться из его комнаты, слыша за спиной негромкий смех Робина.

Глава пятая

Солнце еще и наполовину не поднялось из-за леса, когда Алан э'Дэйл примчался на взмыленной лошади в лагерь лорда Шервуда. Робин в сопровождении своих стрелков только что вернулся с ночного патрулирования лесных дорог. Расседланные кони стояли возле коновязи, утоляя голод размоченным дробленным овсом. Алан спрыгнул с лошади и, оставив ее на попечение Бранда, торопливо прошел в трапезную.

– О! Привет, Ирландец! – устало поприветствовал его Вилл, окинул Алана быстрым взглядом и усмехнулся: – Ну и вид у тебя! Словно ты за ночь измерил длину всех дорог графства!

Ален, поморщившись, провел ладонью по щеке, собирая белесую дорожную пыль.

– Где Статли?!

Вилл кивком указал Алану в сторону очага. Там, с явным удовольствием смакуя вино, стоял с кубком в руке Статли, разговаривая с Робинем. Лорд Шервуда отстегивал от пояса ножны с тяжелым мечом и от усталости едва слушал, что говорит ему друг. К Статли и бросился Алан.

– Вилли, наконец-то! Здравствуй, Робин! Вилл, я обыскался вас! Все в Шервуде вас видели, только никто не мог сказать, куда вы потом отправились!

– Хочешь вина? – спросил Статли, заметив, что Алан сильно взволнован, и, осушив кубок, снова наполнил его вином и протянул Алану.

Алан нетерпеливо отвел его руку, увлек Статли в сторону и стал ему что-то рассказывать – горячо и торопливо, постоянно оглядываясь на двери трапезной. Пока Алан говорил, Статли, который внимательно слушал друга, нахмурился и помрачнел. Ему передалось волнение Алана, и он, сам того не заметив, выпил вино из кубка, так и оставшегося в его руке. Когда Алан смолк и вопросительно посмотрел на Статли, тот тяжело вздохнул и ободряюще потрепал друга по плечу, раздумывая над его рассказом. Тем временем Робин умылся, взял с плеча Кэтрин полотенце и, вытираясь, подошел к Алану и Статли.

– Что случилось, Алан? – спросил он, отбрасывая со лба мокрые волосы. – На тебе лица нет.

– Видишь ли, тут такое дело – его невеста сегодня идет под венец с другим, – ответил за Алана Статли.

– Вот оно что! – протянул Робин и, посмотрев на хмурого Алана, сказал: – Прими мои соболезнования.

– Провались ты со своими соболезнованиями! – вспыхив, огрызнулся Алан.

– Ты не так понял, Робин, – поторопился объяснить Статли. – Это не ее решение, ее насильно выдают замуж.

– Тогда не злись, Алан, – спокойно сказал Робин, устремив на менестреля Шервуда властный взгляд. – Объясни все толком.

– Прости, Робин, – устало вздохнул Алан и несильно сжал руку Робина в знак извинения за вспыльчивость. – Я сам узнал об этом только вчера. Она приглянулась одному из вассалов Брайана де Бэллона, он отвалил кучу денег брату Элис, и тот со спокойной совестью отдает сестру замуж за старика, которому этой осенью будет пятьдесят восемь лет!

– Ого! – раздался скептический возглас Вилла, подошедшего к Робину и вставшего у него за спиной. – Такому впору идти в церковь за исповедью перед близким концом, а не вести к алтарю юную невесту!

– Алан, ведь у тебя в запасе была целая ночь! – с досадой воскликнул Статли.

Алан невесело рассмеялся: по его усталому виду было ясно, что он провел всю ночь на ногах и в седле и друг напрасно упрекнул его в бездействии. Рыжие волосы менестреля вольных стрелков взмокли от пота, и даже веснушки пропали с побледневшего лица.

– Ты думаешь, я сидел сложа руки? – с горькой язвительностью осведомился Алан. – Мне удалось увидаться с Элис, и я уговорил ее бежать. Но ее брат подслушал нас и сумел помешать. Оказывается, он заранее заручился помощью и в его доме было с десятков ратников из ноттингемской стражи. Он пригрозил мне, что позовет их, если я не уберусь. И Элис отказалась пойти со мной, испугавшись, что брат исполнит угрозу. А на рассвете ее увезли в дом жениха, и она едва успела передать мне через свою кормилицу, что венчание состоится в полдень.

– Где? – спросил Робин.

– В соборе Святого Георгия. Туда приедет сам епископ Гесберт, чтобы лично совершить обряд бракосочетания.

– Плохо! – нахмурился Джон, давно уже стоявший за спиной Статли. – От собора Святого Георгия до Ноттингема рукой подать!

– Фу, напугал, медведь! – воскликнул Статли, схватившись рукой за сердце. – Такой здоровенный, а ходит тише муравья!

Джон довольно ухмыльнулся и перевел вопросительный взгляд на Робина, который, склонив голову, раздумывал, как помочь Алану. Почувствовав на себе взгляд Джона, он поднял голову и улыбнулся.

– Ничего, Джон, – сказал Робин и несильно хлопнул друга по плечу, – как-нибудь справимся. Покровитель Англии не выдаст своих верных воинов! Алан, дружище, не вешай нос: до полудня еще много времени!

– Вот-вот! – рассмеялся Хьюберт, сидевший за столом и ловко вертевший в руках длинный нож. – Он до полудня успеет еще сотню раз передумать, и тебе, Робин, придется объясняться с его невестой, когда мы прогоним одного жениха, но не сможем догнать второго.

Стрелки грянули хохотом. Даже Алан повеселел и улыбнулся.

– Не передумаю! – заверил он друзей, обведя их заблестевшими глазами, в которых засветилась надежда.

– А кто твоя невеста? – с любопытством спросил Вилл. – Элис из Хантингстоуна? А, помню, черноглазая плутовка, такая же рыжая, как ты сам!

– Кстати, премиленькая девица, – отозвался Хьюберт, – только рука у нее больно тяжелая. Помню, как она мне влепила пощечину год назад.

– А ты бы больше хватал ее! – посоветовал ему Робин, затаив в глазах смешливые искорки, когда Алан гневно посмотрел в сторону Хьюберта.

– Алан, ты же вздыхал по ней полтора года! – с искренним удивлением воскликнул Джон. – И за все это время не нашел ни одного дня, чтобы отвести девчонку в церковь?

– Ты думаешь, это так просто? – фыркнул Алан. – Рука-то у нее и впрямь тяжелая! Одно утешение: раз она была так щедра на пощечины мне, хотя влюбилась с первого взгляда, как сама вчера в этом призналась, то и другим от нее достанется, если они позволяют себе вольности.

– Видно, ты был не слишком красноречив, если сумел сговориться с ней только тогда, когда ей стал угрожать брак со стариком, – посмеиваясь, поддел его Робин.

– Тебе твои чары тоже иногда изменяют! – не остался в долгу вернувший себе былой задор Алан. – Где твоя таинственная красавица? Мы все весной думали, что дело идет к свадьбе! И чем все закончилось?

– Разлукой, – негромко ответил Робин и, не дав никому времени углубиться в обсуждение уже его сердечных дел, принялся отдавать приказания: – Хьюберт, Дикон, Бранд, отправляйтесь по Шервуду и объявляйте сбор стрелков, кроме дозорных и занятых в патрулях.

Пусть подтягиваются к собору Святого Георгия, чтобы быть там не позже, чем за четверть часа до полудня. Кэтти, на тебе праздничный стол. Все женщины в твоём подчинении. Саксонку оставим дома – пусть отсыпается.

– Пожалуйста, нет, – сказала Марианна. – Мой лорд, я прошу у тебя позволения поехать сейчас со всеми!

Робин внимательно посмотрел на нее. Прошло две недели с тех пор, как она после трех дней заточения в лагере вернулась к ратным делам. Робин постоянно наблюдал за ней, ожидая, что последует за вспышкой ярости, причиной которой послужила ревность. Но ожидание оказалось напрасным. Марианна замкнулась в себе, не искала общества Робина, и, встречаясь с ней взглядом, он подмечал в ее глазах непроницаемость и безразличие. Сейчас она впервые сама заговорила с ним – до этого дня они разговаривали, только если он обращался к ней.

– Ты ведь устала, – сказал Робин и провел ладонью по ее плечу.

Она невольно подалась вслед за движением его руки, и Робин незаметно вздохнул с облегчением. Ее безразличие не было искренним или хотя бы полным.

– Устала не больше, чем ты и другие, – ответила Марианна, замерев, когда поняла, что его прикосновение отозвалось в ней забытым теплом.

– Хорошо, – согласился Робин, нехотя убрав руку с ее плеча, и посмотрел на друзей: – Что ж, ребята, выпаться нам не удастся, зато попируем за свадебным столом! К собору Святого Георгия!

К полудню в соборе собралось много народа посмотреть на богатую свадьбу. Под сводами стоял несмолкаемый гул: все вполголоса переговаривались, обсуждая жениха и невесту, неприветливость которой к будущему супругу была замечена всеми. Кто-то недвусмысленно предсказал судьбу этого брака, вызвав сальной шуткой одобрительные смешки. Невеста, наряженная в роскошное платье, постоянно пыталась отвернуться от жениха. Но высокий, богато одетый мужчина средних лет, ее брат, то и дело сердито дергал ее за руку, и тогда девушка оборачивалась к жениху и одаряла его таким ненавидящим взглядом, что тот невольно отступал на пару шагов. Все было готово к венчанию, и ждали епископа, который менял дорожный наряд на парадное облачение.

– Ах ты курочка! – нараспев проговорила одна из женщин, с сочувствием глядя на юную невесту и не смущаясь, что ее слова могут быть услышаны. – Есть ли совесть у твоей родни? Отдать такую молоденькую девчонку такому старому пню!

Ее бесстрашие осталось безнаказанным: жених не расслышал и половины слов. Потоптавшись, он, подслеповато щурясь, оглядел ту, что посочувствовала невесте, и пробормотал:

– Плутовка!

– Чего тебе, трухлявая коряга? – не растерялась женщина под одобрительный смех.

Старик в растерянности махнул рукой и посмотрел на невесту. Довольная улыбка появилась на его губах, а глаза, подернутые сетью красных прожилок, заблестели маслянистым блеском. Элис нельзя было назвать совершенной красавицей, но отвести от нее глаза было невозможно. Ее кожа была гладкой как шелк и белой как молоко. Алые губы нежны, стан тонок, словно ствол молодой яблоньки, а грудь высока и упруга. От всего ее облика веяло очарованием юности, пленявшим всех мужчин в соборе. Ее большие темные, почти черные глаза были схожи с глазами лани. Огненно-рыжие волосы тяжелым плащом осыпали ее плечи, грудь и спину. Но она была очень печальна. Ее заплаканные глаза беспомощно скользили взглядом по собору, искали, но не находили того, кого искали.

Голоса смолкли: раздавая благословения, в собор вошел в сопровождении служек епископ Гесберт. Он благосклонно улыбнулся жениху и брату невесты и, оглядев Элис, одобрительно кивнул головой. Едва он подошел к алтарю, как за его спиной раздался оглушительный всплеск голосов, вынудивший епископа обернуться.

В собор стремительно вошли пять вооруженных стрелков. Зеленый цвет их курток и серебряные знаки на рукавах не оставляли сомнений в том, что вновь прибывшие гости принадлежат к вольному воинству Шервуда. Встретившись взглядом с синими глазами самого лорда Шервуда, епископ невольно почувствовал страх.

Робин сбросил с головы капюшон и бесцеремонным взглядом окинул собравшихся.

– Успели! – удовлетворенно сказал он.

Элис, узнав среди стрелков Алана, радостно ахнула и бросилась к нему, вырвав руку из руки растерявшегося брата. Алан заключил девушку в объятия и крепко прижал к груди.

– Немедленно вернись к жениху, Элис! – грозно крикнул опомнившийся епископ и бросил разъяренный взгляд на лорда Шервуда. – Сейчас здесь должно начаться венчание! Имей уважение хотя бы к святым обрядам, разбойник! Неужели ты осмелишься помешать мне?

– Именно! – ответил Робин и обворожительно улыбнулся епископу. – Но вы, милорд, не беспокойтесь за свою драгоценную особу. Ведь вы уже уплатили мне налог в этом году, а я милостив к исправным плательщикам!

– Зачем же ты явился, проклятый безбожник?!

– Затем чтобы, как всегда, восстановить справедливость. Подумайте сами, милорд епископ! Юную красивую девушку собираются насильно выдать замуж за старика. А у меня для нее есть молодой и пригожий парень, за которого Элис пойдет охотно и по доброй воле. Ты выйдешь замуж за Алана, Элис?

Смеющимися глазами Робин посмотрел на прильнувшую к Алану девушку.

– Спрашиваете, лорд Робин! – с радостной улыбкой немедленно отозвалась Элис.

– Оставь чужую невесту, безродный ирландский пес! – прошипел брат Элис, с ненавистью глядя на Алана, но тот, обретя уверенность, лишь беззаботно повел плечом.

– Почему же чужую? – насмешливо спросил он. – Ведь тебе известно, что Элис любит меня и мы с ней дали друг другу слово!

– И куда вас приведет это слово?! – с бешенством в голосе осведомился брат Элис. – Девчонка еще молода и глупа, но ты-то должен понимать, что рано или поздно окажешься на виселице!

– Прикуси свой поганый язык! – зло сверкнула глазами Элис, крепко сжимая руку Алана. – Не то я заставлю тебя пожалеть о твоих словах, братец!

– Прекратите перебранку – вы в соборе, а не на ярмарке! – повысил голос Робин и обратился к епископу: – Итак, милорд, мы заберем Элис с собой и заодно избавим этого почтенного старца, – и Робин указал подбородком на испуганного жениха, – от излишних хлопот: следить за молодой женой. Ты согласен со мной?

Робин посмотрел на жениха, который то доставал из ножен кинжал, то прятал его обратно. Поймав пристальный взгляд лорда Шервуда, старик решительно убрал кинжал и даже передвинул ножны подальше от руки.

– Полностью согласен, досточтимый лорд разбойник! – поспешно заявил незадачливый жених под общий громкий хохот. – Твой друг и Элис любят друг друга, и если бы я знал об этом раньше, то ни в коем случае не посватался бы к ней. Пусть они будут счастливы!

– Как вы его напугали! – весело воскликнула пожилая женщина, с удовольствием глядя на трясущегося мелкой дрожью жениха. – Еще немного, и он сам отведет девчонку под венец с твоим другом, лорд Робин!

– Тогда считаем, что все вопросы улажены! – довольно сказал Робин и с усмешкой покосился на епископа, который в это время что-то шептал на ухо службе. – Милорд епископ, вы давно меня знаете. Собор оцеплен моими стрелками, и никто не выйдет отсюда до тех пор, пока вы не обвенчаете Алана с Элис! Так что не подвергайте напрасному риску жизнь вашего слуги, пытаясь послать его в Ноттингем за помощью!

Епископ обжег лорда Шервуда злым взглядом и невнятно прошипел очередное проклятие. В подтверждение слов Робина в соборе появилась Марианна с обнаженным мечом в руке и стремительно подошла к лорду Шервуда.

– Мой лорд, собор оцеплен, посты на дорогах расставлены, – вполголоса доложила она Робину. – Пока все спокойно, опасности нет.

– Молодец! – с улыбкой похвалил ее Робин. – Из тебя получится отличный военачальник!

Марианна рассмеялась в ответ и стряхнула с головы капюшон. Епископ бросил в ее сторону взгляд и остолбенел, узнав в стрелке, стоявшем возле лорда Шервуда, Марианну. Забыв обо всем – об опасности для себя, о приготовлении к венчанию, епископ широкими шагами подлетел к Марианне и грозно протянул к ней руку.

– Как, это вы, леди Марианна?! – прогрохотал его гневный голос на весь собор. – Мало того, что ты язычница и колдунья, так ты теперь еще и разбойница?! Как ты посмела войти в собор в мужской одежде, бесстыдная, непотребная тварь?! Вон отсюда!

В соборе стало так тихо, что было слышно, как потрескивают свечные фитили. Все взгляды скрестились на Марианне, которая, побледнев от гнева и оскорбления, молча стояла перед епископом, высоко подняв голову и глядя в его рысьи глаза немигающими стальными глазами.

– Милорд епископ, – раздался не менее громкий ледяной голос лорда Шервуда, услышанный каждым в соборе, – вам надлежало заняться венчанием, а вы пустились в лживые обвинения. Такая ошибка может стоить вам жизни.

Епископ резко обернулся к нему так, что его парадное одеяние закрутилось вихрем.

– Не смей угрожать мне, разбойник! – крикнул он, но заметив недобрый блеск, появившийся в глазах лорда Шервуда, невольно понизил голос и заявил с прежней непреклонностью, продолжая указывать на Марианну: – Я и пальцем не шевельну ради того, чтобы обвенчать твоего друга, пока эта ведьма, заклеянная публичной девкой, будет оставаться под сводами собора!

Два меча – лорда Шервуда и Вилла Скарлета – одновременно вылетели из ножен и нацелились на епископа. Тишину в соборе прорезал женский визг. Испуганная Элис невольно прижала ладонь к губам, не сводя расширенных глаз с шервудских братьев и застывшего перед ними епископа. Внезапно Марианна положила ладони на оба клинка и ровным, глуховатым голосом сказала, не сводя с епископа глаз Морриган, полных презрения:

– Мой господин! Лорд Уильям! Прошу вас, не будем омрачать этот день Алану и Элис. Мы ведь пришли сюда ради них, а не для того чтобы научить епископа Гесберта учтивости. Это бесполезно!

Она повернулась и, гордо распрямив плечи и не опуская головы, вышла из собора, провожаемая взглядами, полными любопытства, и перешептыванием.

– Неужели это и вправду леди Невилл?

– Я тоже не сразу узнал ее! Разве она ведьма?

– Неправда, наша госпожа – сама ангел! Епископ клеветает на нее!

– Не может ведь лорд епископ так солгать? Он назвал ее не только ведьмой, но и девкой!

– Кто знает, может быть, она спит с лордом Шервуда! А может быть, и не только с ним!

Когда двери в собор закрылись за ее спиной, спокойствие изменило Марианне. Она подошла к иноходцу, обняла его за шею и прижалась лбом к его голове.

– Что случилось, Саксонка? – с тревогой спросил Клем, поторопившись подойти к замершей возле коня Марианне.

– Все в порядке, Клем, следи за дорогой, – услышал он в ответ совершенно спокойный голос.

Иноходец, фыркая, осторожно высвободился, провел губами по щеке хозяйки, не зная, чем она огорчена, но чувствуя ее огорчение, и утешил Марианну как умел. Она благодарно поцеловала коня в лоб и с трудом проглотила комок, вставший в горле.

Епископ Гесберт наконец дождался своего часа! Теперь, когда Марианна оказалась отверженной, он не церемонясь высказал все, что думал о ней. Она не слишком удивилась, когда он назвал ее ведьмой и язычницей – он всегда ее считал такой. Но грязное слово, которое он швырнул ей в лицо, разнесенное шепотом по всему собору, оскорбило Марианну до глубины души. Робин, который, не размышляя ни минуты, обнажил меч за ее честь, – что он будет чувствовать, и впредь слыша грязные слова о ней? Теперь она не хотела надеяться, что все-таки не безразлична ему, что в его сердце осталась хотя бы малая крупинка прежней любви, как ей показалось утром, когда он так ласково дотронулся до ее плеча и посмотрел на нее тепло, как и прежде.

Что бы ни говорили Джон и отец Тук, она приняла правильное решение и не должна от него отступать, даже если ее сердце не умерло. Ее всегда будут преследовать подобные шепотки, которые Робин не сможет не услышать. Слишком высоко она ставила его честь, чтобы самой подвергать ее оскорблению! И как она теперь посмотрит в глаза другим стрелкам, которые тоже слышали епископа? Что они станут думать о ней? Наверное, то же, что и Вилл, который в июле без стеснения высказал ей в лицо, кем он ее считает. Удивительно лишь, что сегодня и он обнажил свой меч в защиту ее чести!

Гулко ударил соборный колокол, и Марианна поняла, что венчание свершилось.

Когда Алан и Элис оказались в окружении тех, кто спешил поздравить их, Робин снова достал из ножен Элбион и подошел к епископу. Пока длился обряд венчания, Робин был занят единственно тем, чтобы усилием воли придать лицу бесстрастное выражение, хотя в груди бушевала ярость. Он не слышал ни одного слова из брачной церемонии, видя перед собой только глаза Марианны – беззащитные в первую минуту растерянности, потом оскорбленные, непроницаемые, едва она взяла себя в руки и напомнила Виллу и ему о том, ради кого они пришли в собор. Он вспоминал, какой она была прежде, в счастливые дни их любви. Вспоминал, как он нес ее по тайному ходу Фледстана в тот страшный вечер, как разительно она переменялась, когда пришла в себя.

Робин покусывал губы, лишь бы сдержаться до конца обряда. С трудом дождавшись, когда епископ наконец объявил Алана и Элис мужем и женой, Робин уже знал, как он оплатит за то, что услышала Марианна – от епископа и от других. От слуха Робина не ускользнули перешептывания, которыми провожали Марианну, покидавшую собор гордо, неторопливо, но – Робин не сомневался – с трудом удерживавшуюся от гневных слез. Оскорбление за оскорбление, унижение за унижение – пусть будет так.

Епископ замер, увидев рядом с собой лорда Шервуда с обнаженным мечом в руке.

– Что тебе еще надо от меня?

– Сейчас ты принесешь извинения леди Марианне, – раздельно произнес Робин, устремившись взглядом в черные зрачки епископа. – Принесешь так же публично, как оскорбил ее.

Губы епископа надменно покривились:

– А если я откажусь?

– Тогда я убью тебя.

– Здесь, в соборе?! Не посмеешь!

Посветлевшие льдом глаза лорда Шервуда тут же разрешили все сомнения епископа, а движение руки, которым Робин удобнее перехватил эфес меча, уверило в том, что лорд Шервуда поступит так, как обещал. Уступая, епископ опустил глаза и с угрюмой усмешкой пробормотал:

– Вы нашли себе достойную пару, ваша светлость!

Робин лишь улыбнулся в ответ жестокой улыбкой и не оборачиваясь окликнул брата:
– Вилл, сходи за Марианной и приведи ее сюда!

Поняв Робина с полуслова, Вилл, предвкушая скорую месть епископу, почти бегом покинул собор и отыскал Марианну, которая по-прежнему стояла рядом с лошадьми.

– Саксонка, перестань обниматься со своим гнедым и иди со мной! – сказал он, взяв ее за руку.

– Куда? – спросила Марианна.

Когда она поняла, что Вилл ведет ее обратно в собор, силы, которые были уже на пределе, оставили ее. Она попыталась вырвать руку, а потерпев поражение, стала упираться так, что Виллу пришлось втащить ее внутрь. Оказавшись в соборе среди людей, которые тут же забыли о новобрачных и принялись поедать ее глазами и опять шептаться за ее спиной, Марианна придала лицу выражение высокомерного спокойствия и пошла рядом с Виллом твердым, уверенным шагом. Они остановились в нескольких шагах от епископа и лорда Шервуда, который убрал Элбион в ножны.

– Ну, милорд епископ? – тихо, с нажимом произнес Робин, не сводя с епископа жесткого взгляда.

Тот переступил с ноги на ногу и, упорно продолжая смотреть мимо Марианны, с трудом выдавил из себя:

– Леди Марианна, я приношу вам свои извинения.

Его слова были едва слышны, и Робин рассмеялся резким злым смехом:

– Не так тихо, милорд! Твои обличения гремели на весь собор, и сам ты был куда более красноречив, чем сейчас! Повторяй за мной так громко, как только можешь, и молись, чтобы голос тебя не подвел!

Епископ, то бледнея, то заливаясь пунцовой краской от одолевавшей его бессильной ярости, стал повторять слова, которые ему подсказывал Робин, и голос епископа снова заполнил собор:

– Я, епископ Гесберт Герефордский, приношу извинения благородной леди Марианне Невилл и объявляю во всеуслышание, что почитаю ее достойной дочерью нашей матери церкви, безмерно восхищаюсь ее добродетелями, с легким сердцем прощаю ей появление в соборе в мужской одежде. Сам я обязуюсь денно и ночно молить Бога о том, чтобы он простил зло, причиненное моим родичем леди Марианне и ее покойному отцу!

Речь епископа была встречена рукоплесканиями и одобрительными криками. Многие, кто стоял поодаль от епископа, лорда Шервуда и Марианны и потому не видел их лиц, сочли, что епископ говорил от чистого сердца. Среди людей в соборе много было и тех, кто жил во владениях рода Невиллов. Они помнили и любили отца Марианны и ее саму, и им было все равно, искренно говорит епископ или нет. Главное, что он говорит об их госпоже добрые слова и кается в нанесенном ей оскорблении.

– А теперь, чтобы ваше примирение выглядело полным, протяни леди Марианне свой перстень для поцелуя, – сказал Робин, когда епископ замолчал, и посмотрел на Марианну: – Моя леди, я понимаю, как тебе противно целовать его руку, но прошу тебя сделать это ради своей и моей чести.

Епископ, стискивая зубы, заставил себя протянуть Марианне руку с перстнем, а Марианна так же заставила себя опуститься перед ним на одно колено и дотронуться до перстня губами, почувствовав при этом, как рука епископа сжалась в кулак.

– Поднимись, верная дочь церкви! – шепнул епископу на ухо Вилл.

– Поднимись, верная дочь церкви! – подхватил его слова епископ прежним громовым голосом, но тут же осекся и бросил на Вилла, который не удержался от смеха, самый убийственный взгляд. – С меня хватит унижений!

– Да, если впредь проявите благоразумие, – ответил Робин.

Глядя в глаза епископу, он подчеркнуто почтительно подал Марианне руку и вместе с ней и Виллом покинул собор вслед за новобрачными.

– Я еще сделаю подарок вам обоим – и тебе, и твоей ведьме! – с угрозой пообещал епископ, глядя вслед лорду Шервуда и Марианне. – Клянусь посохом, что потребую лишения сана любого, кто посмеет обвенчать тебя с ней!

– Решили сами оказать им такую честь? Или опасаетесь, что леди Марианна окажет плохое влияние на нашего лорда?

Епископ невольно вздрогнул, услышав над ухом голос Джона, встретился с ним глазами и прочитал в них угрозу.

– Даже не думайте чинить им препятствия! – и Джон выразительно покачал головой. – Благоразумие и сдержанность – самые приличествующие вашему сану добродетели!

Нагнав новобрачных, Робин обнял Алана и Элис и ласково поцеловал в щеку зардевшуюся девушку.

– Все, друзья, поехали праздновать вашу свадьбу! – сказал он и, оглянувшись на Статли, крикнул: – Вилли, снимай оцепление и посты! Передай всем благодарность от меня, и особенно от Алана, и вели возвращаться в Шервуд! Алан, если хочешь кого-то пригласить на обед в вашу честь, сделай это сам!

Не удержавшись, он снова прикоснулся губами к нежной щеке Элис. Алан недовольно притянул юную жену к себе.

– Считаю, что этим поцелуем твое право первой ночи исчерпано! – проворчал он, посмотрев на Робина, и перевел взгляд на Элис: – А ты, бесстыдница, для чего венчалась со мной, если, едва дав брачные обеты, льнешь к Робину?

– Как же вы мне надоели этим правом! – воскликнул Робин. – Когда я им пользовался? Вы просто завидуете, что я им обладаю, а вы нет.

– Как раз сегодня им будет обладать Алан, а не ты! – поддразнил брата Вилл, целуя покрасневшую от его шутки Элис. – Поздравляю, малышка! Береги нашего Алана!

По знаку Робина стрелки сели на лошадей, и через несколько минут возле собора не осталось ни одного человека в зеленой куртке Шервуда.

– Знаешь, чего мне больше всего сейчас хочется? – спросил Робин Джона, который ехал рядом с ним.

Джон скользнул взглядом по усталому лицу лорда Шервуда и понимающе хмыкнул:

– Спать – чего же еще?! Два дня и ночь подряд на ногах – я сам готов уснуть хоть сейчас!

– Угадал! – подавив зевок, признался Робин. – Кажется, я с трудом удержусь в седле до лагеря, а ведь еще будет свадебный обед.

Джон заметил, как с ехавшей далеко впереди Марианной как бы случайно поравнялся Вилл и сдержал своего коня так, чтобы тот шел вровень с иноходцем. Посмотрев на задремавшего в седле Робина, Джон решительно толкнул его:

– Давно хочу поговорить с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.